91(47)
С-302.

159718

91
m4 C.292

90 к.

БИБЛІОТЕКА
№ 587
ЗЕМСТВО
ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ УѢЗДНАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА

АРХИВ

Инв. 1936 г. № 169718 17

С 302

КНИГОПРОДАВЦЕМЪ-ТИПОГРАФОМЪ

М. О. ВОЛЬФОМЪ,

въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, изданы или пріобрѣтены:

Краткая исторія русской словесности. Учебникъ для гимназій и женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 50 к.

— Священная исторія церкви Ветхаго и Новаго завѣта, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи. Разсматривана Святѣйшимъ Сунодомъ. Съ 23 тисненія безъ перемѣнъ. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. въ корешкѣ 10 к.

Лафоссъ, І. Г. Руководство для юношества. Сборникъ французскихъ постепенныхъ отрывковъ въ прозѣ и въ стихахъ съ русскимъ переводомъ. Изд. 2-е. Въ 12 д. л. Спб., 1864. Ц. 50 к.

Зуевъ. Учебная книга всеобщей исторіи. Ч. I. Древняя исторія. Ч. II. Средняя исторія. Ч. III. Новая исторія. Руководство для гимназій. Изданіе четвертое. Въ 8 д. л. Спб. 1856 — 1857. Ц. за 3 т. 4 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно 1 р. 50 к.

Исторія Россіи въ разсказахъ. Учебникъ для младшаго возраста. Изданіе 2-е, передѣланное. Въ 12 д. л. Ц. 1 р. 25 к.

Грессе. Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. Въ 8 д. л. Ц. 1 р. 25 к.

Томилинъ. Историческіе труды. Въ 8. л. Спб. 1854. Ц. 1 р.

Шлоссеръ, Ф. Всемірная исторія. Т. I по XII. Въ 8 д. л. 1861 — 1865. Каждый томъ по 1 р. 50 к. Подписка на томы XIII по XVIII (Новая исторія), изданіе Вольфа, 9 р., съ пер. 11 р. Цѣна полному сочиненію изъ 18 томовъ 27 р.

Лашинъ. Разсказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ 8 д. л., съ 32 политипажами въ текстѣ. Изданіе Вольфа. Въ красивомъ переплетѣ. Ц. 1 р.—Съ раскрашенными картинами, въ красивомъ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к. — Того же сочиненія изданіе въ полулиста, на веленевой бумагѣ съ 30 большими литографированными и раскрашенными рисунками, въ красивомъ переплетѣ. Ц. 4 р.—Того же сочиненія изданіе въ 4 д. л., съ 30 гравированными на стали таблицами, представляющими болѣе 300 сценъ изъ Священнаго писанія, въ богатомъ переплетѣ. Ц. 3 р. — Съ тѣми же картинами, но раскрашенными, въ богатомъ переплетѣ. Ц. 4 р.

Синайскій. Греческо-русскій словарь. Въ 16 д. л. М. 1862. Ц. 2 р. 50 к.

Сидовъ. Географическій атласъ. Въ 4 д. л. Гота. Ц. 3 р. 60 к.

Фринксъ. Русско-французско-нѣмецкіе легкіе разговоры для женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 16 д. л., въ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 60 к.

Шютцъ, В. Учебникъ сравнительной географіи, для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. 4 тома въ 8 д. л. Ц. 2 р. 20 к. Отдѣльно Ч. I, Азія. Ц. 50 к. Ч. II, Европа. Ц. 60 к. Ч. III, Африка и Новый Свѣтъ. Ц. 50 к. Ч. IV, Русская имперія. Ц. 60 к.

Учебный атласъ всеобщей географіи, состоящій изъ 28 въ листъ гравированныхъ на мѣди нѣмыхъ картъ всѣхъ государствъ земнаго шара, служащій легкимъ и вѣрнымъ способомъ для изученія географіи посредствомъ копировки картъ и методическаго рисованія ихъ. Въ 2 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 28 раскраш. картамъ въ красивой папкѣ 2 р.75 к., нераскраш. 2 р.

Михайловъ. Учебный зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ болѣе 500 отдѣльныхъ фигуръ, съ названіями на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. XV рисунковъ въ листъ. Спб. 1867. Ц. 1 р. 20 к. На веленевой бумагѣ 1 р. 50 к.

—— Курсъ естественной исторіи. Зоологія. Изд. 3-е Вольфа. Въ 8 д. л. Спб. 1867. Ц. 1 р.

—— Приготовительный курсъ зоологіи. Составленный по методѣ Любена и Габріеля. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Спб. 1867. Ц. 85 к.

Вендъ, Д-ръ, Э. Атласъ естественной исторіи трехъ царствъ природы. Составленъ для обученія дома и въ школѣ. 52 таблицы, снятыхъ съ натуры и роскошно раскрашенныхъ изображеній животныхъ, растеній и минераловъ. Съ приложеніемъ объяснительнаго текста. Въ 4 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к.

Жоржъ. Практическій курсъ французскаго языка, для начинающихъ. Въ 8 д. л. Спб. 1865. Ц. 60 к.

Геннигъ. Практическій курсъ грамматики нѣмецкаго языка по методѣ Оллендорфа. Въ 12 д. л. Изданіе Вольфа. Спб. 1868. Ц. 75.

Упражненія въ декламаціи, или собраніе стихотвореній для дѣтей, извлеченное изъ лучшихъ писателей. Въ 12 д. л. Изд. 3-е Вольфа. Спб. 1867. Ц. 20 к.

Классовскій. Версификація. Въ 8 д. л. Спб. 1864. Ц. 75 к.

—— Латинская просодія. Въ 16 д. л. Спб. 1866. Ц. 60 к.

—— Основанія словесности. Ч. I. Стилистика. Въ 16 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 75 к.

—— Русская Грамматика. 3-е исправленное изданіе. Курсъ I и II. 2 тома въ 12 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. за оба курса 1 р. 25 к. Отдѣльно курсъ I. Ц. 50 к. Курсъ II. Ц. 75 к.

—— Славянская грамматика. Изданіе 2-е, передѣланное. Въ 12 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 75 к.

—— Справочная книга по русскому правописанію. Въ 16 д. л. Изд. Вольфа. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Souqué. Grammaire théorique et pratique de la langue française. 2 т. въ 16 д. л. 1865. Изд. Вольфа. Ц. каждому тому 50 к.

Петерсонъ. Краткія русскія, французскія и нѣмецкія прописи. Тетрадь съ 26 таблицами. Въ 8 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 50 к.

Livre de lecture et de traductions du français en russe, suivit d'exercices de mémoire, avec un vocabulaire. Въ 8 д. л. Спб. 1867 г. Ц. 75 к.

Веберъ. Краткій учебникъ всеобщей исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Вейнберга. 3 т. въ 16 д. л. Изданіе Вольфа. Т. I. Древняя исторія. Ц. 50 к. Т. II. Средняя исторія. Ц. 50 к. Т. III. Новая исторія. Ц. 75 к. Ц. 3 томамъ 1 р. 75 к.

Выпискій, Г. Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія. Въ 8 д. л. 1860. Ц. 60к.

Историческіе очерки изъ современныхъ европейскихъ писателей, какъ-то: Арндта, Неймана, Минье, Ранке, Зибеля, Вебера, Бертрана, Лабулэ, Беэха, Коллофа, Сенъ-Рене-Тальяндіе. 1 т. въ 8 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 2 р.

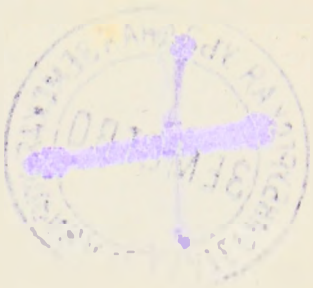
Маколей. Полное собраніе сочиненій. Томъ I по XVI. Въ 8 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. полному сочиненію 25 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к. Т. XVI, заключающій въ себѣ галерею портретовъ, 6 р.

ЗЕМСТВО

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

ТОМЪ IV.

ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ.



ЭК
91
С. 222
91(47)
С 30

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

РОССІЯ

ПО

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

И

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. СЕМЕНОВЪ.

ТОМЪ IV.

ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ.

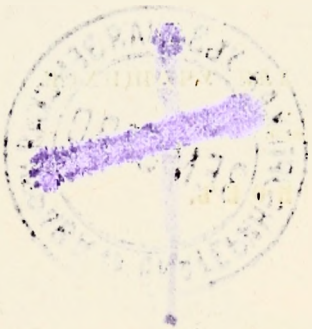
Губернская земская управа
Тверь

САНКТПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1867.

91(47)



ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., КАРАВАННАЯ, № 24).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VI. СИБИРЬ.

		Стр.
1.	Историко-этнографическій очеркъ Сибири	1
2.	Сибирская тундра	18
3.	Сибирская тайга	23
4.	Сибирскія горы (ст. Пассека: Очерки Россіи)	29
5.	Остяки	34
6.	Обдорскъ	45
7.	Якуты	46
8.	Буряты (ст. Раева)	55
9.	Чукчи (изъ пут. Врангеля)	64
10.	Русскіе колонизаторы Сибири	69
11.	Рудникъ	79
12.	Сибирская торговля пушнымъ товаромъ (Гартвигъ. Прир. и челов. на сѣверѣ)	84
13.	Якутскъ (изъ поѣздки Щукина)	94
14.	Кяхта	109
15.	Амуръ (Морск. Сборн. 1862 г.)	118
16.	Туркестанъ (Семимѣсячн. плѣнъ Татаринова)	130
17.	Ура-Тюбе (Отеч. Зап. 1867 г.)	134

VII. ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

1.	Бѣлоруссія	141
2.	Бѣловѣжская пуща	148
3.	Домашній бытъ литовцевъ (Мат. Геогр. и Стат. Ковенск. губ.)	152
4.	Цыгане	171
5.	Эсты	180
6.	Варшава	190
7.	Евреи	197
8.	Поляки	209
9.	Польскіе магнаты (изъ ст. Костомарова: Вѣстн. Европы 1866 г.)	227

VI. СИБИРЬ.

1. Историко-этнографическій очеркъ.

Сибирь представляетъ такую обширную низменность, какой нѣтъ нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ. Она занимаетъ пространство земли въ 200,000 кв. миль — большe, чѣмъ вся Европа. Но, не смотря на свое громадное протяженіе, Сибирь чрезвычайно бѣдна населеніемъ (около 4 милліоновъ), населеніемъ, которое такъ непропорціонально, что ее превосходитъ даже такое маленькое государство, какъ Бельгія, занимающая всего 550 квад. миль и имѣющая, однако, $4^1/_2$ мил. жителей. Притомъ, и это ничтожное населеніе Сибири распредѣлено неравномѣрно. Жители, большею частью русскіе и татары, преимущественно поселились на югѣ и западѣ по рѣкамъ и вдоль главныхъ путей сообщенія, ведущихъ изъ одной рѣчной области въ другую. На сѣверѣ точно также большинство жителей разсѣялось вдоль рѣкъ; большая же часть неизмѣримой лѣсной области и необозримой тундры или вовсе необитаема, или посѣщается только по временамъ небольшими ордами кочевыхъ народцевъ.

Дикая, бродячая жизнь разныхъ раздробленныхъ, мелкихъ племенъ, населявшихъ Сибирь до завоеванія ея Россіею, не представляла никакого развитія ни въ промышленомъ, ни въ гражданскомъ отношеніи. На югѣ и западѣ Сибири, при благорастворенномъ климатѣ, цѣлыя тысячи квад. миль способны къ воздѣлыванію различныхъ родовъ хлѣба, а въ ея льдистыхъ тундрахъ и непроходимыхъ лѣсахъ скрываются несмѣтныя и рѣдкія

сокровища, какъ-то: драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей — соболя, бобра, морской выдры, чернобурой лисицы, горностая и проч., золото, янтарь, *мамонтовая* кость *). Но, не смотря на эти, единственныя въ своемъ родѣ, богатства, Сибирь долго оставалась неизвѣстною для европейцевъ. Главными причинами тому были: огромныя пространства безлюдныхъ степей и лѣсовъ, отдаленность страны отъ образованнаго міра и суровость климата по окраинамъ ея морей, долженствовавшихъ служить самымъ удобнымъ путемъ сообщенія. Хотя существуютъ извѣстія, что еще въ XI вѣкѣ предпріимчивые новгородцы входили въ торговыя сношенія съ сибирскими народами; но только съ XVI столѣтія собственно начинаютъ посѣщать Сибирь, съ одной стороны, корыстолюбивые промышленики и удальцы-казаки, а съ другой — ученые, любознательные изслѣдователи.

Древнѣйшими поселенцами Сибири, о которыхъ дошли до насъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, были племена финскаго происхожденія — *Чудь*, занявшія горы и предгорья Алтая и Урала въ тѣ отдаленныя времена, когда низменность сибирская, вѣроятно, еще была подъ водою.

Но вообще трудно сказать что-нибудь положительное какъ объ этихъ, такъ и другихъ древнѣйшихъ обитателяхъ Сибири, — такъ какъ отличительныя черты ихъ постепенно видоизмѣнялись вслѣдствіе смѣшенія съ инородческими племенами, постоянно стремившимися съ нагорныхъ возвышенностей центральной Азіи и тѣснившими туземцевъ все дальше къ сѣверу и востоку. Смѣшеніе это совершалось послѣдовательно между племенами слѣдующаго происхожденія: финскаго, киргизскаго, монгольскаго, манджурскаго, турко-татарскаго и, наконецъ, славяно-русскаго.

Саги (народныя преданія) и исторія единогласно свидѣтель-

---

*) *Мамонтами* называютъ допотопныхъ гигантскихъ слоновъ, одни бивни которыхъ вѣсятъ отъ 150 до 300 фунтовъ.

Остовы этихъ животныхъ находятъ по берегамъ Ледовитаго моря и преимущественно близъ рр. Оби, Енисея и Лены.

Одинъ экземпляръ такого гиганта-слона находится въ музеѣ Академіи наукъ.

ствуютъ, что дикія племена Сибири вели кровавыя войны между собою. На тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ послѣ приволжскій казакъ Ермакъ одержалъ лучшія свои побѣды, часто лежали рядомъ кости остяковъ и вогуловъ, вмѣстѣ съ костями ихъ самоѣдскихъ и татарскихъ сосѣдей.

Борьба эта главнымъ образомъ происходила оттого, что у дикихъ народовъ существуетъ обычай, чтобы женъ себѣ брать не изъ своего собственнаго, но изъ другаго, чуждаго, неродственнаго племени. Пѣсни самоѣдовъ, остяковъ и другихъ племенъ воспоминаютъ о герояхъ, которые воевали единственно изъ-за того, чтобы пріобрѣсти руку и сердце молодой женщины. Въ борьбѣ племенъ въ сибирской низменности неминуемо происходило смѣшеніе народовъ и развитіе новыхъ племенныхъ разновидностей. Смѣшеніе это всего болѣе совершалось въ низменности при-алтайской, въ ея предгорныхъ степяхъ и равнинахъ.

До прихода и распространенія въ Сибири славяно-русскаго племени, замѣтный перевѣсъ одерживало въ этой борьбѣ племя татарское, благодаря своему физическому и умственному преимуществу и своимъ воинственнымъ наклонностямъ. Племя татарское одержало верхъ не только надъ многими малолюдными финскими племенами, но и надъ значительною частью монгольскаго племени и, такимъ образомъ, до появленія русскаго народа, приняло на себя главную роль въ смѣшеніи и образованіи сибирскихъ народцевъ. Въ началѣ XIII столѣтія въ Сибирь зашли монголы подъ предводительствомъ извѣстнаго завоевателя *Чингисъ-хана*, который и основалъ татарско-монгольское царство. При смѣшеніи съ монголами кровь татарская, однако, преобладала, удержавъ только немного признаковъ монгольства. Хотя Чингисъ-ханъ былъ природный монголъ, ходилъ въ первые свои проходы съ монголами, да и послѣ при войскѣ своемъ всегда имѣлъ монголовъ, но они со временемъ, между великимъ множествомъ татаръ, мало-по-малу перевелись, даже языкъ ихъ пришелъ въ забвеніе. Тѣмъ не менѣе смѣсь двухъ племенъ еще и теперь замѣтна: монгольскій типъ отразился на татарахъ, потому что побѣдители обыкновенно брали себѣ женъ изъ числа

побѣжденныхъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія еще и теперь нѣкоторыя поколѣнія татарскія по наружности кажутся, какъ-будто они монгольскіе народы, какъ напр. кузнецкіе татары, якуты и нѣкоторые другіе.

Одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана, Шейбани, основалъ около средины XIII ст., въ нынѣшней киргизской степи, независимое *ханство Туранское*, которое вскорѣ увеличилось съ сѣвера новыми завоеваніями. Первая резиденція Шейбани находилась на берегу *Туры*, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынче стоитъ г. Тюмень, и въ честь великаго хана монголовъ называлась *Чингидинъ*. Въ послѣдствіи городъ этотъ былъ покинутъ, и ханы перенесли свое мѣстопребываніе на восточный берегъ Иртыша, гдѣ вблизи отъ нынѣшняго Тобольска, основанъ былъ г. *Искеръ*, получившій потомъ названіе Сибири, названіе, которое позже перешло и на всю огромную страну, называемую нынче этимъ именемъ. *Монгольско-татарское* царство это продержалось вплоть до XVI стол., когда пришли сюда русскіе завоеватели. Послѣднимъ ханомъ былъ *Кучумъ*, потомокъ Чингисъ-хана. Онъ первый ввелъ исламъ въ Сибири, стараясь распространить его всѣми возможными мѣрами; но тутъ, на пути своемъ, онъ встрѣтился съ русскими, которые, начиная въ 1555 г., стали подчинять своей власти сибирскія племена.

Когда при Іоаннѣ IV была покорена Казань (въ 1552 г.) и Астрахань (1554 г.), и далеко разнеслась молва о могуществѣ московскаго царя, то, въ 1555 г., сибирскій ханъ обратился къ его покровительству съ просьбою о помощи противъ своихъ враговъ и съ обязательствомъ платить дани по 30,700 соболей. Тогда сибирскій князь говорилъ одному изъ русскихъ людей: «Теперь собираю дань, къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ царемъ киргизъ-кайсацкимъ; одолѣетъ меня царь киргизъ-кайсацкій, сядетъ на Сибири: но и онъ господарю дань станетъ же давать.» Но сибирскіе князья то соглашались платить ее, то отказывались, надѣясь на безнаказанность, вслѣдствіе отдаленности ихъ владѣній отъ областей московскихъ. Такъ, послѣдній князь, или царь, утвердившійся

въ Сибири, Кучумъ, вмѣсто того, чтобы платить Іоанну дань, убилъ московскаго посла. Прочное подданство Зауралья Москвѣ могло утвердиться только вслѣдствіе извѣстнаго движенія русскаго народа на сѣверовостокъ, когда русскіе промышленики приблизили свое селище къ такъ называемому Каменному поясу (Уральскому хребту), а потомъ задумали перейти и чрезъ него. Въ исторіи этой сѣверо-восточной русской колонизаціи весьма важную роль играетъ родъ Строгоновыхъ.

При Іоаннѣ IV огромныя земли въ восточной Россіи еще не были заселены: по обѣимъ сторонамъ р. Камы до рѣки Чусовой лежали мѣста пустыя, черные лѣса, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустыя, и всего этого мѣста было до 146 верстъ. Чтобы заселить и обработать эти земли требовались громадныя средства. И вотъ являются богатые и предпріимчивые купцы Григорій и Яковъ Строгоновы, дѣды которыхъ еще при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ населили пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Григорій Строгоновъ въ 1558 г. получилъ отъ царя льготную грамату, по которой ему предоставлялись прикамскія земли въ полное владѣніе съ тѣмъ, чтобы поселившіеся на нихъ люди въ продолженіе 20 лѣтъ не платили никакихъ пошлинъ и никакой дани; зато защита отъ нападеній пріуральскихъ и зауральскихъ дикихъ ордъ лежала на обязанности и собственныхъ средствахъ владѣльца. Поэтому Строгоновъ долженъ былъ строить городки, или острожки (крѣпостцы), снабжать ихъ нарядомъ (артиллеріею) и содержать ратныхъ людей. Въ 1566 г. братъ Григорья, Яковъ, получилъ еще землю на 20 верстъ къ прежнему пожалованію, причемъ также обязывался построить крѣпости на свой счетъ съ городовымъ нарядомъ скорострѣльнымъ. Утвердившись по сю сторону Урала и заведши соловаренные промыслы, Строгоновы естественно должны были обратить вниманіе и на земли зауральскія, обѣщавшія имъ еще больше выгодъ, чѣмъ земли прикамскія: драгоцѣнный звѣрекъ, соболь, конечно, имъ уже былъ извѣстенъ; притомъ, желѣзная и мѣдная руда — тоже вещи весьма полезныя. Скоро представился Строгоновымъ удоб-

ный случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе новыхъ *землицъ* за Ураломъ.

Въ 1573 г. сибирскій царевичъ Маметкулъ приходилъ съ войскомъ на р. Чусовую провѣдовать дороги, какъ бы ему пробраться къ Строгоновскимъ городкамъ и въ Пермь великую; причемъ побилъ много остяковъ, московскихъ данниковъ, полонилъ ихъ женъ и дѣтей и убилъ государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. И только не доходя пяти верстъ до Строгоновскихъ городковъ, Маметкулъ воротился назадъ, напуганный разсказами плѣнниковъ, что въ городкахъ этихъ собралось много ратныхъ людей. Строгоновы, увѣдомивъ царя объ этомъ нападеніи, били челомъ, что они своихъ наемныхъ казаковъ, безъ царскаго вѣдома, за сибирскою ратью посылать не смѣютъ, между тѣмъ какъ зауральскіе остяки просятъ, чтобы государь оборонялъ ихъ отъ сибирскаго салтана (царя), а они будутъ платить дань въ Москву; для этого бы государь пожаловалъ ихъ, Якова и Григорья Строгоновыхъ, — позволилъ по р. Тоболю и по рѣкамъ, впадающимъ въ Тоболь, до вершинъ ихъ, крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владѣть. Разумѣется, предложеніе перенести русскія владѣнія за Уралъ, пріобрѣсти тамъ новыхъ данниковъ и оборонять ихъ безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ со стороны правительства — не могло не понравиться Іоанну; и онъ далъ Строгоновымъ (въ 1574 г.) льготную грамату, подобную той, какую они уже получили на прикамскія земли. Но теперь Строгоновымъ приходилось уже вести войну не только оборонительную, но и наступательную — посылать войско противъ сибирскаго салтана, брать сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань ихъ проводить за царя... Наступательная война была необходима уже и потому, что прежде, чѣмъ взять землю въ свое владѣніе и завести на ней промыслы, надобно было очистить ее отъ сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностью. Строгоновы, какъ мы уже сказали, обязывались вести эту войну на свой счетъ; слѣдовательно, должны были имѣть

свое войско: изъ кого же они могли составить его? На охочихъ инородцевъ — остяковъ, вогуличей, югричей, самоѣдовъ — была плохая надежда. Строгоновы нуждались въ такихъ передовыхъ людяхъ колонизаціи, которые вовсе не имѣютъ мирнаго промышленаго характера, — нуждались въ отважныхъ отыскивателяхъ путей и новыхъ жилищъ, — словомъ, нуждались въ казакахъ.

Завоеванія Іоанна по Каспійскому морю вызвали новыя торговыя сношенія съ Бухаріею и Персіею; но этой торговлѣ мѣшали грабежи донскихъ казаковъ. До царя доходили неоднократныя жалобы на разбои этихъ удальцовъ. Надѣясь на безнаказанность, вдали отъ государства, они не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній и не только нападали на ногоевъ, азовцевъ и крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ и русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ высылать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей: казаковъ ловили и казнили; другіе разбѣгались, какъ волки, по выраженію лѣтописца; одна же толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгоновыхъ вступить къ нимъ въ службу, — они согласились съ радостью. Во главѣ бѣглецовъ стоялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, которому и суждено было покорить новое царство и принести его въ даръ своему государю.

Съ 1579 до 1581 г. донскіе казаки пробыли въ имѣніяхъ Строгоновыхъ, которымъ они помогали защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей вогуличей. Послѣ пораженія этихъ послѣднихъ и взятія въ плѣнъ ихъ мурзы Бегбалія, Строгоновы рѣшились отпустить казаковъ, Ермака съ товарищами, за Уральскія горы, куда ихъ влекла заманчивая надежда завладѣть царствомъ соболей. По словамъ лѣтописца, весь отрядъ Ермака состоялъ только изъ 840 челов., въ числѣ которыхъ были находившіеся въ Строгоновскихъ городкахъ плѣнные литовцы и нѣмцы, а также татары и русскіе, всего 300 челов. Завоеваніе Сибири сравниваютъ съ завоеваніемъ испанцами Мексики и

Перу: какъ тамъ, такъ и здѣсь горсть отважныхъ людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала цѣлыя тысячи дикарей, вооруженныхъ лишь стрѣлами и копьями. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей и смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать.

Казаки отправились въ Сибирь 1 сентября 1581 г. Сначала они шли четыре дня вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной; потомъ плыли два дня по Серебряной до Сибирской дороги. Здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавъ его Ермаковымъ Кокуемъ-городомъ; съ этого мѣста шли волокомъ до р. Жаровли, выплыли въ р. Туру, гдѣ начиналась сибирская страна. Плывя внизъ по Турѣ, казаки повоевали много татарскихъ городковъ и улусовъ. Въ числѣ плѣнныхъ татаръ схватили одного изъ приближенныхъ Кучума, именемъ Таузака, который и разсказалъ о своемъ салтанѣ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучуму, чтобы онъ разсказами своими о казакахъ настращалъ салтана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучуму: «Русскіе воины сильны; когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышитъ, дымъ выходитъ, и громъ раздается, стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти убиваютъ; защититься отъ нихъ никакими ратными збруями нельзя, — все на вылетъ пробиваетъ.» Эти разсказы нагнали на Кучума печаль и раздумье. Однако онъ рѣшился твердо бороться съ русскими: собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить казаковъ, а самъ укрѣпился подлѣ р. Иртыша, подъ горою Чувашьею. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу р. Тоболя и былъ разбитъ; ружье восторжествовало подъ лукомъ. Затѣмъ казаки еще два раза разбили непріятельское войско близъ Иртыша; взяли медъ и богатство царское; но и побѣдители здѣсь поплатились нѣсколькими убитыми и всѣ были переранены. Сибирскіе защитники, съ своей стороны, тоже показали неустрашимость, смѣлость и отвагу; неслись во весь духъ на казаковъ. Но тщетны были ихъ усилія: въ тотъ же вечеръ казаки взяли ихъ

городъ Атикъ-Мурзы и здѣсь провели всю ночь, не смыкая глазъ, опасаясь нападенія. На другой день должна была рѣшиться ихъ участь: имъ предстояла еще одна рѣшительная битва, отъ которой зависѣли плоды ихъ побѣдъ; надобно было вытѣснить Кучума изъ его засѣки. Но силы побѣдителей значительно ослабѣли, положеніе ихъ было затруднительно, — и вотъ они собрали кругъ (совѣтъ) и разсуждали: идти ли дальше, или возвратиться назадъ? Но такъ какъ была ужъ поздняя осень, рѣки покрывались льдомъ, и отступленіе не представляло большей безопасности, чѣмъ дальнѣйшая борьба, то рѣшено было большинствомъ — идти впередъ. На разсвѣтѣ, 23 октября, казаки вышли изъ городка и начали приступать къ засѣкѣ; осажденные, пустивъ тучи стрѣлъ на нападавшихъ, проломили сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя, казаки побѣдили; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и старый ханъ оставилъ свою засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ Сибирь, забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. 26 октября казаки вошли въ Искеръ, или Сибирь. Если вѣрить лѣтописцу, здѣсь побѣдители нашли великое богатство: множество золота и серебра, азіятскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ и все братски раздѣлили между собою. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ царствомъ, казаки еще не видѣли въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи. Но черезъ четыре дня явились къ нимъ остяки, съ своимъ княземъ, съ дарами и запасами; клялись въ вѣрности и требовали милосердія и покровительства. Потомъ стали приходить татары съ женами и дѣтьми и стали селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ. Послѣ этихъ неудачъ, Маметкулъ еще два раза пытался бороться съ казаками, но смѣлость и смышленость этихъ послѣднихъ, пушки и ружья и въ этотъ разъ восторжествовали: царевичъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву.

Не смотря на всѣ эти побѣды, и казакамъ въ свою очередь приходилось испытать много несчастій: съ одной стороны,

они гибли отъ болѣзней, стужи, голода, а съ другой, — безпрерывныя стычки съ многочисленными дикарями не всегда были удачны, хотя объ Ермакѣ въ Сибири разнеслась молва, какъ о непобѣдимомъ героѣ, какъ о «мужѣ грозы и доблести сверхъестественной». Въ какой-нибудь одинъ годъ Ермакъ утвердилъ было уже свое господство по рр. Иртышу и Оби. Но силы казаковъ совершенно ослабли; для удержанія въ своихъ рукахъ покоренныхъ народцевъ необходимы были свѣжія подкрѣпленія. Ермакъ извѣстилъ о своихъ побѣдахъ Строгоновыхъ и отправилъ одного изъ лучшихъ своихъ сподвижниковъ, Ивана Кольцо, къ царю съ повинною — «бить челомъ Іоанну царствомъ сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами» и молить государя о забвеніи ихъ прежнихъ преступленій. Извѣстіе о завоеваніи Сибири въ Москвѣ было встрѣчено съ величайшею радостью: государь и народъ, какъ говорятъ лѣтописи, «воспрянули духомъ». Іоаннъ принялъ Ермаковыхъ пословъ ласково, жаловалъ ихъ деньгами, сукнами и другими подарками и отправилъ въ Сибирь отрядъ стрѣльцовъ съ чиновниками. Хотя эта помощь въ сущности была незначительна, хотя дикари еще разъ возстали и Ермакъ, по преданію лѣтописи, погибъ, наконецъ (въ 1584 г.), какъ истинный герой, въ волнахъ Иртыша, а Кучумъ еще разъ вздохнулъ свободнѣе въ родимой своей столицѣ Искеръ; но это уже было въ послѣдній разъ, и участь Сибири была рѣшена окончательно. Славяно-русское племя, какъ болѣе даровитое и какъ болѣе сильное и своею относительною численностью, и умственнымъ развитіемъ, не могло не восторжествовать надъ разрозненными ордами дикарей.

Начиная со временъ Ермака, вплоть до настоящаго времени (до 1858 г.) русскія владѣнія въ Сибири постепенно увеличивались все болѣе и болѣе, то на счетъ кочующихъ народцевъ, то на счетъ владѣній китайскаго императора. Подвигаясь все дальше, русскіе строили въ удобныхъ мѣстахъ небольшія деревянныя крѣпостцы-остроги, которые въ свою очередь становились исходной точкой для новыхъ завоеваній. Въ 1604 г.

былъ уже основанъ Томскъ, а въ 1621 г. заложенъ острогъ Енисейскъ, куда на рынокъ сосѣдніе кочевники приносили на продажу соболей. Казаки ревностно шли за тунгусскими ордами, изъ которыхъ многія приходили съ средней и нижней Тунгуски. Такъ Васильевъ въ 1630 г. достигъ береговъ величественной Лены и воротившись обогатилъ казну 2,000 соболей. Разсказываютъ, что послѣдовавшіе за нимъ промышленики вымѣнивали соболей у якутовъ на желѣзные котлы и брали за котелъ столько шкурокъ, сколько нужно для того, чтобы наполнить его до краевъ. Вотъ было золотое время мѣховой торговли! Въ 1639 г. казаки перешли Алданскія горы и по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ дошли до негостепріимныхъ береговъ Охотскаго моря. Въ томъ же году открытъ Амуръ, и на его лѣвомъ берегу заложенъ крѣпкій острогъ, названный Албазиномъ. Вскорѣ распространилась по Сибири вѣсть, что мощная рѣка течетъ по богатому золотомъ песку: и сюда начали стекаться поселенцы какъ ради этихъ сокровищъ, такъ и для того, чтобы пользоваться плодами плодородной почвы и умѣреннаго климата. Но ревнивые китайцы въ 1680 г. разорили острогъ и отвели въ Пекинъ плѣнный гарнизонъ. Но Албазинъ вскорѣ былъ снова выстроенъ. Хотя, для избѣжанія непріятныхъ столкновеній съ Китаемъ, русское правительство въ 1689 г. по нерчинскому трактату отказалось было отъ всѣхъ видовъ на Амурскую область; однако, въ послѣднее время (по айгунскому трактату) Россія опять владѣетъ Амуромъ. При устьѣ рѣки нынѣче поднимается сильная крѣпость Николаевскъ; рядъ крѣпостей тянется вдоль берега; пароходы плаваютъ по Амуру и Шилкѣ, — словомъ, положены основы прочнаго владѣнія.

Прослѣдивъ постепенныя завоеванія русскихъ отъ Урала до Восточнаго океана, намъ теперь любопытно взглянуть на судьбу народовъ, населявшихъ эту обширную страну, называемую Сибирью. Какъ измѣнился жребій туземцевъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые казакъ произнесъ здѣсь слово *ясакъ* (дань соболями)?

Къ сожалѣнію, правда требуетъ сказать, что участь ихъ была слишкомъ незавидна, — это общій жалкій удѣлъ дикарей, впервые приходящихъ въ соприкосновеніе съ сильною, образованной націей. И здѣсь, въ Сибири, повторяется то же самое, что было около вѣка раньше въ Америкѣ. Завоеватели Сибири, не уступая въ смѣлости и твердости спутникамъ Кортеца и Пизарро, не уступали имъ и въ ненасытномъ корыстолюбіи и въ безчеловѣчной жестокости. Подъ ихъ жестокимъ игомъ исчезли цѣлые народы, нѣкогда сильные и многочисленные, а теперь извѣстные лишь по имени. Объ омокахъ напр. осталось такое преданіе, будто «на берегахъ р. Калымы было прежде огней у омоковъ болѣе, нежели звѣздъ на этомъ небѣ». Отъ другихъ народовъ, какъ отъ вогуловъ, юкагировъ, коряковъ и ительменовъ, остаются лишь слабые остатки.

Вотъ что разсказываютъ о порабощеніи ительменовъ (въ Камчаткѣ). Когда 17 казаковъ пришли въ страну ительменовъ, то старшина спросилъ ихъ черезъ корякскую переводчицу: чего имъ нужно, и откуда они пришли? На это казаки отвѣчали: „Великій государь, обладатель всей вашей земли, прислалъ насъ, чтобы соболями взять дань, которую вы, какъ подданные, обязаны платить. Конечно, старшина изумился, узнавъ, что онъ живетъ въ странѣ, принадлежащей государю, о которомъ никогда и не слыхивалъ, но тѣмъ не менѣе велѣлъ дать смѣлымъ чужестранцамъ богатые мѣха и просилъ казаковъ не повторять своихъ посѣщеній. Но казаки не пошли далѣе, остались здѣсь, построили небольшую деревянную крѣпостцу, производили набѣги на сосѣднія деревни и грабили все, что попадалось. Попытки ительменовъ освободиться отъ притѣснителей, разумѣется, были безуспѣшны. Такъ какъ хитрые казаки постоянно имѣли друзей между ительменами, то всегда напередъ узнавали намѣренія своихъ враговъ и продолжали свои притѣсненія. Наконецъ, дикари въ такомъ множествѣ напали на крѣпость, что даже казаками овладѣлъ страхъ; однако, и на этотъ разъ послѣдніе одержали полнѣйшую побѣду, и кто не избѣжалъ ихъ пули, или утонулъ въ водѣ, или былъ взятъ въ плѣнъ и за-

травленъ голодными собаками. Вообще, казаки, замѣтивъ, что не могутъ обладать страной, пока туземцы многочисленны, стали возбуждать противъ себя этихъ послѣднихъ всѣми возможными оскорбленіями и при первомъ возстаніи избивали ихъ, а женъ и дѣтей брали въ неволю.

Въ прежнее время сѣверные кочевники свободно кочевали по всей тундрѣ со стадами одомашненныхъ оленей; а послѣ покоренія Сибири на кочевниковъ наложена подать, и для ихъ кочевья назначены опредѣленные, не слишкомъ обширные округи. Слѣдствіемъ этого было то, что олени стали мало-по-малу вымирать, ибо между ними легче могли распространиться повальныя болѣзни; а прежніе обладатели многочисленныхъ стадъ принуждены были перемѣнить кочевую жизнь на жизнь рыбака; отъ такого перехода, конечно, очень многіе погибли.

Правительство наше постоянно старалось защитить ихъ отъ притѣсненій казаковъ и, чтобы еще болѣе обезпечить существованіе туземцевъ, сдѣлало ихъ даже исключительными собственниками населенной ими земли. Такъ остяки и самоѣды лапландцы и якуты имѣютъ свою собственную землю, свои рѣки для рыбной ловли, свои лѣса для ловли соболей, свои тундры и луга для пастбицъ оленей и лошадей. Но если и въ европейской Россіи бывало крѣпостные нерѣдко терпѣли несправедливости, потому что «до Бога высоко, а до Царя далеко», если и здѣсь чиновники и исполнители законовъ не всегда пользовались хорошей славой; то можно себѣ вообразить, что по ту сторону Урала дѣла шли еще хуже, и что въ этихъ отдаленныхъ странахъ слабый туземецъ былъ предоставленъ полнѣйшему произволу, грабежу казаковъ и звѣропромышениковъ. Не могло помѣшать правительство, чтобы подъ различными предлогами ясакъ не учетверялся, не удесятерялся; чтобы, кромѣ того, туземцы не привозили изъ-за 4—500 верстъ въ острогъ рыбу, ягоды, кедровые орѣхи, сало и множество другихъ предметовъ, доставляемыхъ этой страной, и все это въ пользу сборщика податей, а что оставить послѣдній, то возьметъ казакъ. Если при этомъ вспомнимъ, что большинство сибирскихъ каза-

ковъ состояло изъ преступниковъ-бѣглецовъ, то можемъ себѣ представить, какъ такіе властелины угнетали бѣдныхъ сибиряковъ. «Лучшее отдаютъ они казаку, а сами по угламъ ѣдятъ икру съ ивовой корой, говоритъ между прочимъ одинъ путешественникъ по Камчаткѣ. — Если казакъ недоволенъ, то вскакиваетъ, ругается измѣнниками и мошенниками и берется за палку.»

Но если, съ одной стороны, владычество Россіи надъ Сибирью было столь тяжко для туземцевъ, то, съ другой стороны, колонизація славяно-русскаго племени внесла въ эту страну болѣе благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія населявшихъ ее народцевъ и для лучшей ихъ жизни въ будущемъ. Мы не говоримъ уже о выгодахъ гражданской жизни, болѣе прочныя начала которой въ Сибири положены, конечно, Россіею. Мы войдемъ только въ нѣкоторыя подробности о тѣхъ преимуществахъ, которыми воспользовались сибирскія племена вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ кровью русскаго.

Важнѣйшими обитателями Сибири, какъ мы уже раньше упомянули, были народы слѣдующаго происхожденія: финскаго, монгольскаго, турко-татарскаго и манджурскаго, историческая роль которыхъ закончилась съ приходомъ русскихъ. Оставшіяся отъ этихъ народовъ на очереди исторіи племена сибирской низменности всѣ болѣе или менѣе сродны между собою и образуютъ развѣтвившуюся группу одного отдаленнаго корня или происхожденія, таковы: самоѣды, тунгусы, якуты, киргизы, калмыки, остяки, буряты, коряки. Съ приходомъ славяно-русскаго племени и распространеніемъ его колонизаціи, внесенъ былъ въ среду этихъ племенъ новый народообразовательный элементъ. Славяно-русскій народъ, благодаря огнестрѣльному оружію, физическому превосходству и умственно гражданскому преимуществу своихъ передовыхъ колоній — казаковъ, служащихъ, торговыхъ и промышленыхъ людей, повсюду одержалъ верхъ надъ безоружными, слабосильными и разрозненными

племенами Сибири и не только надъ болотно чахлыми финскими племенами, но и надъ могучимъ племенемъ татаръ, которое играло въ свое время, какъ мы видѣли, важную историческую роль.

Вмѣстѣ съ внесеніемъ въ среду сибирскихъ народцевъ новыхъ матеріяльныхъ и умственныхъ силъ, должны были измѣниться и условія ихъ жизни къ лучшему. Съ осушкою болотъ, съ развитіемъ земледѣлія и промысловъ, климатъ становится здоровѣе, жизнь разнообразнѣе; человѣкъ начинаетъ бороться съ враждебными силами природы настойчивѣе и все болѣе и болѣе одерживаетъ надъ нею побѣдъ. Не только нравы, обычаи и образъ жизни, но даже самое тѣлесное сложеніе туземцевъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ, и самое обличье ихъ становится благообразнѣе, вслѣдствіе смѣшенія съ русскимъ племенемъ.

Посмотримъ, какая разница какъ въ тѣлесномъ сложеніи, такъ и въ образѣ жизни между русскимъ племенемъ и сибирскими народцами, еще не обрусѣвшими. Вообще, замѣчено, что при физическомъ однообразіи природы, между племенами дикими господствуетъ и однообразіе общественно-бытовое, между тѣмъ, какъ у народовъ образованныхъ гораздо больше разнообразія какъ въ физіономіяхъ, такъ и въ образѣ жизни. У сибирскихъ туземцевъ почти всѣ индивидуумы сложены совершенно одинаково, по одному племенному типу, и похожи одинъ на другаго. Напр. по одному калмыку можно судить о физіономіи и складѣ почти всѣхъ калмыковъ, по одному природному якуту или тунгусу — о всѣхъ якутахъ и тунгусахъ чистой, несмѣшанной породы и т. п. Какъ одинъ бурятъ занимается скотоводствомъ, такъ же точно занимаются имъ и всѣ кочующіе буряты. Однообразны ихъ степи, однообразны большею частью и стада, напр. овцы больше все бѣлыя; такъ же однообразны ихъ физіономіи, костюмы, юрты, улусы и проч. Какъ одинъ бродячій тунгусъ охотничаетъ, такъ и всѣ прочіе бродячіе тунгусы охотничаютъ, и нѣтъ никакого у нихъ раздѣленія занятій. Какъ однообразны ихъ тонкія ноги, сплюснутые носы, узкіе глаза и все обличье, такъ однообразны ихъ лыжи, охотничьи

орудія, костюмы и проч. Олень да береза — вотъ все для всѣхъ оленныхъ и бродячихъ тунгусовъ. Тѣлесное сложеніе и домашняя жизнь до того сходны и однообразны у большей части сибирскихъ племенъ, что обыкновенно по физіономіи и образу жизни одного племени можно судить и о наружномъ видѣ и бытовомъ устройствѣ 4, 5 и болѣе другихъ сходныхъ между собою племенъ. Такое однообразіе и въ складѣ, и въ бытѣ племенъ особенно угрюмо и печально царствуетъ на дальнемъ дикомъ сѣверѣ. «Монотонія, — говоритъ геніальный географъ Риттеръ, — въ атмосферныхъ явленіяхъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ, монотонія и въ человѣческомъ мірѣ составляютъ характеръ полярнаго міра. Повсюду однообразныя явленія и въ отношеніи природы, и въ отношеніи народовъ.»

Скудная природа и образъ дикой жизни рѣзко наложили свой отпечатокъ на сибирскія племена. Мы видимъ у нихъ или недоразвитіе, несовершенство организаціи, или неизощреніе однихъ органовъ и неправильное употребленіе и развитіе другихъ. Такъ напр. у народцевъ, обитающихъ по берегамъ Ледовитаго моря и особенно у монгольскаго и манджуро-тунгусскаго племени замѣтно недоразвиты маленькіе узкіе, прищуренные глаза *). Вообще сибирскія племена малорослы. Такъ напр. *самоѣды* рѣдко бываютъ выше 5 фут.; ноги и шея у нихъ короткія, лицо и носъ особенно плоскіе; нижняя часть лица слишкомъ выдалась впередъ, глаза маленькіе; волосъ, кромѣ головы, нигдѣ нѣтъ; у мужчинъ на бородѣ видѣнъ одинъ только пухъ. *Остяки* тоже большею частію средняго и малаго роста,

*) По изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, надо полагать, что несовершенная форма маленькихъ, щелевидныхъ узкихъ глазъ есть неугасшее еще и неусовершенствовавшееся наслѣдіе отъ древнѣйшихъ жителей пещеръ. Извѣстно, что въ древнѣйшія времена пещеры служили человѣку мѣстомъ жилища. У людей, жившихъ въ мрачныхъ пещерахъ органы зрѣнія, вслѣдствіе малаго употребленія и, слѣдовательно, малаго изощренія и особеннаго напряженія и настроенія, зависящаго отъ подземныхъ условій свѣта и воздуха, естественно должны были быть недоразвитыми и принять форму щелевидную, суженную, прищуренную.

слабосильны, худощавы, трусливы или робки, простодушны и глуповаты. *Калмыки* рѣдко бываютъ выше средняго роста, по большей части сухощавы; лице у нихъ столь плоское, что калмыцкій черепъ легко отличить отъ всякаго другаго; губы толстыя; носъ приплюснутъ и малъ; уши оттопырились и весьма велики; ноги у всѣхъ въ колѣняхъ выгибисты. *Буряты* чрезвычайно слабы, такъ что русскій человѣкъ равнаго роста вѣсомъ всегда тяжелѣе бурята и почти всегда можетъ его одолѣть. *Якуты* всѣ средняго роста; русскій крестьянинъ между ними кажется исполиномъ, особливо если ростъ его больше обыкновеннаго.

Славяно-русское же племя далеко не представляетъ такого однообразія типа, состояній и быта, какъ сѣверовосточныя сибирскія племена. Даже въ самыхъ физіономіяхъ русскаго народа нѣтъ единства типа. Коренной малороссъ, напр. замѣтно разнится отъ настоящаго природнаго великорусса.

139418

На это послѣднее даже природа не оказываетъ уже такого сильнаго вліянія, какъ на туземцевъ. Дѣти, напр. русскихъ поселенцевъ въ Сибири, не смотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и переимчивость. Какъ ни отстала Россія отъ западно-европейскихъ націй и отъ сѣверо-американцевъ, но все же въ сравненіи съ сибирскими племенами русскій народъ стоитъ высоко. Русскій народъ уже давно вышелъ изъ однообразнаго состоянія охотничьяго и пастушескаго быта, позналъ болѣе или менѣе раздѣленіе труда, создалъ не только села, но и города, не только фабрики и заводы, но и университеты и другія общественныя, научныя учрежденія. Вообще дѣятельность его несравненно разнообразнѣе и утонченнѣе, чѣмъ прозябаніе дикихъ народцевъ въ ихъ улусахъ и ордахъ. Русское племя, еще до покоренія Сибири, одержало перевѣсъ надъ многими племенами въ европейской Россіи, частью побѣдило и истребило, частью путемъ смѣшенія претворило въ свою плоть и кровь, въ свою народность многія финскія племена, напр. чудь заволоцкую, мерю, весь, кореловъ, лопарей, а также многихъ та-

таръ, даже нѣмцевъ. Слѣдовательно, Россія исторически была уже приготовлена для перенесенія своей дѣятельности дальше за Уралъ, чтобы въ отдаленныхъ степяхъ и тундрахъ между дикими ордами внести гражданственность и изъ разрозненныхъ племенъ образовать новую областную разновидность. И Россія эту роль исполнила. Одни племена сибирскія должны были вполнѣ подчиниться вліянію русскаго племени, усвоить себѣ его физіономію, его языкъ, его занятія, его осѣдлый сельскій бытъ,— словомъ, обратиться въ русскихъ крестьянъ; другія принуждены были удалиться въ пустынныя горы и тундры и тамъ переживаютъ медленный процесъ вымиранія. Третьи, наконецъ, болѣе сильныя и способныя племена, отъ знакомства и сосѣдства съ русскими, усовершенствовались въ физическомъ и умственномъ отношеніи. Такъ, якутское племя измѣнилось до такой степени къ лучшему, что даже пріобрѣло умственный перевѣсъ надъ русскими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Ленѣ. Русскіе, прежде обманывавшіе якутовъ, какъ простаковъ, теперь съ уваженіемъ, относятся къ ихъ умственнымъ успѣхамъ. Что касается тѣлесной организаціи, то особенно замѣтно измѣняется она у бурятовъ и тунгусовъ, живущихъ смежно съ русскими селами и занимающихся земледѣліемъ; ихъ обликъ менѣе дикій, степной, грубый, чѣмъ у бурятовъ, живущихъ въ глуши дикихъ степей и занимающихся исключительно охотою и пастушествомъ.

Такимъ образомъ, сибирскіе инородцы не болѣе какъ въ два столѣтія, большею частью, существенно измѣнились и измѣняются, вслѣдствіе смѣшенія съ племенемъ славяно-русскимъ и измѣняются къ лучшему.

2. Сибирская тундра.

По всему побережью Ледовитаго океана болѣе или менѣе узкой полосой тянется безконечная, пустынная, однообразная и безлѣсная тундра. На югѣ она ограничивается, въ видѣ широкаго, вѣчно зеленаго вѣнца, безконечными хвойными лѣсами,

которые далѣе на югъ переходятъ или въ степи или поднимаются на отроги высокихъ горъ и тамъ снова исчезаютъ отъ дыханія вѣчной зимы. Границы лѣсной области и безлѣсной пустыни сѣвера нельзя опредѣлить съ точностью: въ иныхъ мѣстахъ тундра глубоко внѣдряется въ лѣсную область, въ другихъ, наоборотъ, лѣсъ побѣдоносно стремится къ сѣверу. Какъ будто два враждебныя войска стоятъ другъ противъ друга, и во время сраженія тамъ одолѣваетъ одна сторона, здѣсь другая. Такъ, на отдаленномъ востокѣ она доходитъ 65°, а на западѣ только до 70° с. ш.

Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе, безплоднѣе обнаженной тундры, состоитъ ли она изъ необозримыхъ болотъ, или сухой покрытой лишаями почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишаи образуютъ некрасивый коверъ, которымъ здѣсь покрывается природа, и гдѣ изрѣдка, какъ диковинка, и то на плоскихъ склонахъ, обращенныхъ къ югу, виднѣются тощія травки или цвѣтки. Лишь въ особенно защищенныхъ мѣстностяхъ поднимается на какой-нибудь футъ высоты ива или какое-либо другое дерево или кустарникъ. Но и эти обтерпѣвшіяся дѣти арктическаго пояса должны искать защиты подъ мхомъ и лишаями и осмѣливаются изъ-подъ такого покрова показывать лишь отдѣльные листики или оконечности вѣтвей. Мѣстами влага болотистаго грунта сливается, составляя большія и малыя озера, а изъ нихъ уже берутъ начало рѣки и рѣчки, прорѣзывающія тундру въ разныхъ направленіяхъ.

Таковъ общій характеръ тундры лѣтомъ; но всмотритесь внимательнѣе: тамъ творится своеобразная жизнь. Многочисленныя озера, рѣки и рѣченки, ставши въ концѣ августа, вскрываются около 15 іюня. Тогда просыпается вся природа. Неизмѣримыя тундры, оттаивая, выпускаютъ растительность съ удивительной быстротой, потому что подъ глубокими снѣгами корни растеній покоились и нѣжились. Опытомъ дознано, что по мѣрѣ спусканія въ глубину снѣга дѣлается все теплѣе и теплѣе; тогда какъ на поверхности термометръ показываетъ 28° холода, на глубинѣ 8 фут. только — 2°. Такимъ образомъ растеніе

цѣлую зиму покоится въ теплой камерѣ, не заботясь о томъ, что снаружи свирѣпствуетъ холодъ въ—40° или въ—45°. Итакъ, во второй половинѣ іюня свѣжѣютъ мхи, показывается травка, а на южномъ склонѣ какого-нибудь утеса выставитъ одиноко головку какой-нибудь цвѣтокъ; но спуститесь далѣе къ югу тундры и получите привѣтъ отъ тощихъ кустиковъ и мелкихъ деревъ, которыя, приподнявши нѣсколько отъ земли верхушки, покачиваютъ ими отъ вѣтра и покрываются кой-гдѣ даже листьями. Вглядитесь болѣе: жизнь эту въ тундрѣ почуяла рыба и поплыла она въ безчисленномъ множествѣ изъ-подъ льдовъ Ледовитаго моря въ русла рѣкъ вверхъ по теченію ихъ, чтобы подышать воздухомъ и метнуть икру тамъ, гдѣ сквозь тонкій слой воды можетъ обогрѣть живящее солнце чуть вышедшую изъ яйца рыбку. Смотрите еще, оттаивающее болото и вскрывшіяся озера покрываются болѣе и болѣе самыми разнородными породами птицъ: тамъ на свободѣ, въ тишинѣ и вдали отъ толпы людской вьютъ гнѣзда и крякаютъ стаи утокъ; тамъ линяютъ и выводятъ свои протяжныя пѣсни группы лебедей; тамъ длинноногія цапли бѣгаютъ по берегамъ, пощипывая мягкую травку и отыскиваютъ случайно налившуюся ягоду клюквы. За водяными и береговыми птицами тянутся ястреба, какъ большія морскія хищныя рыбы, слѣдятъ за стаями сельдей, сотни куропатокъ шныряютъ межъ приземистыхъ кустиковъ, а когда сіяетъ солнце, то зяблики оглашаютъ воздухъ звуками веселья. Въ то же время дикій сѣверный олень оставляетъ лѣсъ, чтобы пастись на покрытой лишаями равнинѣ и искать на прохладныхъ морскихъ берегахъ защиты отъ назойливыхъ оводовъ и комаровъ, которые цѣлыми тучами толкутся надъ тундрою. Такъ, на нѣсколько мѣсяцевъ тундра измѣняется въ страну кипучей жизни и влечетъ къ себѣ кочевника. И идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ, и пастухъ, охранющій свои стада одомашненныхъ сѣверныхъ оленей. Жители воздуха, воды и твердой земли должны удовлетворить своимъ различнымъ потребностямъ — утолить голодъ, одѣть тѣло, удовлетворить корыстолюбію.

Но лишь первые сентябрскіе морозы укажутъ на приближающуюся зиму, тогда все спѣшитъ оставить страну, гдѣ скоро изсякнутъ источники жизни, или бѣжитъ отъ быстро усиливающагося холода. Гуси, утки, лебеди густыми стаями летятъ къ югу. Лососи и осетры возвращаются въ открытое море на сѣверъ. Сѣверный олень снова идетъ въ лѣсъ. Ничто не удерживаетъ уже человѣка въ безлѣсной равнинѣ. Вскорѣ и твердая земля, замерзшее озеро, скованная рѣка, однимъ словомъ все, на 7, 8 и даже 9 мѣсяцевъ, скрывается подъ толстымъ однообразнымъ снѣговымъ покровомъ, который срывается съ голой земли только лишь мѣстами, гдѣ промчится страшный сѣверо-восточный вѣтеръ. Сначала падаетъ снѣгъ, не слишкомъ плотный, хлопьями; за нимъ слѣдуетъ плотный покровъ зимней снѣжной пыли и, наконецъ, на немъ ложится слой мокраго весенняго снѣга. Нѣтъ возможности составить себѣ понятіе о той ужасной, мертвой тишинѣ, какая царитъ зимою на тундрѣ. Только изрѣдка по ночамъ раздается лай одинокаго песца или крикъ бѣлой совы, пѣвицы, вполнѣ достойной этихъ пустынь. Какъ былъ бы страшенъ мракъ ночи, длящійся, напримѣръ, на таймурскомъ полуостровѣ сряду три мѣсяца, если бы природа не посылала величественныхъ сѣверныхъ сіяній.

Не безъинтересно также для каждаго любознательнаго читателя знать, какъ произошла нынѣшняя тундра, и какимъ образомъ попали въ нѣдра безлѣсной и безжизненной тундры древесные стволы, кости и цѣлые скелеты мамонтовъ и носороговъ? Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ изслѣдованіи профессора Щуровскаго. «Въ настоящее время,— говоритъ онъ,— въ Сибири нѣтъ ни мамонтовъ, ни носороговъ. Изъ этого видно, что въ отдаленныя доисторическія времена Сибирь представляла не тѣ физическія условія, какія имѣетъ теперь. Надо предполагать, что она была теплѣе нынѣшней Сибири, иначе тамъ не могли бы жить ни мамонты, ни носороги. Съ другой стороны, нельзя думать, чтобъ тамъ былъ жаркій или тропическій климатъ; густая шерсть, покрывавшая мамонта, доказываетъ, что это животное было назначено для климата болѣе холоднаго, чѣмъ

нынѣшній слонъ съ своею голой кожей. Далѣе Сибирь въ это время, вѣроятно, была покрыта огромными лѣсами, достигавшими до послѣднихъ тундръ. Такія гигантскія животныя, какъ мамонты и носороги, не могли жить въ странѣ бѣдной растеніями. Лѣса должны были доставлять имъ и пріютъ и пищу. Это были лѣса хвойные. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то, что сѣверная часть Сибири, покрытая въ настоящее время однѣми только тундрами и низкимъ кустарникомъ, заключаетъ внутри себя на глубинѣ 100—200 футовъ, множество стволовъ, принадлежащихъ хвойнымъ деревьямъ. Противъ устья Лены, на островѣ Новой Сибири, изъ такихъ стволовъ образовались высокіе холмы. Ихъ называютъ *деревянными горами*. Они состоятъ изъ песчаныхъ слоевъ, перемежающихся съ древесными стволами, совершенно такими же, какіе находятся въ тундрахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эти стволы вымыты Леною изъ тундръ Сибири. Но какъ они попали въ самыя тундры? Нынѣшняя тундровая полоса въ описываемую эпоху, вѣроятно, была покрыта моремъ и примыкала къ тѣмъ хвойнымъ лѣсамъ, посреди которыхъ жили мамонты и носороги. Рѣки: Лена, Енисей и другія, безъ всякаго сомнѣнія, существовали уже и тогда: онѣ должны были протекать по этимъ лѣсамъ и уносить изъ нихъ, особенно во время водополи, множество древесныхъ стволовъ въ сѣверное море, покрывавшее нынѣшнюю тундровую полосу. Тѣми же рѣками, вѣроятно, увлекаемы были въ море и кости или даже цѣлые трупы тогдашнихъ животныхъ.»

Таковы были, по всѣмъ соображеніямъ, физическія условія Сибири въ ту отдаленную эпоху, когда тундра была подъ водою. Что же измѣнило эти условія?

Причиною всѣхъ этихъ переворотовъ, полагаютъ, было окончательное поднятіе сибирскихъ горъ. Вслѣдствіе этого поднятія сѣверное море должно было далеко отодвинуться отъ своихъ южныхъ предѣловъ и обнажить нынѣшнюю тундровую полосу со всѣми погребенными въ ней остатками мамонтовъ и носороговъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ долженъ былъ измѣниться и самый климатъ, изъ умѣреннаго или даже довольно теп-

лаго онъ сдѣлался суровымъ. Мамонты и носороги, не находя для себя ни достаточной пищи, ни защиты отъ внѣшнихъ вліяній, мало-по-малу уничтожились. Но тотъ же суровый климатъ, послѣдовавшій за обнаруженіемъ сѣверной части Сибири, сберегъ намъ на память предшествовавшихъ переворотовъ, не только отдѣльныя кости прежнихъ обитателей Сибири, но и цѣлые скелеты съ остатками мяса и шерсти. Одинъ изъ такихъ скелетовъ находится въ кабинетѣ московскаго университета, а другой въ кабинетѣ с. петербургской академіи наукъ.

•

3. Тайга.

Бассейнъ верхняго Енисея и его притоковъ, Верхней и Подкаменной Тунгуски, большею частію состоитъ изъ дикаго первобытнаго лѣса, который еще лѣтъ двадцать тому назадъ былъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Только иногда кочевники да звѣроловы ходили по *тайгѣ* — такъ называется этотъ лѣсъ, — и казалось, что бѣлка будетъ всегда самымъ драгоцѣннымъ продуктомъ этой чащи.

Даже вспомнить страшно о путешествіи по тайгѣ. Съ горы на гору вьется маленькая, едва замѣтная тропа по болотамъ, въ которыхъ лошади вязнутъ по колѣно, и которыя на высотахъ такъ же топки, какъ и въ долинахъ. Сѣдокъ утомленъ не менѣе своего терпѣливаго животнаго, переносящаго его по этой невѣрной почвѣ. Дня черезъ два умолкаютъ пѣсни извощиковъ, умолкаетъ и ржаніе лошадей; люди проклинаютъ дорогу, лошади стонутъ. Не раздается здѣсь пѣнія птицъ; въ этомъ пустынномъ лѣсу даже не слышно карканья ворона; только вѣтеръ, шумящій въ вершинахъ деревъ, прерываетъ тягостную тишину. Вѣчное одно и то же, надъ головами вершины, а по сторонамъ вокругъ стволы лиственицъ и кедровъ настолько же утомляютъ душу, насколько трудный путь утомляетъ тѣло.

Вдругъ раздаются удары топора и шумъ водяныхъ колесъ,

лѣсъ вырубленъ, множество хижинъ тянется по берегу рѣки; сотни, тысячи рабочихъ заботливо снуютъ по пустынѣ взадъ и впередъ.

Зачѣмъ же ѣздить черезъ тайгу? Какимъ же образомъ въ нѣдрахъ ея развивается такая дѣятельная жизнь? Можетъ быть, здѣсь, какъ въ Америкѣ, вырубаютъ лѣсъ для распашекъ, или, можетъ быть, русскіе переселенцы хотятъ здѣсь строить деревни и города?

Магнитъ болѣе сильный притягиваетъ на тайгу эти легіоны рабочихъ, управляетъ ударами топора и заставляетъ шумѣть водяное колесо. Не пренебрегай илистой почвой, въ которой вязнетъ твоя лошадь; это вовсе не обыкновенное болото, а весьма почтенная топь, счастливый обладатель которой не промѣняетъ ее ни на превосходные виноградники, ни на роскошные луга, ни на хлѣбородныя поля, — ибо здѣсь много золота. Да, золото объяснитъ намъ загадку дѣятельной жизни въ тайгѣ, и прежде всѣми ненавидимый лѣсъ считается сибиряками обѣтованной землей, гдѣ счастіе и случай дарятъ своимъ любимцамъ громадныя богатства.

Такъ какъ всѣ земли въ Сибири принадлежатъ казнѣ, то желающіе испытать свое счастіе въ отыскиваніи золота, прежде всего должны имѣть на то позволеніе. Оно дается всякому, исключая чиновниковъ, находящихся на службѣ по главному управленію въ Сибири, и евреевъ.

Получивъ позволеніе на поиски золота въ извѣстной мѣстности, тотчасъ высылаютъ туда партіи. Снаряженіе такой партіи на лѣто стоитъ среднимъ числомъ около 3,000 р. сер. Итакъ, если случится, что золотоискатель или компанія будутъ посылать свои партіи нѣсколько лѣтъ сряду безуспѣшно, то должны имѣть въ своемъ распоряженіи значительные капиталы, чтобы быть въ состояніи вынести такія потери. Извѣстный золотопромышленикъ Мясниковъ употребилъ на розыски болѣе 260,000 р. сер. прежде, чѣмъ открылъ знаменитую розсыпь Пескинъ, розсыпь, которая, правда, въ первые же года вознаградила его потери съ большими барышами. Другіе не могли

выдержать такихъ продолжительныхъ неудачъ и потеряли свои капиталы прежде, чѣмъ счастіе имъ улыбнулось.

Въ золотопромышленности успѣшному исходу дѣла всего болѣе способствуетъ настойчивость въ перенесеніи трудностей, а сибирскія трудности надо измѣрять другимъ масштабомъ, противъ того, какимъ привыкли измѣрять ихъ въ Европѣ. Страна, въ которой залегаютъ золотыя розсыпи Восточной Сибири, есть непрерывная тайга, непрерывный дремучій лѣсъ, обыкновенно болотистый и только изрѣдка обитаемый кочующими звѣриными охотниками. Золотоискатели, на сотни верстъ отдаленные отъ всякаго жилья, принуждены всѣ свои жизненные припасы, состоящіе только изъ сушеныхъ и соленыхъ веществъ, имѣть при себѣ. Ночлегъ на сырой почвѣ, частые дожди, шурфовка въ болотахъ заставляютъ ихъ оставаться всегда въ мокромъ платьѣ. Если въ этомъ положеніи застигнетъ партію внезапно наступившая зима, съ ея глубокими снѣгами, то бѣдствіе людей доходитъ до высшей степени. Холодъ и недостатокъ подножнаго корма губятъ лошадей. Тогда бросаютъ всѣ запасы и берутъ съ собою на небольшихъ санкахъ только необходимѣйшій провіантъ, который и везется людьми, блуждающими иногда по цѣлымъ недѣлямъ въ снѣгу, пока наткнутся на какое-либо жилье. Не смотря на это, даже суровая сибирская зима не удерживаетъ золотопромышленниковъ отъ посылки партій на тайгу, только снаряжаютъ ихъ на это время иначе. Такія партіи отправляются безъ лошадей; все нужное везутъ сами работники на легкихъ саняхъ; шурфы пробиваютъ топоромъ и ломомъ; добытые пески оттаиваются и промываются согрѣтою водой. Послѣ столь тягостной дневной работы, во время которой они неизбѣжно подвергаются сырости, принуждены они проводить ночь въ снѣгу, въ шалашахъ изъ пихтовыхъ или еловыхъ вѣтвей. Какое надо имѣть желѣзное здоровье для перенесенія подобныхъ трудовъ!

Если, наконецъ, послѣ многихъ поисковъ, партія открыла гдѣ-либо прибыльную розсыпь, то она должна заявить объ этомъ мѣстному земскому суду и просить о законномъ отмежеваніи

ей земли. Законный отводъ состоитъ въ томъ, что промышленику на избранномъ имъ мѣстѣ отводится площадь не менѣе 100 саж. въ ширину и не болѣе 2.500 саж. или 5 в. въ длину. Два такія мѣста, одно возлѣ другаго, никогда одному лицу или одной компаніи не отводятся. Цѣль этого понятна: дабы одно лицо, въ случаѣ открытія какой-либо весьма богатой мѣстности, не могло воспользоваться всѣми выгодами. За право пользованія отводомъ вносятся въ казну извѣстные проценты съ добываемаго золота. Начальная плата была 15%, но съ 1840 г. назначено платить по 20 и по 24%. Кромѣ этого, платится еще съ каждаго фунта добытаго золота отъ 4 до 8 руб. сер., смотря по богатству розсыпи, за вспомоществованіе, даваемое отъ казны, къ сохраненію порядка на промыслахъ. Право пользованія такимъ отводомъ прежде отдавалось настолько времени, насколько угодно было владѣльцу. Но теперь допускается только 12-лѣтній срокъ; по истеченіи этого срока мѣсто отходитъ опять въ казну, а она отдаетъ его вновь желающимъ.

Когда промышленику, открывшему розсыпь, будетъ сдѣлана отводная площадь и выдастся планъ, то онъ можетъ тотчасъ же начинать работу. Во-первыхъ, должно озаботиться подвозомъ провіанта и необходимыхъ вещей. Муку доставляютъ окрестныя мѣста, но рогатый скотъ пригоняется изъ киргизскихъ степей, изъ Семипалатинска и далѣе. Желѣзныя и чугунныя вещи подвозятся изъ уральскихъ заводовъ, а прочіе предметы съ ярмарокъ Ирбитской и Нижегородской. Все это доставляется въ теченіе лѣта въ главныя складочныя мѣста, устроиваемыя золотопромышленниками на границахъ тайги. Отсюда черезъ тайгу, до самыхъ промысловъ, перевозка производится уже зимою, и то за непомѣрную плату, до 6 руб. ассиг. съ пуда. Если же, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, перевозка дѣлается лѣтомъ, то обходится еще дороже, въ 4 или въ 5 разъ.

Первое лѣто проходитъ обыкновенно въ подготовительныхъ работахъ, въ постройкѣ домовъ, фабрикъ и т. д. И только по

окончаніи этихъ работъ можно приступить собственно къ промывкѣ песковъ. На всѣ эти работы нанимаются поденщики, изъ ссыльнопосельщиковъ и крестьянъ; ссыльнопосельщики составляютъ тутъ почти 90%, а остальные 10%—крестьяне, и то большею частію разорившіеся отъ дурнаго хозяйства, или какихъ-либо несчастныхъ обстоятельствъ.

Для пріисканія работниковъ на золотые промыслы отправляются повѣренные владѣльцевъ на поселенія, соглашаютъ людей на работу, даютъ имъ задатки и отбираютъ у нихъ паспорты. Но, не смотря на эту предосторожность, многіе изъ нанятыхъ не являются на работу; одни умерли, другіе заболѣли, а нѣкоторые, доставъ новый паспортъ подъ чужимъ именемъ, нанялись на другіе промыслы за новый задатокъ, и дѣло кончается тѣмъ, что значительныя суммы, употребленныя на задатокъ, пропадаютъ, а безъ задатка невозможно заключить ни одного контракта.

Мѣсячная плата обыкновенному работнику составляетъ 12 р. ас., но если въ работѣ требуется особенное искусство или особенное напряженіе силъ, то плата эта доходитъ до 50 и до 60 р.

При этомъ кормятъ ихъ весьма хорошо. Но вино отпускается только въ особенныхъ случаяхъ, и продажа онаго строго воспрещена; на 60 в. отъ промысловъ всѣ кабаки удалены по закону; въ противномъ случаѣ не было бы никакой возможности удержать нѣкоторый порядокъ между людьми нетвердой нравственности и своевольными.

Впрочемъ, ни хорошая пища, ни хорошая плата не были бы достаточны для привлеченія большаго числа работниковъ на золотые промыслы, если бы не привлекали ихъ туда особенныя обстоятельства, весьма выгодныя для нихъ и для самого владѣльца. Каждому нанимающемуся въ контрактѣ означается подробно количество его ежедневной работы. Этотъ урокъ оканчиваютъ они за полдень или уже поздно, къ 3 часамъ. За работу же, исполняемую ими въ остальное время или въ воскресные и праздничные дни и называемую обыкновенно *ста-*

рательскою работой, они получаютъ особо за каждый золотникъ вымытаго золота, на бѣдныхъ промыслахъ 3 руб., а на богатыхъ 2 руб. ассиг. Эти старательскія работы приносятъ имъ чрезвычайную выгоду. Если работникъ случайно попадетъ на весьма богатое мѣсто розсыпи, то онъ можетъ заработать до 50—100 руб. и болѣе въ одинъ день или даже въ одинъ вечеръ. Старательскія работы имѣютъ еще ту выгоду, что ими наилучше отстраняется кража золота; если кому и удастся во время урочной работы утаить что-нибудь отъ надзирателя, то онъ отдастъ это во время своей свободной работы. Къ сожалѣнію, старательскія работы не всегда могутъ быть одинаково прибыльны для рабочихъ. Пески, и очень богатые, въ послѣдствіи становятся часто менѣе богатыми или даже бѣдными. Тогда рабочіе начинаютъ бѣгать или не выходить на работу. Конечно, владѣлецъ сберегаетъ четырехмѣсячное жалованье, но теряетъ большой задатокъ и потому вообще остается въ убыткѣ.

Работы на золотыхъ промыслахъ собственно продолжаются только четыре мѣсяца, съ 1-го мая по 1-е или 10-е сентября. Для наблюденія за правильностію работъ назначены особые горные офицеры, къ которымъ золотопромышленики могутъ обращаться за совѣтомъ. Они же наблюдаютъ за вѣрностію показаній относительно количества добытаго золота.

Все золото, добытое частными золотопромышленниками Восточной Сибири, доставляется въ Барнаулъ, гдѣ оно, въ присутствіи владѣльца или его повѣреннаго, взвѣшивается, плавится и отливается въ слитки отъ $1^1/_2$ п. до $2^1/_2$. Затѣмъ опять взвѣшивается, причемъ всегда оказывается нѣсколько меньшій вѣсъ противъ первой взвѣски. Послѣ этого на каждомъ слиткѣ выбивается вѣсъ, имя владѣльца и послѣдовательный нумеръ, и изъ 12-ти мѣстъ вынимается на пробу.

Послѣ всего этого выдается владѣльцу квитанція въ количествѣ доставленнаго золота и пробы его, по которой онъ можетъ получить въ Петербургѣ изъ коммерческаго банка часть денегъ, остальныя же получаетъ онъ по доставленіи золота въ

ЗЕМСТВО

Петербургъ и по сдѣланіи контръ-пробы. Въ Петербургъ доставляютъ золото нѣсколькими караванами въ продолженіе лѣта.

По окончаніи работъ дѣлается съ рабочими разсчетъ. Каждый получаетъ свою заработку наличными деньгами, [illegible] хари на дорогу черезъ тайгу и затѣмъ отпускается. Къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ проматываетъ всѣ полученныя деньги въ первыхъ кабакахъ и, чтобъ имѣть возможность добраться до дому, они принуждены бываютъ снова наняться въ работу для полученія задатка у перваго встрѣтившагося вербовщика. Всю долгую, суровую зиму проводятъ они въ недостаткахъ и лишеніяхъ и съ наступленіемъ весны снова отправляются на промыслы.

4. Сибирскія горы.

На востокъ отъ Урала до Охотскаго моря и отъ Сѣвернаго океана до предѣловъ средней Азіи лежитъ страна, почти на 5,000 верстъ въ длину и слишкомъ на 2,500 верстъ въ ширину, по прямой линіи. Эта страна — Сибирь. Она раздѣлена самою природою на двѣ части — восточную и западную.

Западная Сибирь отдѣлена отъ Восточной, во всю ея длину, рѣкою Енисеемъ. Со стороны Уральскаго хребта она возвышена его отраслями, которыя, впрочемъ, не доходятъ до лѣваго, низменнаго берега Иртыша. Съ южной стороны, Западная Сибирь замыкается отраслями Урала въ видѣ ряда невысокихъ, песчаныхъ холмовъ и Алтайскими горами, пролегающими между Обью и Енисеемъ.

Алтай на калмыцкомъ языкѣ называется Алтаинъ-Сола, что значитъ золотыя горы, по множеству находящихся въ нихъ золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ, доставляющихъ Россіи ежегодно до 1,000 пудовъ серебра, 40 пудовъ золота и 24,000 пудовъ мѣди.

Алтай подымается прерывистыми, островерхими хребтами, покрытыми на вершинахъ снѣгомъ, которыя по ихъ виду называются въ Сибири *Бѣлка́ми*. Между ними первое мѣсто по

высотѣ занимаетъ гора Бѣлуха, возвышающаяся на 10,700 футовъ надъ поверхностью моря. Алтайскія горы также богаты ледниками и моренами, въ чемъ сходны съ Альпами; но прекрасный голубой цвѣтъ трещинъ альпійскихъ ледниковъ въ алтайскихъ замѣняется свѣтло-зеленымъ. Самый знаменитый изъ ледниковъ спускается съ Бѣлухи и питаетъ истоки рѣки Катуни. Часто также между двумя высокими, островерхими вершинами раскидывается совершенно гладкая, цвѣтущая, но пустынная долина. Главныя породы камней составляютъ: шиферъ, порфиръ, яшма, плотный и зернистый известковый камень и слоеобразный гранитъ. Повсюду изобильныя золотыя и въ особенности серебряныя руды. Но и здѣсь богатѣйшія отрасли, подобно какъ въ Уралѣ и въ Андахъ, лежатъ въ направленіи по меридіану, или съ сѣвера на югъ. Таковы Кузнецкія горы, составляющія сѣверную вѣтвь Алтая между Обью и Иртышемъ. Здѣсь среди песчаной равнины, окруженной лѣсами, стоитъ городъ Барнаулъ — средоточіе металлургической дѣятельности всего Алтайскаго края. Въ немъ замѣчательны: серебро-плавильный заводъ, горное училище, богатый минералогическій музей и обсерваторія. Пробирный домъ, кладовыя для сокровищъ, амбары и другія хозяйственныя строенія находятся въ сторонѣ отъ города.

Растительность Алтая очень богата и роскошна. Она принадлежитъ къ особому типу, извѣстному подъ именемъ алтайской флоры, и довольно рѣзко отличается отъ растительности сосѣднихъ съ Алтаемъ пространствъ. На сѣверномъ и западномъ склонѣ она начинается уже на высотѣ около 1,000 футовъ, на южномъ значительно выше — весьма часто на высотѣ 2,000 футовъ и болѣе. До этихъ высотъ съ сѣверной и западной стороны Алтая обыкновенная европейская флора изъ-за Урала распространяется вплоть до рѣки Енисея. Съ юго-западной же стороны у подножья Алтая поднимается область другой флоры — степной, характеризующей Арало-Каспійскую котловину и богатую породами солянковыхъ растеній. Царство роскошной и богатой алтайской флоры отличается многими интересными особенностями и прости-

рается отъ предѣловъ европейской и степной флоры до верхней границы лѣсной растительности, — на сѣверномъ склонѣ до 6,000, а на южномъ почти до 7,000 футовъ. Выше предѣловъ лѣсной растительности простирается флора Алпійскихъ или полярныхъ травъ и кустарниковъ. Хлѣбная растительность въ хорошо защищенныхъ долинахъ Алтая доходитъ до изумительной для сибирскаго климата высоты — 3 до 4 тысячъ футовъ. Хвойные лѣса богаты самыми разнообразными породами животныхъ. Фауна его представляетъ рѣдкое соединеніе въ одной и той же мѣстности полярныхъ типовъ съ тропическими. Съ одной стороны, распространяется порода сѣверныхъ оленей, а съ другой, тигръ забѣгаетъ лѣтомъ даже въ сѣверныя части Алтая. Двугорбый верблюдъ встрѣчается у калмыковъ въ юго-восточномъ Алтаѣ и достигаетъ здѣсь сѣвернаго своего предѣла.

По западной покатости Алтая протекаютъ на сѣверъ рѣки Иртышъ, Обь и множество ихъ притоковъ. Правый берегъ Иртыша крутъ, возвышенъ и состоитъ по близости хребта изъ гранитныхъ скалъ, а далѣе на сѣверъ, до впаденія Оби, изъ осадной глины, напитанной желѣзными частицами. Озеро Зайганъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Обь, выше поверхности океана, съ небольшимъ на полуверсту. Другое озеро, Телецкое, лежитъ почти на такой же высотѣ и принадлежитъ къ типу высокихъ альпійскихъ озеръ. Живописные берега его отвѣсно падаютъ въ зеркало водъ и напоминаютъ Фирвадльштедское озеро въ Швейцаріи. Въ Алтаѣ вообще есть много озеръ, принадлежащихъ къ этому типу: нѣкоторыя изъ нихъ, такъ же, какъ и въ Альпахъ, лежатъ выше лѣсной растительности.

Но если западная часть Сибири роскошна и живописна на югѣ, то, съ другой стороны, она бѣдна и пустынна на сѣверѣ. Здѣсь простираются обширныя тундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становятся низменнѣе, безплоднѣе и болотистѣе; самыя большія рѣки текутъ здѣсь тихо и при устьяхъ совершенно обезсиливаютъ и мелѣютъ.

Восточная Сибирь, напротивъ, отъ самаго Енисея до Охотскаго моря, почти вся покрыта горами. Здѣсь рѣки быстры, во

многихъ мѣстахъ пробиваются между скалъ; вездѣ много ручьевъ, ключей и водопадовъ.

Такъ, горы, окружающія Байкальское озеро, извѣстны подъ названіемъ Байкальскихъ. Здѣсь много утесовъ и разсѣлинъ, изъ которыхъ въ иныхъ мѣстахъ вытекаетъ горное масло и добывается нефть. Образованіе Байкальскаго озера, вѣроятно, сопровождалось великими переворотами: оно составляетъ провалъ слишкомъ въ 50 в. шириною и болѣе 700 в. въ длину. Вода въ немъ вкусна и такъ чиста, что на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ видно дно и остатки лѣсовъ, которые расли и погибли, быть можетъ, за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Оно, не смотря на прѣсную воду, имѣетъ, подобно океану, свои приливы и отливы. Въ немъ постоянно водятся тюлени и рыбы, свойственныя морской водѣ. Народъ называетъ его святымъ моремъ; и дѣйствительно, какъ чудо природы, оно поражаетъ своими явленіями: глубиной, чистотой воды, огромными обрывистыми горами, покрытыми на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, а на склонахъ густымъ лѣсомъ, и огромными бурями, какія рѣдко удается испытывать на самомъ океанѣ. Въ него впадаютъ рѣки: Селенга и Баргузинка, по берегамъ которой водятся лучшіе соболи. Изъ него вытекаетъ Ангара, впадающая въ Енисей; вода въ ней чиста и такъ холодна, что среди самыхъ жаровъ нельзя въ ней долго пробыть. Нѣсколько восточнѣе изъ Байкальскихъ горъ беретъ начало Лена, и между нею и Ангарою идетъ ихъ отрасль прямо на сѣверъ, разбиваясь близъ нижней Тунгуски на многія вѣтви, которыя чѣмъ далѣе идутъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе склоняются.

На югъ отъ Байкальскаго озера идетъ хребетъ Нерчинскихъ горъ, который подымается не островерхими, какъ Алтай, а плоскими вершинами и богатъ разнаго рода рудами и пріисками аквамариновъ, хризолитовъ, топазовъ и др. драгоцѣнныхъ камней. Изъ нихъ вытекаютъ рѣки: Амуръ, Алекма, Ингода и др.

Далѣе въ сѣверо-восточномъ направленіи тянутся мало изслѣдованные хребты Становой и Яблоновый. Между верховьями Индигирки и Колымы Становой хребетъ соединяется съ Ал-

данскими горами, высота которыхъ въ иныхъ мѣстахъ достигаетъ $1^1/_2$ версты. Здѣсь находится много остатковъ допотопныхъ животныхъ и цѣлые остовы мамонтовъ. Въ послѣднее время здѣсь также открыты богатыя золотыя розсыпи. Сѣверныя отрасли Алданскихъ горъ скрываются въ Ледовитомъ морѣ и снова появляются гористыми островами: Новою Сибирью, Котельнымъ, Ляховскимъ и др. На отдаленномъ сѣверовостокѣ Становой хребетъ дѣлится на двѣ вѣтви: одна оканчивается Чукотскимъ носомъ, а другая, направляясь къ югу, образуетъ полуостровъ Камчатскій и оканчивается мысомъ Лопаткой. Далѣе Камчатскія горы, скрываясь въ океанѣ, показываются изъ него цѣпью Курильскихъ острововъ.

Восточная половина Сибири, по характеру поверхности, можетъ быть раздѣлена на три части: на южную, среднюю и сѣверную. Южная часть, окружающая озеро Байкалъ, живописна и богата произведеніями. Средняя часть дика, богата лѣсами, переполнена горами и болотами. Сѣверная часть представляетъ пустыню, во многихъ мѣстахъ совершенно безлѣсную и покрытую тундрами; но поверхность здѣсь замѣтно выше тундръ Западной Сибири; впрочемъ, рѣки при устьяхъ также ослабѣваютъ и становятся безсильными. Здѣсь $^3/_4$ года царствуетъ зима и мятель.

Сѣверовосточная часть къ Чукотскому носу вездѣ болотиста, гориста и почти безлѣсна.

Полуостровъ Камчатка раздѣляется горами на двѣ части: восточную и западную, изъ которыхъ первая гористѣе послѣдней. Въ Восточный океанъ склоняются рѣки: Олуторъ, Камчатка и др.; въ Охотское море быстрая Тигиль и др. На восточной сторонѣ находятся двѣ огнедышащія горы или сопки: Кронодская и Ключевая. Одна изъ нихъ вышиною почти въ $2^1/_2$ в., слѣдовательно выше, Этны; а другая болѣе $4^1/_2$ верстъ, стало быть, выше Монблана, самой высочайшей европейской горы.

5. Остяки.

Слово остякъ происходитъ отъ киргизскаго «уситякъ», татарскаго «юситякъ», что значитъ чужеземецъ. Очень вѣроятно, что татары, овладѣвши Западною Сибирью, назвали такъ всѣхъ побѣжденныхъ подобно тому, какъ русскіе называли чудью всякаго чужаго человѣка. Тобольскихъ остяковъ русскіе узнали около 1372 году по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермію въ христіанскую вѣру.

Въ настоящее время остяки разбросаны тамъ и сямъ по берегамъ рѣкъ Оби, Енисея, и ихъ притокамъ, впрочемъ, далеко не заходятъ ни на сѣверъ, ни на востокъ.

Остяки-язычники распадаются на множество племенъ, или родовъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Хотя они большею частію не знаютъ даже степени своего родства, но все-таки смотрятъ другъ на друга какъ на родственниковъ и не заключаютъ между собою браковъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который заботится о сохраненіи порядка и согласія въ родѣ и производитъ судъ и расправу; недовольные его рѣшеніемъ жалуются князю, которому повинуются съ незапамятныхъ временъ многіе роды, живущіе по близости другъ отъ друга, Императрица Екатерина II утвердила званіе князя и приказала выдать на него грамоту остяцкимъ князьямъ въ Обдорскомъ и Березовскомъ округахъ. Эти князья находятся въ вѣдомствѣ русскаго начальства: Губернскаго Правленія и Земскаго Суда, и вмѣстѣ съ старшинами обязаны являться на ярмарку, въ Обдорскъ, такъ какъ они должны собирать подати и заботиться, чтобъ звѣриныя шкурки, назначенныя въ ясакъ, были доставлены въ должномъ количествѣ. Санъ князя и старшинъ наслѣдственъ и по прекращеніи потомства въ мужскомъ колѣнѣ переходитъ къ ближайшему родственнику. Ни князь, ни старшина не получаютъ жалованья, добровольные же подарки подчиненныхъ вовсе не избавляютъ ихъ отъ необходи-

мости самимъ ловить рыбу и охотиться для собственнаго пропитанія.

Кромѣ родства, лица одного рода связываются еще общимъ идолослуженіемъ. Каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ,—«*божьи юрты*». Эти юрты и кумиры находится въ завѣдываніи духовнаго лица, шамана, пользующагося величайшимъ уваженіемъ. Какъ частныя лица, такъ и весь родъ обращается къ нимъ въ сомнительныхъ случаяхъ, но шаманъ никогда не отвѣчаетъ прямо отъ себя, а вопрошаетъ сперва боговъ. Но онъ не можетъ вопрошать высшее, небесное существо, называемое остяками *Турму*, потому что онъ говоритъ съ людьми разгнѣваннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Про Турма говорятъ, что онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него ничто не укроется; онъ существо страшное для людей. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ правитъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милость нельзя заслужить никакими жертвами, такъ какъ онъ глядитъ на внутреннее достоинство человѣка, а не на жертвы и молитвы. И потому, если остякъ нуждается въ высшей помощи, то онъ обращается къ другимъ, подчиненнымъ богамъ. Они носятъ разные образы, по большей части принимаютъ видъ дерева или человѣка, какъ мужчины, такъ и женщины. Остяки не любятъ выставлять на показъ постороннимъ людямъ своихъ идоловъ и устраиваютъ священныя юрты въ мѣстахъ отдаленныхъ, мало посѣщаемыхъ, — предосторожность небезполезная и потому, что въ храмѣ хранятся жертвоприношенія — золото и мѣха, а похищеніе этихъ цѣнныхъ вещей неязычники не сочтутъ за святотатство. Кромѣ того, у нихъ есть еще семейные боги, которые состоятъ изъ необыкновенныхъ камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, но преимущественно, изъ небольшихъ деревянныхъ идоловъ съ лицемъ человѣческимъ и остроголовыхъ. Каждая семья, каждое отдѣльное лице имѣютъ одного или нѣсколькихъ идоловъ. Каждый изъ этихъ идоловъ имѣетъ свое особое назначеніе; одни покровительствуютъ стадамъ, другіе хорошему лову, третьи слу-

жатъ остякамъ хранителями во время путешествія. Они, подобно самоѣдамъ, кладутъ идоловъ въ особыя сани и наряжаютъ ихъ въ красныя одежды съ разными украшеніями. По временамъ самоѣды приносятъ своимъ идоламъ жертвы, состоящія въ томъ, что мажутъ имъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью и подносятъ ко рту рыбу или мясо. Такія жертвоприношенія можетъ совершать всякій, но во время всеобщихъ жертвоприношеній богамъ, когда къ нимъ обращается за совѣтами или цѣлый родъ, или отдѣльное лице, тогда необходимъ шаманъ. По ихъ понятіямъ обыкновенные звуки не доходятъ до слуха боговъ, поэтому шаманъ ведетъ рѣчь пѣснью, съ сопровожденіемъ барабана. Для убѣжденія толпы, что богъ, дѣйствительно, говоритъ устами своими, шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начинаетъ шевелиться, это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Такой обрядъ никогда не происходитъ безъ жертвы, состоящей изъ одного или нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ ихъ заколетъ, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствовавшими, часть же идетъ шаману.

Дѣйствіемъ въ высшей степени священнымъ считается у остяковъ присяга. Присягаютъ передъ идолами, но одинъ изъ самыхъ сильныхъ видовъ присяги дается надъ медвѣжьей головой. Обвиненный разрѣзываетъ ножемъ медвѣжій носъ и приговариваетъ: «Если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь». Всякій остякъ убѣжденъ въ томъ, что клятвопреступленіе подвергается неизбѣжному наказанію, а потому, если обвиненный, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, то онъ и не рѣшается на клятву, а охотно въ немъ признается и тогда считается уже совершенно очистившимся. Свидѣтели никогда не присягаютъ: имъ вѣрятъ на слово. Дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, сестры противъ сестръ, жены противъ мужей и обратно.

Бракъ у остяковъ имѣетъ болѣе общественное, нежели религіозное значеніе. Жена для остяка должна быть прежде всего хорошей работницей. Занимаясь самъ ловлею рыбы лѣтомъ, жена должна заготовлять зимніе припасы, какъ то: варку, юкалу

и порсу. Варка—вываренные и провяленные на огнѣ стерляди; юкала — высушенныя на солнцѣ щуки, караси, язи; а порса-всякая рыба высушенная и растертая въ крупный порошокъ. Если во время лѣта жена не была рачительна къ хозяйству и мало заготовила припасовъ на зиму, то приходится питаться завялыми или изъ-подъ снѣгу выбранными ягодами — рябиной, брусникой и проч. Зимою жена прядетъ нитки, выдѣлываетъ кожи, шьетъ все платье для себя и для мужа. Женщина здѣсь рабыня въ самомъ низкомъ смыслѣ этого слова; она считается нечистымъ существомъ и, чувствуя свое глубокое униженіе, никогда не осмѣливается выражать своихъ желаній и покоряется всѣмъ прихотямъ мужа. Горе женѣ, если на приказанія мужа: «приведи лодку, подай сѣть, подведи собаку», она осмѣлится отвѣтить, хоть напр. «подожди», или «поднять тяжело». Мужъ беретъ полѣно и съ словами: «худо дѣлаешь», начинаетъ колотить свою подругу жизни. Разумѣется, это не всегда бываетъ, но чаще, чѣмъ у другихъ инородцевъ.

Бракъ у остяковъ есть чистая покупка женъ. Желающій жениться на извѣстной дѣвушкѣ идетъ къ ея отцу и прямо говоритъ: «я хочу жениться на твоей дочери». Начинается торгъ. Женихъ предлагаетъ калымъ, обыкновенно отъ 10 до 50 р. с. и болѣе, или на столько же мѣховъ. Впрочемъ, цѣна выкупа измѣняется по мѣстностямъ. Дочь богатаго цѣнится дороже, потому что женихъ надѣется на будущее пособіе со стороны тестя. Многоженство у нихъ теперь стало рѣже по значительности выкупа.

Низкое положеніе женщинъ между остяками обнаруживается между прочимъ и въ томъ, что она никогда не получаетъ наслѣдства. Все имущество умершаго раздѣляется между сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ женскихъ членовъ семьи. Послѣ бездѣтнаго покойника имѣніе дѣлится между ближними или дальними родственниками, по взаимному ихъ соглашенію, причемъ обязуются содержать вдову и дочерей. Послѣ безроднаго остяка имущество достается

тому, кто его воспитывалъ или жилъ съ нимъ долго или былъ при его болѣзни и смерти.

При похоронахъ дозволяется плакать только женщинамъ, мужчины обыкновенно останавливаютъ ихъ словами: «полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ». Тѣло покойника обвертываютъ въ бересту, зарываютъ въ землю съ тою одеждою, въ которой умеръ и съ тѣми охотничьими вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, ножомъ и т. д. Иногда погребаютъ тутъ же и его собаку. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ родные приносятъ на могилѣ оленей въ жертву.

Если умеръ уважаемый человѣкъ, ближайшіе родственники дѣлаютъ его изображеніе, оказывая ему тотъ же почетъ, какимъ онъ пользовался при жизни. При каждомъ обѣдѣ сажаютъ его за столъ, каждый вечеръ его кладутъ въ постель, каждое утро снова одѣваютъ, словомъ, оно постоянно занимаетъ мѣсто покойника. Изображеніе опускается въ могилу только черезъ три года, полагая, что тѣло покойника уже совершенно сгнило, а съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его безсмертіе. Трауръ для супруговъ продолжается годъ, для дѣтей три года, до истеченія котораго они не могутъ вступать въ бракъ.

Лица остяковъ не представляютъ никакого характеристическаго выраженія; мужчины смотрятъ сурово и пасмурно, какъ-то изъ подлобья, а женщины болѣзненно: пріятныя лица весьма рѣдки, больше смуглыхъ и черноволосыхъ, чѣмъ бѣлолицыхъ и бѣлокурыхъ, роста большею частью средняго, слабосильны и тонконоги; но они все-таки не самые безобразные изъ сибирскихъ племенъ.

Многіе мужчины носятъ почти такое же платье, какъ наши крестьяне, знакомы даже и съ рубахою. Другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ зимою изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ бѣлыхъ оленьихъ кожъ, а лѣтомъ изъ холста или дабы. Волосы нѣкоторые стригутъ покрестьянски, а другіе распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ впереди.

У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ: длинныя

рубахи, короткіе штаны, халаты, подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, но завѣшанные всегда нагрудникомъ. Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опушенными какимъ-нибудь мѣхомъ, такъ что головки звѣрьковъ утверждены напереди, а ушки расправлены вверхъ.

Остяки робки, суевѣрны, простодушны, довольно добросердечны, такъ напр. если есть больной въ родѣ, то нѣсколько семействъ не ходятъ на промыселъ, а сидятъ возлѣ него въ той увѣренности, что больному отъ этого станетъ легче. Лекарствъ они никакихъ не употребляютъ; впрочемъ, дознано опытомъ, что остяку помогаетъ, лучше всякихъ лекарствъ, его любимая пища: свѣжая кровь и жиръ животнаго и вареная рыба; не получая ихъ, больному всегда видимо становится хуже.

Остяки, при постоянныхъ трудныхъ занятіяхъ, работящи съ дѣтства. Съ 12 лѣтъ пріучаютъ уже дѣтей стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, ставить чумы и проч.; съ 18 лѣтъ они принимаютъ всѣ тягости возмужалыхъ и не разстаются съ ними до смерти. Воспитаніе даютъ суровое. При самомъ рожденіи погружаютъ младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. По прошествіи мѣсяца, ребенка кормятъ уже стертою въ видѣ порошка вареной рыбой; чуть покажутся зубки, передъ малюткой уже сырое оленье мясо и сырая рыба. Послушаніе дѣтей къ родителямъ сохраняется строго, но не столько по долгу, сколько изъ страха; войдя же въ возрастъ и крѣпость, остякъ нерѣдко въ сердцахъ тузитъ бачку (отца). Услужливость и честность составляютъ отличительныя, хорошія качества остяка. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запрет двери просящему убѣжища; счастливый рыболовъ охотно дѣлитъ свою дневную добычу съ менѣе счастливымъ соплеменникомъ; богатый считаетъ долгомъ помогать бѣдному, который смотритъ на это, не какъ на милостыню, а какъ на принадлежащее ему по праву. Воровство почти неизвѣстно; дома никогда не запираются; имущества часто оставляются среди тундръ.

Относительно опрятности можно сказать, что оба пола очень грязны и нечистоплотны. Впрочемъ, многія занятія рыболова нечистоплотны сами по себѣ; на промыслахъ онъ живетъ во временномъ, тѣсномъ жилищѣ, въ которомъ негдѣ даже помѣстить всѣхъ изорванныхъ, полусопрѣвшихъ одеждъ, безъ которыхъ онъ не можетъ обойтись въ своемъ многотрудномъ занятіи. Дымъ увеличиваетъ еще болѣе нечистосу внутри, а снаружи скопляются внутренности выпотрошенныхъ рыбъ, не только отвратительныя на взглядъ, но и заражающія воздухъ своимъ гніеніемъ.

Многіе бранятъ остяковъ за то, что они, какъ животныя, ѣдятъ сырую рыбу, траву, коренья и пьютъ кровь. Но эти яства составляютъ плодъ нужды и требованія природы, спасеніе ихъ жизни. Употребленіе сырой рыбы и крови спасительно отъ скорбута. Не одни остяки ѣдятъ свѣжую рыбу, но всѣ коренные сибиряки и притомъ такъ, что у небольшихъ рыбокъ вовсе не разбиваютъ головки, а трепещуюся, посоливъ, вкладываютъ хвостикомъ въ ротъ и едва дрогнетъ она во рту, какъ головки уже отбрасываются въ сторону; крупную же всѣ сибиряки оглушаютъ ударомъ о камни на ловлѣ или во время тяги бичевой. Употребленіе мерзлой сырой рыбы въ зимнее время есть общее достояніе всѣхъ коренныхъ обитателей Восточной Сибири, и кушанье ихъ, приготовленное изъ тонкихъ стружекъ лучшей рыбы, очень квусно. Бранить за то, что остяки ѣдятъ траву и коренья напрасно: вѣдь мы сами ѣдимъ травы и именно въ сыромъ видѣ. Къ тому же жалкая внѣшняя природа, среди которой живутъ остяки, ихъ дѣятельность и свойства ихъ лѣнивой и вялой натуры, наконецъ, болѣзни ихъ, словомъ все заставляетъ ихъ припасть, какъ говорится, къ матушкѣ сырой землѣ и поѣдать сырье ея: у остяковъ развитъ скорбутъ, природа даетъ во множествѣ дикій щавель, пихту, да хрѣнъ—хорошія противускорбутныя средства.

Главное занятіе этого племени рыболовство. Поэтому не удивительно, если остякъ на вопросъ: что такое Обь? отвѣчаетъ: «Обь это богъ, котораго мы чтимъ болѣе всѣхъ боговъ!» Путешественники говорятъ, что послѣ короткаго знакомства съ

Обью, все думаешь, какъ бы поскорѣе уйти отъ нея, такое непріятное впечатлѣніе производитъ она своими дикими, однообразными берегами, состоящими изъ болотъ, невоздѣланныхъ полей, сухаго тальника и тощихъ пихтовыхъ лѣсовъ; а изъ живыхъ существъ рѣдко встрѣтишь кого-нибудь, кромѣ журавлей, гусей и дикихъ утокъ. Для остяка же эта меланхолическая рѣка то же, что пашня для земледѣльца, что виноградникъ для винодѣлателя; это великій источникъ, снабжающій его пищею. Въ началѣ іюня вверхъ по широкой Оби, лишь только рѣка освободится отъ льда, тянутся безчисленныя стаи лососей и осетровъ, которыя позднѣе опять возвращаются назадъ въ море; тогда какъ другія рыбы: щука, окунь, ершъ, плотва, кишатъ въ рѣкѣ круглый годъ. На осетра и лососей остякъ смотритъ, какъ на предметъ торговли, а другихъ рыбъ самъ ѣстъ.

Какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, лыжи лишатся своей скользкости, остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ извѣстной ему или любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище, т. е. ставитъ чумъ. А поставить его дѣло чуть ли неминутное. 60 кольевъ втыкаютъ въ землю, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобъ оставалось отверстіе для выхода дыму; потомъ обшиваютъ чумъ вареною берестою. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается приготовленіе вѣтки — лодки, снастей и проч. Вѣтка дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ цѣльное дерево, отдѣлываютъ концы на подобіе острыхъ концовъ лодки, потомъ выдалбливаютъ середину, въ ладонь ширины, наблюдая, чтобъ стѣнки всюду были равной величины, черезъ что она становится правильно плавчатою. Затѣмъ мочатъ вѣтку водою, поджаривая на огнѣ наружную сторону, смазывая смолой, внутри ставятъ распорки, и она принимаетъ настоящую форму лодки. Вѣтка отличается отъ русскихъ лодокъ и легкостью и крѣпостью; не требуетъ даже гвоздей и такъ легка, что ее можно переносить на себѣ съ мѣста на мѣсто.

Когда все готово, не ждутъ вскрытія рѣкъ, а пробиваютъ пешнями размокнувшій ледъ, запускаютъ сѣти и, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ жадности и наслажденія, впиваются въ первыя тре-

пещущія рыбки. Съ помощью этой пищи, вмѣстѣ съ ожидаемой весной, прогоняется уныніе духа, ослабленіе тѣла и скорбута, этотъ плодъ безостановочнаго, жестокаго мороза для плохо защищенныхъ обитателей душныхъ и грязныхъ чумовъ и землянокъ. Все лѣто ловятъ они рыбу сѣтями, вершами и удочкой, готовятъ рыбу не только для своего пропитанія и въ запасъ на зиму, но и для продажи.

Лодки начинаютъ вытаскивать при первыхъ заморозкахъ, по первому снѣгу, тогда готовятъ нарты, луки, стрѣлы, словомъ, заканчиваютъ лѣто и готовятся къ зимней работѣ. На мѣстѣ, тутъ же, гдѣ были, выкапываютъ землянки въ аршинъ глубиною, крышу дѣлаютъ въ родѣ нашей изъ толстыхъ жердей, забрасывая ее палками, вѣтвями, травою и землею; въ отверстіе крыши выходитъ суживающаяся труба; очагъ становится не подалеку отъ выхода, такъ что какъ бы раздѣляетъ чумъ на прихожую и чистую комнату. Труба и очагъ обмазаны глиной, полъ прикрытъ вываренной берестой, по сторонамъ печи придѣланы скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними помѣщаются собаки, такъ называемые ѣзжалы, которыхъ они очень берегутъ и кормятъ остатками своей же пищи; въ потолкѣ или боковой стѣнѣ сдѣлано окно, прикрытое кускомъ льда; дверь отворяется наружу; тутъ же приставляются двѣ лѣстницы, чтобъ разгребать снѣгъ для выхода. Въ устроенной такимъ образомъ землянкѣ остается семейство на время, пока не наступитъ настоящая зима, пока не придетъ въ самую лучшую, продажную форму звѣрь, и пока не вернется изъ лѣсовъ самъ хозяинъ, остякъ, уходившій отыскивать мѣста, гдѣ пріютились звѣри, такъ какъ во время удова поздно дѣлать розыски да и углубляться отъ жилья, по случаю холодовъ и пургъ, не безопасно. По возвращеніи хозяина съ такихъ поисковъ, отправляются уже всей семьей въ лѣса, останавливаются вблизи звѣровыхъ мѣстъ, разгребаютъ снѣгъ и ставятъ обыкновенный свой берестянный чумъ. Звѣриный промыселъ не есть настоящій промыселъ, который бы остякъ велъ съ охотою, со страстью и который бы обогощалъ его нѣсколько; это скорѣе дѣло

нужды—для пищи, для взноса ясака и для платы за забранный хлѣбъ въ казнѣ. Изъ убитыхъ звѣрей, въ случаѣ надобности, остякъ можетъ ѣсть всякаго, кромѣ горностая, волка и лисицы. Перваго онъ не ѣстъ вслѣдствіе дурнаго запаха, а послѣднихъ — вслѣдствіе ихъ сходства съ собакою, его единственнымъ другомъ и помощникомъ.

Рыболовы остяки живутъ очень бѣдно. Торговля ихъ состоитъ въ мѣнѣ. Переселенцы ввели пагубную систему кредита и пріучили остяковъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши: вину, картамъ, щегольству, назначая самыя произвольныя цѣны, какъ товарамъ остяковъ, такъ и своимъ собственнымъ; вслѣдствіе чего остяки дѣлаютъ постоянные долги, которые съ каждымъ годомъ возрастаютъ, потому что число потребностей увеличивается, тогда какъ усердіе у остяковъ замѣтно ослабѣваетъ. Въ настоящее время остякъ не можетъ обойтись вовсе безъ хлѣба, доставляемаго ему купцами. Не будучи въ состояніи тотчасъ заплатить за товаръ, по причинѣ старыхъ долговъ, онъ по неволѣ обязывается доставить купцу рыбы на будущій годъ; такимъ образомъ остякъ совершенно въ рукахъ купца. Кромѣ того онъ продаетъ имъ пиво, приготовляемое безъ хмѣля, а вмѣсто него кладется маста т. е. наростъ на сучьяхъ ели, имѣющій въ себѣ постоянную хмѣльную крѣпость. Когда остякъ опьянѣетъ, тогда купецъ и заключаютъ съ ними сдѣлку. Вредъ этой торговли какъ для остяковъ, такъ и для другихъ туземцевъ Сибири правительство старалось искоренить отчасти особыми предписаніями, отчасти устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ, но зло пустило такіе глубокіе корни, что его долго нельзя будетъ совершенно истребить. Въ настоящее время даже въ казенныхъ магазинахъ почти за каждымъ остякомъ числится долгу рублей по 200. Учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ имѣло то дурное послѣдствіе, что остяки, надѣясь на вѣрную помощь правительства, стали гораздо лѣнивѣе.

Кромѣ остяковъ, исключительно промышляющихъ рыбою, есть и такіе, которые водятъ оленей. Во время лѣта они дѣлятся на два хозяйства: одно при рыбной ловлѣ, другое слѣ-

дуетъ за оленями къ болѣе холоднымъ приморскимъ берегамъ. Сама природа, въ тяжелое время года, влечетъ оленя къ морскимъ берегамъ, его толстая шкура требуетъ болѣе холодной атмосферы, и здѣсь его не такъ мучатъ комары, эта язва для него въ то время, когда онъ линяетъ. Остякъ, проживая съ своими оленями по берегамъ Ледовитаго моря, занимается тамъ морскою ловлею, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. д. Впрочемъ, весьма немногіе удаляются къ самому морю, большая часть изъ нихъ проживаетъ на сѣверныхъ тундрахъ; но лишь только станетъ холоднѣе, они отходятъ къ лѣсамъ, гдѣ бьютъ лисицъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы найти и себѣ, и оленямъ своимъ убѣжище отъ страшныхъ бурь. Эти перекочевки происходятъ медленно; большихъ переходовъ не дѣлаютъ; иногда по цѣлымъ днямъ остаются на одномъ мѣстѣ и прилежно занимаются охотой. Каждый родъ держится плотно, отдѣльно отъ другихъ, и идетъ подъ начальствомъ князя или старшины. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы сходятся на Обдорской ярмаркѣ. Число остяковъ, исключительно занимающихся оленеводствомъ, относительно весьма незначительно и ежегодно уменьшается отъ смѣшенія съ сильнымъ племенемъ самоѣдовъ. Смѣшеніе это такъ быстро идетъ, что оленные остяки не только усвоили себѣ вѣрованія, нравы и обычаи самоѣдовъ, но даже и языкъ ихъ, на которомъ нерѣдко говорятъ лучше, чѣмъ на своемъ. Стада у нихъ незначительны, такъ какъ большія стада требуютъ пространныхъ пастбищъ, все же они богаче остяковъ рыболовъ; олень доставляетъ имъ не только пищу и одежду, но полезенъ имъ и для поѣздокъ на охоту и для путешествій. Нечистота, въ которой обвиняютъ рыболововъ, менѣе знакома оленеводамъ; при переходахъ съ мѣста на мѣсто не можетъ быть грязи ни въ чумахъ, ни вокругъ ихъ. Что садится на платье съ очага и закоптѣлаго котла, то скоро развѣвается вѣтромъ на тундрахъ и, притомъ, это не такъ замѣтно на одеждахъ изъ грубыхъ оленьихъ шкуръ.

Наконецъ въ болѣе южныхъ мѣстахъ, какъ напр. по нижнему Иртышу, живутъ совершенно обрусѣвшіе остяки, которые,

кромѣ языка, потеряли все свое самобытное. Избы строятъ на манеръ русскій, только похуже. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются скотоводствомъ, другіе земледѣліемъ, или на зиму нанимаются въ ямщики.

6. Обдорскъ.

Обдорскъ обязанъ своимъ основаніемъ торговлѣ съ остяками; нѣтъ другой причины, которая бы когда-нибудь заставила человѣка поселиться у устья Оби. Сначала русскіе купцы только изрѣдка пріѣзжали сюда изъ Тобольска и Березова, но трудность пути заставила ихъ скоро основать постоянное жилище въ этой пустынной странѣ. Слабое населеніе мѣстечка усиливается также значительнымъ количествомъ ссыльныхъ. Не ищите значительныхъ зданій въ Обдорскѣ, нельзя же назвать таковыми двуэтажныхъ тамошнихъ домовъ т. е. нижняго этажа съ свѣтелкой наверху, которые строятся изъ стараго барочнаго лѣса, и вѣтеръ въ нихъ свободно ходитъ повсюду. Въ Обдорскѣ встрѣчаются коровы и овцы, но лошадей вовсе нѣтъ, вмѣсто нихъ запрягаютъ въ сани собакъ.

Ярмарки продолжаются съ начала зимы до февраля, въ это время туземцы располагаются вокругъ русской колоніи лагеремъ въ своихъ чумахъ; съ приходомъ ихъ въ маленькомъ городѣ начинается новая, странная, какая-то пестрая жизнь. Ежедневно приходятъ сюда многочисленныя толпы сыновей и дочерей тундры, одѣтыя въ широкія, неуклюжія шубы, медленно расхаживаютъ они по улицамъ и съ удивленіемъ заглядываются на высокіе домы. Но здѣсь нѣтъ той веселой привлекательности, какую можно ожидать отъ ярмарки. Скрывая дорогія шкуры подъ своей широкой шубой, крадется дикарь къ купцу своему пріятелю, тотъ угощаетъ его и потихоньку заключаетъ торгъ. И видитъ остякъ, что теряетъ при такой таинственной торговлѣ, но онъ какъ бы боится открытаго торга, да и вообще не въ его волѣ отдать товаръ тому, кто дороже

дастъ. Изъ многихъ тысячъ туземцевъ, ежегодно приходящихъ на Обдорскую ярмарку изъ отдаленныхъ пустынныхъ мѣстъ, едва ли найдется много такихъ, которые бы не задолжали мѣщанамъ, купцамъ или казакамъ на сумму бо́льшую, чѣмъ могутъ уплатить. Горе бѣдному остяку, котораго кредиторъ поймаетъ въ торговой сдѣлкѣ съ другимъ купцомъ. Лишеніе всего имущества есть меньшее наказаніе, которое его ожидаетъ. Отсюда робость, какая-то таинственность, характеризующая Обдорскую ярмарку. Она открывается только тогда, когда внесены шкуры, должныя государству, или когда купечество поручится за ихъ взносъ. Купеческіе амбары наполняются тогда постепенно пушнымъ товаромъ, готовымъ платьемъ изъ оленьихъ шкуръ, перьями, олениной, мерзлыми осетрами, мамонтовой костью и т. п. За эти товары туземцы получаютъ муку, печеный хлѣбъ, табакъ, горшки, котлы, кожу, иголки, мѣдныя пуговицы и кольца, бусы и много другихъ бездѣлокъ. Публичная продажа водки запрещена, но можно продавать спиртъ, какъ врачебное средство, и иные остяки ѣдутъ на ярмарку для леченія.

Къ концу февраля дикари снова исчезаютъ въ лѣсахъ; русскіе посѣтители ярмарки возвращаются опять на родину; купецъ подумываетъ о путешествіи, надѣясь скупленные товары продать съ хорошимъ барышомъ, и Обдорскъ до слѣдующаго года предоставленъ покою, одиночеству, какому-то окаменѣлому однообразію.

7. Якуты.

Якуты безспорно самое даровитое племя изъ всѣхъ кочевыхъ инородцевъ Сибири. Они представляютъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, который имѣетъ значительное вліяніе на языкъ и нравы своихъ побѣдителей. Такъ, русскіе, живущіе между якутами, говорятъ на ихъ языкѣ иногда гораздо лучше и свободнѣе, чѣмъ на родномъ, который нѣкоторые со-

всѣмъ забываютъ. Брачные союзы даже богатыхъ русскихъ съ якутами тоже не рѣдкость.

Судя по окладу лица и языку, якуты принадлежатъ къ татарскому племени и, какъ нѣкоторые полагаютъ, жили сначала на оз. Байкалѣ и р. Ангарѣ; но, вытѣсненные оттуда чужеземною силою, спустились внизъ по Ленѣ, тѣсня въ свою очередь остяковъ, юкагировъ и чувашей.

Кочевья якутовъ находятся по рѣкамъ Ленѣ, къ сѣверу отъ Олекмы, Вилюю, Алдану, Индигиркѣ и Колымѣ. На самомъ сѣверѣ встрѣчаются отдѣльныя кочевья ихъ отъ р. Хатанги до Охотскаго моря. Якутъ обоего пола насчитываютъ до 200 т. ч. Якутская область раздѣляется на *округи*, округи на *улусы*, улусы на *наслеги*, или, какъ ихъ тамъ обыкновенно называютъ, *ночлеги*. Въ улусѣ живетъ до нѣсколько сотъ, даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Селеній и деревень нѣтъ: ихъ замѣняютъ эти *наслеги*. Наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ 20-ти или около того верстахъ другъ отъ друга, юртъ, въ которыхъ живетъ по два и по три семейства, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или *рода*. Улусомъ управляетъ выборный, утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, наслегомъ — *староста* и его помощники, *старшины*. Старшинъ называютъ также родовичами, они должны заботиться о взаимныхъ нуждахъ и несутъ нѣкоторые обязательства передъ начальствомъ относительно благочинія, порядка и исправнаго взноса повинностей.

Якуты вообще небольшаго роста съ монгольскимъ типомъ лица, смуглы, съ черными блестящими глазами, не имѣютъ бороды и усовъ, волоса на головѣ стригутъ коротко, оставляя длинными ихъ только на затылкѣ, женщины же заплетаютъ косы. Здоровьемъ они чрезвычайно крѣпки и живутъ до глубокой старости, сохраняя бодрость. Стужу и голодъ могутъ переносить до невѣроятной степени. Нерѣдко въ дорогѣ якуту приходится ночевать подъ открытымъ небомъ при 40° мороза. Въ такомъ случаѣ онъ раскапываетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, подстилаетъ подъ себя попону, кладетъ въ голову сѣдло и раз-

дѣвшись ложится спать, прикрывъ спину и плечи снятой съ себя одеждой и повернувшись лицемъ къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, онъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ лице, оставляя только отверстіе для дыханія. Вотъ все, что нужно якуту для того, чтобы не замерзнуть во время сна, въ самые сильные холода. Къ перенесенію холода они привыкаютъ съ самаго младенчества. Новорожденныхъ дѣтей у нихъ натираютъ по нѣскольку разъ въ сутки снѣгомъ и само собою разумѣется, что ребенокъ, который не умретъ отъ подобныхъ операцій, въ состояніи будетъ переносить впослѣдствіи самую лютую стужу. Будучи обжорами, они переносятъ голодъ съ неменьшимъ терпѣніемъ и, кажется, могутъ наѣдаться сразу на нѣсколько дней. Путешественникъ Симпсонъ призвалъ къ себѣ въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдаковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла, каждому дали ровно по пуду мяса, а масло они должны были есть ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній сначала имѣлъ преимущество. «У него зубы хороши», сказалъ старикъ, «но съ помощью святыхъ, я его скоро догоню». Когда половина была съѣдена, Симпсонъ поручилъ благодарныхъ гостей надзору своего секретаря, который черезъ два часа, по возвращеніи путешественника, доложилъ ему, что все было съѣдено, это же подтвердили ему и растянувшіеся на полу обжоры, цѣлуя землю и благодаря его за обильный обѣдъ. Послѣ того они, какъ змѣи, три, четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. Память у якутъ необыкновенная. Достаточно проѣхать ему одинъ разъ по дорогѣ, чтобы запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, незначительный пригорокъ, которыхъ онъ не забудетъ во всю свою жизнь. Якутъ разсказываетъ друзьямъ и дѣтямъ исторію своей жизни, не упуская ни малѣйшей подробности, съ такою ясностью и точностью, что, кажется, будто всѣ разсказанныя происшествія случились съ нимъ только вчера.

Зрѣніе у нихъ также чрезвычайно замѣчательное. По словамъ путешественника, капитана Анжу, одинъ якутъ говорилъ ему, что часто видитъ, какъ одна звѣзда побольше глотаетъ другія маленькія звѣздочки и потомъ ихъ опять выплевываетъ, т. е. онъ видѣлъ простыми глазами затмѣніе спутниковъ Юпитера,— вещь совершенно невозможная для евпропейца. Кромѣ того, они очень легко бѣгаютъ и превосходно ѣздятъ верхомъ.

Одежда якута состоитъ изъ шубы или кафтана, крытаго сукномъ. Шуба эта доходитъ только до колѣнъ и имѣетъ сзади разрѣзъ, для удобства при верховой ѣздѣ. Зимою, сверхъ первой шубы, надѣваютъ другую шерстью вверхъ, называемую *санаякъ*. Шапки или *чебоки*, съ суконнымъ верхомъ, обшиваются по околышу бобромъ, россомахой или котикомъ. На шею надѣваютъ бѣличьи хвосты, а на руки рукавицы изъ лисьихъ лапъ шерстью вверхъ; на ладоняхъ дѣлается прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно сдѣлать что-нибудь на морозѣ голою рукою. Очень короткіе панталоны дѣлаются изъ замши, къ нимъ привязываются *сутуры*, доходящія до пятокъ. На голыя ноги надѣваются заячьи головки, а сверху ихъ *торбасы* изъ кожи оленьихъ или лошадиныхъ ногъ, привязанные подъ колѣномъ ремнями. Женская одежда во всемъ походитъ на мужскую, только кафтанъ или шуба дѣлается подлиннѣе. Кромѣ того, женщины носятъ ожерелья, браслеты и огромныя, серебряныя или мѣдныя серьги, которыя своею тяжестью часто разрываютъ ухо.

Живутъ якуты въ юртахъ, зимою въ однѣхъ, всегда на одномъ мѣстѣ, а лѣтомъ въ другихъ, перенося ихъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ удобнѣе пасти стада. Зимнія юрты дѣлаются изъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ 4-мъ столбамъ и обмазываются снаружи глиною, смѣшанною съ навозомъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сначала сѣномъ, а потомъ слоемъ земли. Двери въ юртѣ обращены всегда на востокъ, противъ нихъ устраиваются постели, отгороженныя одна отъ другой досками или лошадиными кожами. Въ окно вставляется льдина, которая, не смотря на внутреннюю теплоту юрты, держится

цѣлую зиму. Посреди юрты дѣлается *чуванъ* (камелекъ) изъ жердей, обмазанныхъ глиною. Чуванъ довольно широкъ, дрова въ немъ даютъ довольно сильное пламя и очень быстро нагрѣваютъ юрту. Возлѣ юрты устроивается такъ называемый *хотонъ* для жеребятъ и телятъ; впрочемъ, у бѣдныхъ якутъ весь скотъ обыкновенно помѣщается въ юртѣ; это обстоятельство, въ соединеніи съ страшной неопрятностью, дѣлаетъ воздухъ въ юртѣ невыносимымъ. Лѣтнія юрты, или урасы, дѣлаются изъ бересты и безъ камелька. Они чрезвычайно легки и удобны для переноски.

Главную пищу якутъ составляетъ мясо, и чѣмъ жирнѣе онѣ, тѣмъ считается лучше; кромѣ того, ѣдятъ молоко, рыбу и птицъ; бѣдные же, при недостаткѣ въ пищѣ, питаются сосновой корой или, правильнѣе, лыкомъ, которое, судя по давности его употребленія, безвредно и имѣетъ нѣкоторую питательность. Запасаются лыкомъ въ половинѣ іюня, когда сосна начинаетъ цвѣсти и сочиться. Въ самые ясные, знойные дни якуты отправляются въ сосновые лѣса и отыскиваютъ гладкія безъ сучьевъ деревья вершковъ 6 — 8 толщины у корня, срубаютъ и осторожно снимаютъ верхнюю кору, послѣ чего оставшееся на деревѣ лыко, при помощи деревянныхъ лопаточекъ, сдирается очень легко. Листы этого лыка, длиною аршина въ полтора, вѣшаютъ на сучья для того, чтобы они провяли; потомъ связываютъ ихъ пучками листовъ въ 50 — 60 и тщательно берегутъ отъ сырости и дождя, потому что если лыко заплесневѣетъ, то дѣлается негоднымъ къ употребленію. Зимою его окончательно просушиваютъ, поджариваютъ на огнѣ камелька, потомъ толкутъ и изъ приготовленной такимъ образомъ муки варятъ на водѣ кашу, въ которую иногда прибавляютъ молока и брусники, и находятъ ее въ такомъ видѣ очень вкусною. Впрочемъ, на вкусъ якутъ угодить нетрудно, они очень заботятся о количествѣ пищи и вовсе не обращаютъ вниманія на качество, поэтому ѣдятъ, что ни попало: растенія, конину, насѣкомыхъ, не брезгаютъ даже кротами, падалью и другими вовсе не показанными для пищи предметами. Любимый напитокъ у нихъ ку-

мысъ, но они не умѣютъ приготовлять его очень хмѣльнымъ, какъ киргизы, и къ счастію для себя, потому что при обжорствѣ они склонны къ пьянству и къ азартнымъ играмъ. Сверхъ того, и другіе пороки развиты между якутами въ значительной степени. Убійства у нихъ рѣдки, они робки и боятся наказаній; но въ воровствѣ обнаруживаютъ такую тонкость, какая не осрамила бы и лондонскихъ мошенниковъ. Украдетъ, напримѣръ, якутъ корову, и чтобъ зимой по слѣдамъ недобрались до него, надѣваетъ ей на ноги *сары*, или сапоги изъ конской кожи, какіе самъ носитъ. Воровство лошадей служитъ источникомъ безконечныхъ тяжбъ, до которыхъ они большіе охотники. Вообще они очень хитры, лукавы, лживы и вкрадчивы; но при всемъ томъ, обладаютъ и такими достоинствами, которыя доказываютъ несомнѣнную талантливость и ставятъ ихъ выше всѣхъ кочевыхъ племенъ Сибири. Не говоря о томъ, что они очень вѣжливы, гостепріимны, оборотливы и переимчивы, способность ихъ къ ремесламъ и искусствамъ достойна удивленія. Изъ якутъ выходятъ очень хорошіе плотники, столяры, рѣзчики, а при обученіи могли бы выходить отличные музыканты и живописцы. Имъ не достаетъ только хорошихъ оригиналовъ и правильнаго обученія, чтобы сдѣлаться превосходными мастерами; нѣкоторыя же издѣлія и въ настоящее время могли бы заслужить награду на европейскихъ выставкахъ, такъ напр., ножи, кинжалы и другія желѣзныя издѣлія не лопаются даже въ самые сильные морозы, качество, котораго не имѣютъ лучшіе англійскіе топоры. Богатство якутъ заключается въ стадахъ рогатаго скота и лошадяхъ. Овецъ они не держатъ, разведеніе домашнихъ оленей также не удается якуту; но зато лошадь составляетъ для него то же, что для лапландца и самоѣда сѣверный олень, моржъ для береговаго чукчи, верблюдъ для бедуина и тюлень для эскимоса. На лошади якутъ возитъ вьюки и ѣздитъ верхомъ; изъ кожи дѣлаетъ себѣ одежду, изъ волосъ плететъ рыболовныя сѣти, вареная конина составляетъ его любимую пищу, а кобылье молоко, кумысъ, любимый напитокъ. Якутъ мало заботится о своей лошади. Вмѣсто овса она ѣстъ хвощи, кору лиственицы, ивовыя

вѣтки и старую траву и вся въ пѣнѣ стоитъ безъ всякой покрышки при 40° мороза. Здѣсь, впрочемъ, можно перевернуть пословицу; каковъ слуга, таковъ и господинъ, потому что якутъ не менѣе своей лошади пріученъ къ всевозможнаго рода лишеніямъ *.

Хлѣбопашество, послѣ долго господствовавшаго предубѣжденія въ его возможности, начинаетъ мало-по-малу прививаться къ якутамъ. Правда земледѣліе въ Якутской области сопряжено съ большими трудностями. Всѣ сибирскія рѣки текутъ между горами, и луговаго берега нѣтъ, поэтому всѣ лучшія мѣста заняты подъ сѣнокосы, а для хлѣбопашества расчищаютъ землю по горамъ,—работа нелегкая и требующая много времени. Сначала надо подсушить лѣсъ, выжечь его, выворотить корни и сжечь ихъ, собрать дернъ и потомъ уже приступить къ приготовленію земли для посѣва. Но долгій трудъ окупается хорошимъ урожаемъ. Въ настоящее время по р.р. Маѣ и Алдану попадаются поля, покрытыя пшеницею и яровымъ хлѣбомъ и обширные луга съ безчисленными стогами сѣна. Сюда вызваны и переведены за проступки изъ-за Байкала переселенцы, которымъ правительство дало всѣ средства для обзаведенія и поддерживало въ послѣдствіи. Они нанимаютъ якутовъ обрабатывать землю, тѣ сначала не хотѣли трудиться и предпочитали ѣсть конину, древесную кору и всякую дрянь, но, поработавши годъ и поѣвши ячменной похлебки, на другой годъ пришли за работой сами. Въ среднемъ теченіи Лены урожаи иногда истребляются ранними морозами, а на сѣверѣ ея хлѣбопашество невозможно.

Разведеніе картофеля также прививается между якутами. Заготовленіе сѣна не вездѣ можетъ идти успѣшно, вслѣдствіе неблагопріятнаго климата. Надобно видѣть, какъ спѣшитъ, напр. житель Нижней Колымы накосить себѣ сѣна, какъ онъ трудится до истощенія силъ и все-таки не успѣваетъ. Скотъ принужденъ самъ отыскивать себѣ зимой пожелтѣвшую траву,

---

* За одну перевозку казенныхъ тяжестей якуты имѣютъ въ годъ болѣе 200.000 руб. сер.

и если она покрыта ледяной корой, образовавшейся осенью, вслѣдствіе наступившаго вдругъ мороза, послѣ растаявшаго снѣга, то неминуемый голодъ истребляетъ множество скота и влечетъ за собою обѣднѣніе жителей. Противъ сибирской язвы, истребляющей часто все достояніе кочевыхъ народовъ, до сихъ поръ не найдено средства.

Звѣриная ловля и отыскиваніе мамонтовой кости доставляютъ также якутамъ немаловажныя выгоды. Мамонтовы клыки привозятъ въ Якутскъ жигулинскіе и колымскіе купцы въ огромномъ количествѣ, промѣнивая ихъ отъ кочующихъ тамъ инородцевъ на табакъ и желѣзо. Добываніе мамонтовой кости началось со второй половины XVII столѣтія. Клыки находятъ или по берегамъ рѣкъ, или на днѣ высохшихъ озеръ, или по берегу моря, куда они выбрасываются волнами. Кабарожья струя составляетъ также значительную отрасль торговли съ инородцами. Кабарга живетъ отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Охотскаго моря. Этотъ звѣрь изъ рода сайги, ростомъ бываетъ съ козла, имѣетъ два небольшихъ рога, загнутыхъ назадъ, и у самца на четвертомъ году его возраста дѣлается на брюхѣ наростъ, извѣстный въ торговлѣ подъ именемъ кабарожьей струи. Кабарга, составляетъ главную пищу тунгусовъ; они ловятъ ее луками и бьютъ изъ винтовокъ. Въ прежнія времена изъ одного Удскаго края вывозилось до 8,000 штукъ однѣхъ струй въ годъ. Спрашивается, сколько всѣхъ кабаргъ убивается въ годъ, если молодымъ самцамъ и самкамъ никто не ведетъ счета?

Въ прежнее время хорошимъ промышленикомъ считался тотъ, кто въ теченіе осени убьетъ 20 соболей; нынче едва ли это возможно на половину для самаго лучшаго охотника. Звѣриный промыселъ замѣтно становится годъ отъ году менѣе выгоднымъ; только одна поколка оленей производится и въ настоящее время въ значительномъ количествѣ. Ходъ сѣверныхъ оленей бываетъ два раза въ годъ: весною, когда мошки гонятъ ихъ изъ лѣсовъ къ прохладнымъ морскимъ берегамъ, и осенью, когда усилившійся холодъ, гонитъ ихъ обратно въ лѣса. Весенній ходъ начинается въ половинѣ мая и не очень добычливъ, частію

потому, что олени въ это время худы, и шерсть плоха (весенняя шкура стоитъ 1 — 1½ руб., осенняя 5 — 6 руб.), частію же оттого, что ихъ трудно бить при переходѣ черезъ замерсшія рѣки. Лучшая охота на оленя бываетъ въ августѣ и сентябрѣ. Въ хорошіе годы число переходящихъ оленей доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ; они распадаются на стада въ 200 — 300 штукъ.

Путь оленей всегда одинъ и тотъ же. Подходя къ рѣкѣ каждое стадо идетъ тѣсной кучей подъ предводительствомъ стараго, самаго сильнаго самца. Передовой олень съ нѣсколькими товарищами осматриваетъ окрестность, подымая высоко голову. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду, за ними кидается весь табунъ и въ нѣсколько минутъ вся поверхность покрывается плывущими оленями. Тогда охотники, скрывавшіеся въ своихъ лодкахъ за камнями и кустами, обыкновенно подъ вѣтромъ отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое или трое самыхъ опытныхъ промышлениковъ, вооруженныхъ длинными копьями, врываются въ табунъ и колятъ съ невѣроятною скоростью плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара достаточно, чтобы умертвить животное или нанести ему такую рану, съ которой ему становится невозможнымъ доплыть до противуположнаго берега.

Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканіе раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольщики, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, покрытая кровью поверхность рѣки, — все вмѣстѣ составляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

Въ настоящее время всѣ якуты уже окрещены и считаются христіанами, хотя, по большей части, исполняютъ только наружные обряды религіи и придерживаются своихъ старинныхъ вѣрованій, обычаевъ и суевѣрій. Такъ Бога Творца они называютъ Артоенъ, т. е. честной господинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ жену его Кюбей-Хотунъ, т. е. почтенная госпожа. Громъ и молнію,

солнце и огонь почитаютъ за боговъ и видятъ въ нихъ живыя существа; передъ началомъ ѣды бросаютъ въ огонь самый жирный кусокъ. Въ юртахъ держатъ болванчиковъ, которымъ во время ѣды обмазываютъ лице жиромъ или саломъ, но почестей имъ никакихъ не воздаютъ. Болѣзнь и смерть приписываютъ вліянію нечистаго духа и для изгнанія его призываютъ шамана. Но усилія нашего духовенства и нашихъ миссіонеровъ не остаются безъ успѣха. Многіе суевѣрные обряды уничтожаются или теряютъ свое значеніе. Священники, объѣзжая постоянно якутовъ, поучаютъ свою молодую паству, совершаютъ обряды, крестятъ родившихся послѣ послѣдняго своего объѣзда, освѣщаютъ браки по правиламъ церкви и отпѣваютъ умершихъ на могилѣ. Недавно все священное Писаніе переведено на якутскій языкъ, и съ 1859 года богослуженіе отправляется на ихъ языкѣ. Якуты все болѣе и болѣе отстаютъ отъ шамановъ и обращаются къ истинному Богу.

8. Буряты.

Между инородцами, обитающими въ Сибири, весьма важное мѣсто занимаютъ буряты. Бурятъ отличаютъ какъ отъ китайскихъ монголовъ, такъ и отъ сибирскихъ тунгусовъ, живущихъ далѣе на востокъ въ Нерчинскомъ краѣ. Но этому мнѣнію противорѣчитъ тожество привычекъ, образа жизни и религіозныхъ вѣрованій у этихъ народовъ. Самое различіе въ языкѣ, въ особенности съ китайскими монголами, вовсе не такъ велико, какъ кажется. По крайней мѣрѣ, наши буряты въ сношеніяхъ съ послѣдними, сколько извѣстно, никогда не затрудняются въ выраженіяхъ своихъ мыслей. Скорѣе можно полагать, что два эти народа суть только вѣтви одного и того же племени. Но каково бы ни было происхожденіе бурятъ, только извѣстно, что они съ незапамятныхъ временъ имѣютъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ пространства земель, расположенныхъ кругомъ о. Байкала, преимущественно въ Иркутской губ. и Забай-

кальской обл. Множество рѣкъ, текущихъ изъ горныхъ вершинъ земли бурятской, образуетъ отдѣльные участки поземельныхъ протяженій, обставленныхъ лѣсистыми горными кряжами, посреди которыхъ заключаются прекрасныя степныя пространства, нерѣдко тянущіяся на нѣсколько сотъ верстъ. Такимъ образомъ этотъ обширный край соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для кочевой жизни. Кто видывалъ эти пространства, омываемыя многочисленными рѣками, тотъ согласится, что родоначальники бурятъ чрезвычайно удачно избрали мѣста кочевокъ для удобствъ жизни своихъ родовъ. На этихъ пространствахъ земли буряты находятъ все для себя необходимое. Всѣ рѣки этихъ пространствъ изобилуютъ рыбой, особенно впадающія въ Байкалъ; горные хребты и обширные лѣса наполнены разнаго рода дичью и пушными дорогими звѣрями. Степныя пространства, на всемъ ихъ протяженіи, порасли разнаго рода злаками, составляющими питательный кормъ для домашнихъ животныхъ.

Вообразите, что вы выѣзжаете изъ лѣсу или спускаетесь съ горы, — вдругъ вамъ представляется совершенно ровное, гладкое мѣсто, тянущееся во всѣ стороны по горизонту: ни одинъ предметъ не застилаетъ его; только по окраинамъ равнины, на отдаленномъ горизонтѣ, поднимаются горы, которыя иногда касаются облаковъ. Горы эти покрыты лѣсомъ, а иногда совершенно голыя. По этой ровной площади вы ѣдете въ тарантасѣ. Дорога совершенно гладкая, лучше всякаго шоссе, потому что грунтъ земли крупный песокъ, изъ котораго очень рѣдко выглядываютъ камни. Весь этотъ грунтъ покрытъ зелеными, ароматическими злаками или, лучше, кустообразною травой, которая придаетъ всей картинѣ прекрасный видъ. Вы смотрите въ даль: на горизонтѣ чернѣются движущіяся точки, разбросанныя тамъ и сямъ по степи, — это кочующій скотъ: лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды. Но также въ отдаленіи вы замѣчаете группу черныхъ точекъ бо́льшаго размѣра, — это юрты, похожія на русскія овины, потому что составляютъ не что иное, какъ четыреугольныя избы, покрытыя дранью. Онѣ стоятъ довольно

правильно, одна возлѣ другой, и представляютъ видъ деревни. Когда начинаете подъѣзжать къ такому улусу, видите тамъ и сямъ ѣдущихъ на быкахъ бабъ, дѣвокъ, мальчиковъ и взрослыхъ бурятъ. У самыхъ юртъ лежатъ коровы, отрыгающія жвачку, собаки, лающія на васъ, и тутъ же бѣгаютъ голые мальчики.

Расположеніе юртъ какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ— одинаковое. Вмѣсто печки каминъ, а въ войлочной юртѣ очагъ по срединѣ; у бѣдныхъ даже и въ деревянной юртѣ огонь раскладывается на землѣ, потому что деревяннаго пола не дѣлается. Надъ очагомъ ставится треногъ, на которомъ виситъ котелъ, гдѣ варится пища.

Что касается мебели, то ея совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ буряты, по восточному обычаю, любятъ сидѣть на войлокахъ, если они есть; а нѣтъ, такъ и на голой землѣ.

Буряты вообще средняго роста, плечисты, широки и плотны. У многихъ изъ нихъ замѣчается дородность, и такіе кажутся опухлыми. Голова бурята средней величины, нѣсколько сдавлена спереди и имѣетъ видъ конусообразный, низомъ къ основанію; лобъ плоскій и небольшой; брови тонкія и высокія, глаза узкіе, черные и угловатые, какъ и у всѣхъ кочующихъ народовъ, привыкшихъ съ младенчества смотрѣть въ даль; носъ плоскій и широкій; уши большія, оттопырившіяся; зубы правильные и отличаются необыкновенною бѣлизною; волосы черные и гладкіе и носятся только на макушкѣ, всѣ остальные сбриваются; волосы на бородѣ и притомъ весьма рѣдкіе, носятъ одни старики, молодые же выдергиваютъ ихъ; цвѣтъ лица смугло-красный и лоснящійся. Вообще лице бурята похоже на калмыцкое, т. е. съ весьма развитыми скулами, которыя, однако же, въ молодости и при полнотѣ мало замѣтны. Ноги бурятъ всегда очень выгнуты на внѣшнюю сторону, что происходитъ отъ сидѣнія со сложенными подъ себя ногами и отчасти отъ верховой ѣзды, столь обыкновенной въ кочевомъ быту. Бурятъ идетъ всегда, покачиваясь со стороны на сторону; такая походка, вѣроятно, есть слѣдствіе кривизны ногъ, которыя въ сравненіи

съ туловищемъ довольно коротки. Буряты не отличаются крѣпостью и силою тѣлесною, и одинъ русскій можетъ преодолѣть нѣсколько бурятъ, чего они сами не отвергаютъ. Въ движеніяхъ бурятъ видна медленность, неповоротливость. При этомъ нельзя не замѣтить, что они, нанявшись въ работники, весьма усердны къ работѣ—въ продолженіе зимы, но какъ скоро почувствуется весенній запахъ, то никакія усилія не удержатъ бурята, особенно въ городѣ: тогда бурятъ, задержанный нѣсколько хозяиномъ по какимъ-нибудь причинамъ, уйдетъ непремѣнно тайно въ свои улусы, и никакая плата не можетъ заставить его работать въ городѣ. Буряты хорошо знаютъ вліяніе на нихъ весны и потому нанимаются только до Николы, 9 мая.

Женщины отличаются отъ мужчинъ развѣ только болѣе нѣжнымъ цвѣтомъ лица; другихъ особенныхъ различій не существуетъ. Также точно нѣтъ разницы и между платьемъ бурятъ и бурятокъ. И тѣ и другія зимою носятъ нагольныя шубы, спины которыхъ украшаются суконными лентами различныхъ цвѣтовъ въ $^1/_4$ арш. длины. Иногда у женскихъ шубъ бываютъ на спинѣ небольшіе сборы, подолъ вышивается шелкомъ и опушается бобромъ или другимъ дорогимъ мѣхомъ. Лѣтомъ и мужчины и женщины носятъ халаты на ватѣ, обшитые звѣринымъ мѣхомъ. Мужскіе халаты по своему покрою напоминаютъ халаты татарскіе, а женскіе въ родѣ китайскихъ съ пуговицами на правомъ боку. Лѣтомъ они носятъ ватныя, конусообразныя шапки, а зимою мѣховыя. Женщины лѣтомъ ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ, сходныхъ покроемъ съ рубашками русскихъ женщинъ. Одѣтыя въ однѣ рубашки, они подпоясываются шнурками; мужчины всегда подпоясаны. Они носятъ узкіе и короткіе до колѣнъ штаны, которые дѣлаются изъ кожи. Многіе изъ бурятъ носятъ сапоги, наподобіе простыхъ русскихъ; богатые носятъ плисовые, а женщины шелковые, вышитые разными узорами. Подошвы у всѣхъ этихъ сапоговъ дѣлаются изъ пробки, пальца въ два толщиною. Буряты и бурятки носятъ складные

ножи; у первыхъ они прикрѣпляются къ поясу, а вторыя носятъ ихъ въ карманѣ или на маленькой цѣпочкѣ подъ одеждой.

Бурятки дѣлаютъ прямой проборъ на передней части головы, какъ и русскіе женщины и заплетаютъ волосы—замужнія женщины въ двѣ косы, а дѣвушки въ нѣсколько нетолстыхъ косичекъ. Какъ женщины, такъ и дѣвицы украшаютъ косы разными вещами—моржанами *, яшмой и нерѣдко монетами. Косы спускаются на грудь, а не на спину. Серегъ онѣ не носятъ и не прокалываютъ ушей. Съ удивленіемъ смотрятъ онѣ на это обыкновеніе у русскихъ женщинъ. Въ праздники богатыя женщины одѣваютъ на шею ожерелье изъ моржанъ и разныхъ бусъ, перемѣшанныхъ иногда съ серебряными и золотыми монетами. Одежда бурятскаго населенія въ праздничные дни отличается своего рода пышностью. Буряты, какъ и всѣ кочующія племена, питаются преимущественно произведеніями своего скота. Особенно употребительны между ними баранина и молочные скопы.

Живя на роскошныхъ долинахъ, окруженные безконечными горными хребтами и въ центрѣ многоводныхъ рѣкъ, буряты до сихъ поръ сохранили патріархальный характеръ кочующихъ племенъ. Всѣ они состоятъ изъ племенъ, которыя дѣлятся на *аймаки*, т. е. роды, образующіеся изъ нѣсколькихъ семействъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго родоначальника, жившаго за нѣсколько вѣковъ. Этотъ родовой бытъ бурятъ служитъ главнымъ основаніемъ ихъ общественнаго устройства.

Такимъ образомъ буряты управляются собственными князьями (тайша) и старшинами (шуленги). Для многихъ родовъ, соединенныхъ между собою, учреждены *степныя думы* изъ старшинъ подъ предсѣдательствомъ князей. Только въ возмущеніяхъ, намѣренномъ убійствѣ, грабежѣ, насиліи и дѣланіи фальшивой монеты буряты судятся въ общихъ присутственныхъ

---

* Моржаномъ называется крупный красный камень, вывозимый изъ Китая.

мѣстахъ, въ прочихъ дѣлахъ (не исключая и кражи), по собственнымъ законамъ и обычаямъ, въ родовыхъ судахъ.

Всѣхъ бурятъ числится до 190,000 душъ обоего пола. Они принадлежатъ къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: христіанскому, шаманскому и ламайскому и занимаютъ пространство земли, приблизительно, на 1,000 кв. верстъ.

Какъ народъ, ведущій кочевую жизнь, буряты занимаются двумя отраслями скотоводства: разведеніемъ лошадей и рогатаго скота. Лошадь для бурята есть необходимая принадлежность. Бурятъ шагу не сдѣлаетъ безъ коня, это другъ его съ самой колыбели. Внѣ юрты трудно встрѣтить бурята иначе, какъ на лошади: будетъ ли это тайша, шуленга, лама или простой мужикъ, мальчишка или старикъ, мужчина или женщина. Въ недавнее только время стала входить въ моду у бурятской аристократіи ѣзда въ тарантатахъ. Богатство бурятъ измѣряется числомъ ихъ табуновъ, какъ богатство тамошнихъ невѣстъ числомъ головъ скота, отданнаго въ калымъ. Но буряты вообще мало заботятся о продовольствіи своихъ табуновъ: лошади ихъ съ давнихъ поръ привыкли довольствоваться однимъ подножнымъ кормомъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Но такое отступленіе отъ европейскаго способа кормленія лошадей не должно удивлять насъ. По образу жизни бурятъ, работы лошадей ихъ нисколько необременительны для послѣднихъ. Всѣ тяжести, какъ-то: хлѣбъ, лѣсъ и т. п. перевозятся у большей части бурятъ на быкахъ, а лошадь, кромѣ верховой ѣзды, ни на что не употребляется. Съ этой стороны она вполнѣ удовлетворяетъ потребности бурята, потому что отличается быстротою, пылкостью и терпѣніемъ и притомъ не требуетъ для себя ни ухода, ни корма, какъ другія породы лошадей. Не должно, однако-жъ, думать, что всѣ бурятскія племена имѣютъ одинаковую возможность заниматься разведеніемъ лошадиныхъ табуновъ, ибо не всѣ роды въ одной и той же степени пользутся удобствами пастбищъ. Болѣе всего лошадей разводятъ буряты, живущіе ближе къ китайской границѣ. Количество лошадей, разводимыхъ бурятами, опредѣлить весьма

ЗЕМСТВО

трудно, тѣмъ болѣе, что они сами не считаютъ ихъ. По ихъ понятіямъ, если считать скотъ, то послѣдуетъ его гибель. Приблизительно можно сказать, что есть хозяева, у которыхъ находятся десятки тысячъ лошадей, такъ что жители изъ нихъ во все время существованія своего не видали узды и не чувствовали сѣдла.

Разведеніе бурятами рогатаго скота заслуживаетъ особаго вниманія по своей многочисленности. Бытъ инородцевъ тѣсно связанъ съ размноженіемъ этого рода животныхъ. Быкъ, какъ выше замѣчено, исправляетъ у бурятъ всѣ роды тяжелыхъ работъ. Въ самомъ юномъ возрастѣ у теленка между ноздрями въ хрящѣ прокалывается дыра; въ нее продѣвается палочка или бичевка, и это остается на всю жизнь. Тихій и покорный быкъ управляется этимъ орудіемъ и замѣняетъ буряту лошадь. Корова важна для этихъ инородцевъ болѣе по количеству добываемаго отъ нея молока, изъ котораго приготовляется дарасунъ и аракъ. Бурятъ пьетъ ихъ съ утра до вечера и отъ этого краснѣетъ и жирѣетъ. А какъ приготовленіе этихъ напитковъ, ежедневно подновляемыхъ, требуетъ большаго запаса молока, то для бурятъ обладаніе значительнымъ числомъ коровъ составляетъ необходимость. Съ другой стороны, бурятъ употребляетъ рогатый скотъ, какъ капиталъ: рѣдко имѣя возможность пріобрѣсть деньги посредствомъ труда, свойственнаго крестьянамъ, онъ продаетъ скотъ для полученія денегъ на платежъ податей и другіе расходы. Торговля рогатымъ скотомъ въ бурятскихъ улусахъ имѣетъ весьма значительные размѣры.

Другой не менѣе важный промыселъ, земледѣліе, стало развиваться у бурятъ, благодаря сосѣдству русскихъ деревень, обитатели которыхъ занимаются преимущественно земледѣліемъ. Выгодный сбытъ хлѣба въ Иркутскій край и на казенныя поставки еще болѣе развилъ въ народѣ охоту къ обработкѣ своихъ полей. Хотя хлѣбопашество и не составляетъ господствующаго промысла у бурятъ, однако-жъ, нельзя не отдать справедливости трудолюбію ихъ. Пшеница и рожь у нихъ лучшаго качества и добываются въ большемъ количествѣ, сравни-

тельно съ русскими деревнями. Причиною этого служитъ слѣдующее обстоятельство. Русскій хозяинъ, бросивъ сѣмя въ болѣе или менѣе хорошо распаханную землю, ожидаетъ послѣдствій, сложа руки, какъ подобаетъ русскому мужичку. Поэтому случайныя явленія природы часто разрушаютъ труды русскаго хлѣбопашца, который не предпринимаетъ ничего къ отвращенію зла. Бурятъ, напротивъ, съ величайшимъ усердіемъ слѣдитъ за сѣменемъ и его поизрастаніемъ. Поля бурятъ всегда огорожены лучше и крѣпче русскихъ, и среди ихъ проведены ручьи, которые содѣйствуютъ поддержанію влажности въ почвѣ, такъ что засуха здѣсь почти неизвѣстна. Плодородію бурятской почвы много содѣйствуетъ также обширное ихъ скотоводство. Кромѣ того, поля ихъ не разбросаны по десяткамъ квадратныхъ верстъ, а сосредоточены на тѣхъ пространствахъ земли, которыя примыкаютъ къ жилищамъ, что̀ очень похоже на русскіе огороды, но гораздо въ большемъ объемѣ.

Поля бурятскія обрабатываются простыми земледѣльческими орудіями сохою и бороною. Въ хорошіе годы жатва бываетъ весьма обильная, такъ что яровой хлѣбъ родится самъ 30 и болѣе. Хотя бурятскія пашни, какъ сказано выше, менѣе подвержены случайностямъ, тѣмъ не менѣе ранніе морозы и кобылка, особеннаго рода саранча, наносятъ значительный вредъ хлѣбопашеству инородцевъ. Породы хлѣба, засѣваемаго бурятами, суть: пшеница, рожь озимая и яровая, ячмень, овесъ и изрѣдка греча. Посѣвы полбы, проса и озимой пшеницы имъ неизвѣстны. Горохъ сѣется весьма рѣдко.

Свѣжесть, доброкачественность и обиліе бурятскихъ хлѣбовъ много зависятъ отъ искусственныхъ водопроводовъ. Чтобы понять простоту ихъ системы, должно имѣть въ виду, что бурятскія стойбища всегда болѣе или менѣе приближены къ горамъ именно къ той ихъ части, гдѣ горы расходясь образуютъ пади. Въ этихъ падяхъ почти всегда журчатъ ручьи, которые текутъ по наклонной плоскости до слѣдующей рѣчки. Такими-то ручьями и пользуются буряты, развѣтвляя ихъ небольшими канавами

по своимъ полямъ и лугамъ. И какъ напоръ воды постоянный, то вода, движущаяся сама собою, куда бы канава ни была ведена течетъ по этой новой плоскости даже нѣсколько въ гору. Подобныя канавы могутъ сходиться, расходиться, принимать кругообразное, перпендикулярное и всякое другое направленіе, и все-таки вода будетъ струиться по нимъ, орошать прилегающую землю и такимъ образомъ содѣйствовать ея плодородію. Ручей, какъ живая, неумолкающая и безпрестанно движущаяся сила, не въ состояніи испариться, а, слѣдовательно, и канавки съ водой не могутъ высохнуть. Если бы понадобилось уничтожить эти канавы, по причинѣ излишней влажности, то нужно только запрудить ихъ и сосредоточить воду ручья въ одномъ руслѣ. Для хлѣбовъ это бываетъ иногда необходимо, а для травы — никогда.

Что касается сбыта бурятами хлѣба, то онъ продается на мѣстѣ и на частные золотые пріиски, въ Киргизскую степь и на линію казакамъ. Частію хлѣбъ отпускается въ Китай промѣномъ.

Звѣроловство въ отечествѣ бурятъ сохранило свое первобытное значеніе. Для бурята звѣриный промыселъ есть занятіе второстепенное, дополненіе къ скотоводству и хлѣбопашеству, и потому онъ употребляетъ на него только осеннее время, хотя въ Сибири производство звѣринаго и птичьяго промысловъ дозволено во всякое время года. Главнымъ орудіемъ при добываніи звѣрей бурятами служитъ винтовка. Употребленіе стрѣлъ вывелось вовсе. Звѣроловъ, стрѣляя навѣрняка, старается попасть въ голову звѣря, чтобы шкурка сохранилась отъ поврежденія. Буряты сбываютъ пушныхъ звѣрей, какъ-то: соболя, бѣлку, лисицу, горностая, въ ближайшемъ къ улусу городѣ. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ за предѣлами города ихъ же братья, буряты-перекупщики, которые купленный товаръ перепродаютъ купцамъ, удерживая за собою весьма выгодный процентъ.

Что касается рыболовства, то имъ занимается самая незначительная часть бурятъ, а именно буряты, живущіе по р.р. Селенгѣ, Баргузину и Ангарѣ. Рыбные промыслы этихъ бурятъ сосредоточиваются преимущественно въ устьѣ р. Селенги и по

берегамъ Байкала, прилегающимъ къ этому устью. Здѣсь въ теченіе іюня и іюля, соединясь въ артели, буряты ловятъ омулей, осетровъ, тайменей, сиговъ и другихъ менѣе замѣчательныхъ рыбъ. Орудіемъ ловли служатъ невода, длина которыхъ простирается иногда до 500 и болѣе саженъ. Вся добываемая рыба Байкаломъ и Ангарой сплавляется въ Иркутскъ. У баргузинскихъ бурятъ лѣтній промыселъ незначителенъ, но зимній достоинъ полнаго вниманія, потому что населеніе Иркутска получаетъ отсюда наибольшее количество рыбы. Добываемую этими бурятами рыбу составляютъ сиги, окуни, щуки, форель (въ незначит. количествѣ) и друг. Въ Ангарѣ тамошними бурятами добываются осетры и стерляди. — Ловля осетровъ замѣчательна тѣмъ, что ихъ добываютъ не неводами, а острогой. Въ срединѣ зимы осетры собираются въ кучи въ глубокихъ ямахъ, надъ которыми рыболовы прорубаютъ ледъ и поражаютъ осетровъ острогами. Подобный способъ добыванія осетровъ употребителенъ также и между русскими, промышляющими на р. Селенгѣ. У другихъ бурятъ рыболовство находится вообще на низкой степени развитія, не смотря на то, что воды Чикои, Ингоды, Онона, Шилки и Аргуни преимущественно обильны лучшими породами рыбъ, напр. сазаномъ, бѣлугою, тайменемъ, пельмою, бѣлою рыбою и т. п. Но должно замѣтить, что какъ всякая промышленость требуетъ для своего развитія капиталовъ, которыми буряты еще не могутъ располагать, то изъ рыбнаго ихъ промысла болѣе всего извлекаетъ выгоды торговое сословіе.

9. Чукчи.

Чукчи обитаютъ на сѣверовосточной оконечности Азіи отъ Чаунской губы до Берингова пролива, съ одной стороны, и отъ рѣки Андыра до Ледовитаго моря, съ другой. Сосѣдніе съ ними народы — на югъ коряки, на западъ юкагиры.

Названія двухъ рѣкъ, большая и малая Чукочья, впадаю-

щихъ съ западной стороны въ устья Колымы, заставляютъ предполагать, что чукчи занимали нѣкогда гораздо большее пространство земли, и что ленскіе казаки, покоривъ берега рѣки Колымы, вытѣснили ихъ отсюда. Такое предположеніе еще болѣе подтверждаютъ преданія, сохранившіяся между жителями Колымскаго округа, о частыхъ опустошительныхъ набѣгахъ чукчей на первобытныя русскія поселенія по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что тогда получили свои названія Погромное и Убіенное урочища.

Въ прежнія времена чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и нагорныя страны и поселились на берегахъ моря. Такъ какъ упомянутыя морскія животныя являются чаще въ краяхъ, лежащихъ далѣе на востокъ, потому и береговое народонаселеніе, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, является многочисленнѣе.

Такимъ образомъ чукчи раздѣляются въ настоящее время на два отдѣла: на осѣдлыхъ, или береговыхъ, и на оленныхъ, или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ добромъ согласіи и взаимно снабжаютъ другъ друга жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржовые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваются сверху оленьими кожами и видомъ напоминаютъ большіе неправильные конусы. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая, низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ крутое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается

другая, маленькая, четыреугольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухней, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ребра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Главное занятіе береговыхъ жителей составляетъ ловля тюленей и моржей. Для ловли употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ, за тюленями охотятся и другимъ способомъ: чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы, какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно вылѣзаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода оружіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу для того, чтобы, по мнѣнію чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій, однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который, мало-по-малу, приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Этотъ родъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою до тѣхъ поръ, пока не покроется весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что это средство рѣдко не удается.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣд-

лыхъ чукчей, хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, а жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренностей и кишекъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ чукчи особенное орудіе, употребляя его вмѣсто пешней для ломки льда и рытья замерзшей земли, но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ мѣновой торговли съ оленными чукчами, передающими ихъ русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ торосовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ чукчи вмѣсто сѣтей родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей родъ сѣтей изъ длинныхъ и узкихъ ремней, съ камнями или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ и, запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще чукчи не страстные охотники и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ — копье и особенно ботасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей, и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не попарно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе колымскихъ и камчатскихъ. Замѣчательно,

что въ 1821 году чукчи также лишились многихъ собакъ отъ повѣтрія, свирѣпствовавшаго по берегамъ Колымы, Индигирки, Яны и Лены.

По собственнымъ нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ отзывамъ другихъ оказывается, что у кочующихъ и у осѣдлыхъ чукчей существуетъ рабство. Богатѣйшіе изъ чукчей владѣютъ цѣлыми семействами, уже съ древнихъ временъ находящимися у нихъ въ зависимости, несмѣющими удаляться никуда, неимѣющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющаго ихъ на самыя тяжелыя работы; въ вознагражденіе онъ одѣваетъ и кормитъ ихъ. О началѣ такой зависимости, ни переводчикъ нашъ, ни другіе чукчи не могли ничего сказать, а полагали, что «такъ было и должно быть». Вѣроятно, рабы чукчей суть потомки прежнихъ военноплѣнныхъ.

Пища чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, чрезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а къ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодными, а въ заключеніе съѣдается даже большой кусокъ снѣгу. Мнѣ часто случалось видѣть, что при 30° и болѣе мороза, чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

10. Русскіе колонизаторы Сибири.

Первымъ колонизаторомъ Сибири былъ герой Ермакъ съ своими казаками. Послѣ смерти Ермака, казаки подвигались все далѣе на востокъ, отъ одной рѣки до другой, строя въ удобныхъ мѣстахъ небольшія, деревянныя крѣпостцы (остроги), служившія достаточнымъ оплотомъ противъ нападенія дикихъ туземцевъ. Обезпечивши, такимъ образомъ, свой тылъ, они шли далѣе, безпрерывно сражаясь и обкладывая инородцевъ ясакомъ, пока не дошли до береговъ Охотскаго моря и Амура.

Правда, что колонизируя страну, казаки въ то же время и въ гораздо сильнѣйшей степени уменьшали численность ея населенія, истребляя огромное число туземцевъ; но заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они вносили въ ихъ жизнь новый цивилизующій элементъ. Потомки этихъ героевъ до настоящаго времени несутъ форпостную и внутреннюю службу и занимаются земледѣліемъ, а въ южныхъ предгорьяхъ Алтая и пчеловодствомъ. На всей китайской границѣ они ведутъ еще мѣновую торговлю. Вообще благосостояніе ихъ обезпечено тамъ, гдѣ климатъ и мѣстныя условія не исключаютъ возможности хлѣбопашества и торговли.

Вслѣдъ за завоевателями шли промышленики и купцы, увеличивая колонизацію; но промышленость, особенно въ то время, была мало развита и въ самой европейской Россіи, народонаселеніемъ она и теперь небогата, и потому колонисты — промышленики очень незначительно увеличили численность народонаселенія Сибири. Но чего не могла сдѣлать добрая воля, то сдѣлала отчасти неволя.

Со второй половины XVII столѣтія крестьяне на Руси начали терять личную свободу, получая значеніе господскаго имущества. Они подлежали продажѣ и могли быть передаваемы отъ одного лица другому безъ земли. Тягость такого положенія и самоуправство владѣльцевъ заставляли крестьянъ многочисленными толпами бѣжать къ казакамъ на Донъ или на Днѣпръ

въ Запорожскую Сѣчь, либо прятаться въ лѣсахъ и составлять разбойничьи шайки. Часть такихъ удальцовъ попадала и въ Сибирь, въ которой были привольные луга, неслыханные урожаи, а о крѣпостной зависимости ни слуху, ни духу. Такимъ образомъ крѣпостное право, такъ или иначе, до послѣдняго дня своего существованія, много содѣйствовало колонизаціи Сибири.

Во времена Алексѣя Михайловича и его преемниковъ бродяжничество не ограничивалось только крѣпостными людьми, оно развивалось также между раскольниками, которые убѣгали отъ преслѣдованій въ отдаленныя мѣстности, частію въ Сибирь, строя тамъ свои скиты.

Изъ всѣхъ старовѣрческихъ поселеній въ Сибири особенно замѣчательны *каменщики*. Это названіе они получили отъ мѣстности, въ которой прежде построены были ихъ деревни: они жили «въ камняхъ» или «за камнями», т. е. въ каменистыхъ ущельяхъ горъ, по берегамъ рѣки Бухтармы.

Поселившись здѣсь, каменщики приходили иногда въ русскія деревни алтайскаго горнаго округа, въ которыхъ жили ихъ единовѣрцы. Многіе раскольники послѣдовали ихъ примѣру и бѣжали въ Бухтарминскія дебри вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Это народонаселеніе построило свои хижины подлѣ самой китайской границы, подъ защитою скалистыхъ высотъ. Сначала они жили здѣсь совершенно мирно, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ и за свои усилія были вознаграждаемы обильными жатвами, но вскорѣ между ними появились буйныя головы, и первоначальное спокойствіе было нарушено.

Въ каменныя деревни стали являться мародеры, каторжники даже и заводскіе работники; между каменщиками начались воровства, убійства и преступленія разнаго рода. Живя разбоемъ, они неожиданно появлялись въ окрестностяхъ и, будучи отличными стрѣлками, устрашали все сосѣдство. Вооруженныя дѣйствія противъ нихъ сдѣлались неизбѣжными. Головы ихъ были оцѣнены, и пойманныхъ каменщиковъ разстрѣливали. Однако же, экспедиціи русскихъ разъѣздныхъ командъ были часто безуспѣшны, команды возвращались иногда изъ скалистыхъ деб-

рей съ большимъ урономъ. Такъ же безплодны были нападенія сосѣднихъ китайцевъ, желавшихъ отомстить за набѣги на подвластныхъ имъ киргизовъ, которые, впрочемъ, гдѣ только могли, платили раскольникамъ тою же монетой.

Но между каменщиками были и нравственные люди, для которыхъ, наконецъ, такое положеніе сдѣлалось невыносимымъ; къ тому же настали неурожаи, начался голодъ; около 60 чел. изъ нихъ рѣшились принять китайское подданство и перешли границу. Попытка эта не имѣла никакого успѣха. Богдыханъ отказалъ имъ, и каменщики должны были возвратиться въ свои деревни, гдѣ нужды ихъ постоянно возрастали, а русскіе разъѣзды приводили въ страхъ и трепетъ. Вскорѣ голодъ, страхъ, проснувшаяся совѣсть и благоразуміе внушили каменщикамъ спасительную мысль прибѣгнуть къ великодушію Императрицы Екатерины II, умоляя Ее о помилованіи и испрашивая дозволеніе остаться горными жителями. Екатерина рескриптомъ 1791 года милостиво простила ихъ, принявъ въ подданство и наложивъ на нихъ умѣренный ясакъ, послѣ чего каменщиковъ стали называть также *ясачными*. Тогда, наконецъ, водворился между ними порядокъ и согласіе, они покинули свои страшныя ущелья и перенеслись на новыя, болѣе удобныя мѣста, гдѣ могли заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Такъ возникли въ Бухтарминской долинѣ деревни каменщиковъ, пользующіеся въ настоящее время полнымъ благосостояніемъ, изумившимъ путешественника Ледебура. «Какая метаморфоза», говоритъ онъ, «въ теченіе полувѣка. Тогда разстилалась здѣсь пустыня, обитаемая дикими звѣрями и кочевьями номадовъ, страна ужаса отъ преступленій, разбоевъ и убійствъ; никто не пользовался лѣсами, обильными лугами, пахатною землею. Въ настоящее время здѣсь всюду народонаселеніе, возрастающій рядъ общинъ, и крестьяне зажиточны, откровенны, благонравны, доброжелательны и гостепріимны; они воздѣлываютъ землю и трудолюбиво зарабатываютъ всѣ необходимые для себя предметы. Училищъ и церквей у нихъ, правда, нѣтъ, но есть свои молельни; каждый умѣетъ читать, писать и

учитъ тому же своихъ дѣтей. Господствующій въ этомъ краю горный промыселъ чрезвычайно благодѣтеленъ для поселеній; онъ способствуетъ благосостоянію земледѣльца и распространенію практическихъ свѣдѣній, такъ что всѣ роды ремеслъ производятся самими крестьянами. Близость китайской границы, возвышаетъ выгоды непрерывнымъ размѣномъ взаимныхъ потребностей, которыя направляются сюда изъ двухъ противоположныхъ центровъ, изъ Москвы и Пекина. Расположенные вдоль пограничной линіи, китайскіе и манджурскіе лѣтніе караулы привозятъ съ собою свое жалованье въ товарахъ и рады всегда обмѣнять ихъ на предметы жизненныхъ потребностей. Такимъ образомъ между тамошними поселенцами распространились китайскія матеріи, штофы (канфы), шелкъ, фарфоръ, утварь разнаго рода и проч. и тѣмъ самымъ въ домашній бытъ юнаго народонаселенія внѣдрилось извѣстное щегольство, чистота, изящество, которыя изумляютъ путешественника въ такомъ отдаленіи отъ всякой цивилизаціи.

«Но слѣды прежняго образа жизни каменщиковъ, принуждавшаго ихъ къ постоянной войнѣ, безпрерывнымъ стычкамъ и теперь еще поддерживаемаго охотою и совершеннымъ отчужденіемъ отъ другихъ людей, проявляется извѣстною грубостью въ обращеніи, одичалостью, но также смѣлостью и ловкостью. Они отличные наѣздники и, по причинѣ множества окружающихъ ихъ звѣрей, всегда ходятъ вооруженные винтовками.»

Но громадное пространство Сибири не могло населиться такими скудными средствами, какъ побѣги раскольниковъ и бродягъ, какъ бы они ни были многочисленны. Правительство, желая поощрить свободныхъ переселенцевъ, кромѣ произвольнаго количества земли, даетъ имъ всѣ средства для обзаведенія на новомъ мѣстѣ и разныя льготы въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей. Но льготы, также какъ и приволья и урожаи сибирскихъ полей и луговъ, обильный ловъ рыбы и дорогихъ звѣрей мало привлекаютъ русскаго крестьянина, который, вообще не любитъ *навсегда* покидать родное пепелище, хотя охотно

и часто очень далеко уходитъ *на время* для промысла. Поэтому-то свободныхъ переселенцевъ въ Сибири немного: сюда переселяются только тѣ, кому дома пришлось не въ моготу трудно. Крестьяне, если переселяются, то почти всегда цѣлыми деревнями, причемъ другіе идутъ иногда противъ воли, чтобъ не отстать только *отъ міра*.

Есть и еще причины, затрудняющія свободное переселеніе. Недобрая слава сибирскаго климата, рѣдкое населеніе и необъятныя пространства, среди которыхъ человѣкъ, безсильный въ борьбѣ съ суровой природой, теряется, какъ капля въ морѣ,— все это служитъ постоянною помѣхою колонизаціи. Остается одно только средство увеличить количество населенія Сибири, это — ссылка туда преступниковъ. Правительство и пользуется этимъ средствомъ уже около полутораста лѣтъ.

Большинство ссыльныхъ состоитъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ: убійцъ, разбойниковъ, воровъ, контрабандистовъ, даже безпаспортный бродяга, который не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта о своемъ поведеніи и происхожденіи, получаетъ паспортъ въ Сибирь. Такимъ образомъ ежегодно ссылается въ Сибирь до 12 т. ч., иногда болѣе. Прежняя пѣшеходная, чрезвычайно утомительная и невыгодная система препровожденія арестантовъ до Сибири замѣнена въ настоящее благодѣтельное царствованіе отправленіемъ ихъ, гдѣ можно, по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Отъ Петербурга до Нижняго Новгорода ихъ везутъ по желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходахъ до Перми, потомъ сухимъ путемъ до Тюмени; отсюда до Томска тоже на пароходахъ. Всѣ арестанты изъ Россіи направляются прежде всего въ Тобольскъ, гдѣ приказъ о ссыльныхъ распредѣляетъ ихъ по степени преступленія и отправляетъ на жительство. За болѣе тяжкія преступленія ссылаютъ на каторжную работу въ Нерчинскіе рудники и заводы, за менѣе важные — приписываютъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ Сибири, причемъ они не могутъ отлучаться за границы извѣстнаго округа или губерніи. Каторжные, по истеченіи термина работъ, обращаются также въ поселенцевъ.

Нѣкоторые путешественики считаютъ Сибирь за лучшее ссылочное мѣсто въ мірѣ. Здѣсь человѣкъ испорченной нравственности поставленъ въ необходимость собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе или умереть съ голоду. Тутъ охотникъ до чужой собственности волей-неволей долженъ пріобрѣтать свою. Трудъ въ Сибири скоро вознаграждается, и новый собственникъ, получивши понятіе о томъ, какъ пріятно владѣть чѣмъ-нибудь своимъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, мало-по-малу втягивается въ работу и становится хорошимъ семьяниномъ и полезнымъ членомъ общества. Благодарный трудъ наполняетъ все его время, а трескучіе зимніе морозы отбиваютъ всю охоту ссыльнаго отъ преступной жизни; къ тому же и средствъ къ преступленію гораздо меньше, и ограбить-то почти некого, сосѣди — все свои же братья ссыльные, которымъ каждая копѣйка достается тяжкимъ трудомъ.

И такъ, нѣкоторые преступники, при благопріятныхъ обстоятельствахъ иногда исправляются и достигаютъ въ Сибири такого благосостоянія, о какомъ не могли и мечтать въ Россіи. Конечно это не всѣ, но если бы всѣхъ ихъ запереть въ тюрьму, то и небольшое количество нравственно-улучшившихся вслѣдствіе труда еще глубже впало бы въ бездну порока. Что же касается потомства этихъ преступниковъ, то всѣ путешественники отзываются объ нихъ съ необыкновенною похвалою. Потомки *несчастненькихъ*, какъ въ Сибири называютъ сосланныхъ, составляютъ здѣсь большинство населенія и отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, высокимъ ростомъ, желѣзнымъ здоровьемъ и необыкновенною честностію. Такъ путешественникъ Врангель говоритъ:

«Лишь только перевалились мы за Уралъ, какъ были поражены совершенно особеннымъ дружелюбіемъ и добродушіемъ жителей; настолько же поразительны роскошная растительность, хорошо обработанныя поля, превосходныя дороги и большія, хорошо выстроенныя деревни, которыя встрѣчаемъ въ южной части Тобольской губерніи. Вещи можно было оста в-

лять на ночь просто посреди дороги. Небось, у насъ воровъ нѣтъ, такъ говорили намъ.»

Такъ отзываются о крестьянинѣ хлѣбопашцѣ. Но хотя въ Сибири, вслѣдствіе совершенно континентальнаго климата и чрезвычайно жаркаго лѣта, хлѣбъ родится до 61° с. ш.; однако, и сѣвернѣе этого градуса есть жители, у которыхъ рыбная и звѣриная ловля въ замѣнъ хлѣбопашества вполнѣ обезпечиваютъ существованіе.

Вотъ что говоритъ о туруханцахъ человѣкъ, хорошо съ ними знакомый. *)

«Крѣпкій сложеніемъ, смуглый, стройный, мужественный, добрый, безвозмедно дѣлящій съ каждымъ послѣдній кусокъ, вѣрный въ исполненіи своего слова, хоть бы то стоило жизни, и простой безъ лукавства туруханецъ, котораго послѣ рожденія обмыли снѣговой водицей, котораго усыпляли воющіе вѣтры, а будили отъ сна неожиданно проносившіяся и стучавшія въ окна пурги, котораго полуосмыслившіеся глазки только и видѣли передъ собою звѣриныя шкуры, висящія подъ потолкомъ, отдѣльно обрѣзанныя звѣриныя лапки съ когтями, также и остовы хищныхъ птицъ, а по стѣнамъ звѣроловные приборы да рыбачьи сѣти, котораго воображеніе не пріучалось съ дѣтства бояться предразсудковъ, такъ хватающихъ насъ въ темнотѣ за пятки: здѣсь одиночество въ темнотѣ ребенку не рѣдкость, и бояться значило бы не жить. Потому-то туруханцы, не знающіе подробностей религіи, но крѣпко на крѣпко вѣрующіе въ милость Божію и жизнь будущую, не боятся ни бурь, ни пургъ, ни морозовъ, ни кровожадныхъ звѣрей, потому и въ мрачную зиму они продолжаютъ свои работы, рыболовство и звѣроловство, подъ путеводствомъ луны, звѣздъ да грандіознаго сѣвернаго сіянія, потому считаютъ они за грѣхъ убивать крадучись, напр. медвѣдя въ берлогѣ, а смѣло вступаютъ въ бой, вызвавъ изъ логовища.»

Кромѣ осѣдлаго, въ Сибири есть особый и довольно много-

*) Туруханскій округъ составляетъ сѣверную часть Енисейской губ.

численный классъ бродячаго русскаго населенія. Онъ состоитъ изъ бѣжавшихъ съ рудниковъ, заводовъ или съ мѣста поселенія.

Множество оборванныхъ, съ суровыми лицами бродягъ скитается по горамъ и лѣсамъ Сибири. Крестьяне ихъ называютъ *прохожими* и *гульными*. Лѣто они проводятъ на работахъ, по городамъ на пилкѣ дровъ и другихъ поденщинахъ или на тайгѣ, гдѣ не спрашиваютъ вида, но больше всего они помогаютъ крестьянамъ убираться съ пашнями и покосами: вѣдь въ Сибири засѣвай и коси, сколько хочешь, да и урожаи случаются самъ 15. При такомъ обиліи пашенъ и луговъ рукъ для управы мало, почему эти беззаботные, гульные люди становятся очень полезными. Между ними и поселянами большая дружба. Поселяне не только не боятся ихъ, но жалѣютъ и ставятъ къ ночи на окно, либо на завалинку дома — квасъ и молоко съ изрѣзаннымъ въ ломти караваемъ хлѣба. *Прохожій*, пробирается ночью черезъ деревню, утоляетъ голодъ и жажду, сколько хочетъ, и еще оставляетъ для другихъ. Безъ особенныхъ случаевъ, напримѣръ розысковъ по убійству, поселяне ихъ не трогаютъ, и они свободно подходятъ къ нимъ, спрашивая: — «Нѣтъ ли работы?» — Ступай въ кладовую, говорятъ имъ, да выбирай серпъ или косу по рукѣ. — Такіе работники стóятъ очень дешево: имъ не нужно денегъ; они рады, когда могутъ хорошо поѣсть да попариться въ банѣ. Въ платежъ имъ даютъ всякое старье и оборваный полушубокъ. Но подходитъ суровая зима, гульные люди выкапываютъ для себя землянки, но и въ нихъ холодно и голодно, и идутъ они къ полицейскимъ властямъ предъявить о своемъ бродяжничествѣ; а тѣ отсылаютъ ихъ въ душные остроги, на казенный хлѣбъ.

Бытъ бродягъ представляетъ много любопытнаго, жизнь ихъ исполнена обманутыхъ надеждъ на лучшее будущее, различныхъ, часто преступныхъ похожденій, холода, голода и всевозможныхъ лишеній. У арестантовъ есть много пѣсенъ, въ которыхъ описываются приключенія бродягъ во время путешествія отъ Нерчинска до Байкала. Вотъ одна изъ нихъ, довольно извѣстная въ Забайкальѣ:

Славное море, привольный Байкалъ!
Славный корабль — омулевая бочка! *)
Ну, Баргузинъ, **) пошевеливай валъ,
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкія цѣпи носилъ;
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуя; ***)
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, волю почуя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шелъ я и въ ночь, и средь бѣлаго дня,
Вкругъ городовъ я посматривалъ зорко,
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали мохоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался;
Мелкія рѣчки встрѣчалися мнѣ, —
Въ бродъ я черезъ пихъ переправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглецъ:
Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта;
Шелъ я Карчой ****) и дошелъ, наконецъ,
Къ бочкѣ, дресвою замытой.
Нечего думать, — Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валъ.
Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ, —
Мелкія рыбки утѣшьтесь словами:
Разъ побывать въ Акатуѣ бы вамъ, —
Въ бочку полѣзли бы сами.
Четверо сутокъ пошусь по волнамъ,
Парусомъ служитъ армякъ дыроватый,
Близко виднѣются горы и лѣсъ:
Можно погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью.

---

*) Т. е. бочка, въ которой были омули — довольно вкусная рыба; соленая напоминаетъ сельдей.

**) Баргузинъ — вѣтеръ, дующій по направленію отъ города Баргузина, стоящаго на сѣверовосточномъ берегу Байкала.

***) Акатуевскій рудникъ нынѣ закрытъ.

****) Карча, рѣчка, впадающая въ Байкалъ.

Кромѣ обыкновенныхъ, въ Сибирь ссылаются также многіе важные преступники. Много знаменитостей, людей близкихъ къ трону, съ высоты могущества, блеска и роскоши было отправлено въ прошломъ столѣтіи въ Сибирь и здѣсь кончило свою жизнью въ бѣдности и лишеніяхъ. Этотъ жребій, между прочимъ, выпалъ и на долю перваго князя Меншикова. Въ закрытой повозкѣ, въ крестьянскомъ платьѣ, со всѣмъ семействомъ, былъ отправленъ въ Березовъ довѣренный человѣкъ Петра Великаго, человѣкъ, нѣсколько лѣтъ управлявшій государствомъ. Въ Сибири Меншиковъ жилъ въ простой хижинѣ и занимался сельскимъ хозяйствомъ. Послѣ своего паденія, онъ вспомнилъ о Богѣ, котораго забывалъ въ счастіи, и на свое наказаніе смотрѣлъ, какъ на благодѣяніе, которое открыло ему путь къ вѣчному блаженству. Въ ссылкѣ онъ проводилъ время въ молитвѣ и покаяніи; онъ построилъ церковь и самъ трудился при постройкѣ, потомъ принялъ на себя должность дьячка, а послѣ службы поучалъ народъ. Разсказываютъ, что однажды дочь Меншикова, бывшая невѣста Императора Петра II, шла по улицѣ, когда съ ней заговорилъ крестьянинъ. Это былъ князь Долгорукій, который свергнулъ ея отца и теперь самъ поплатился за это ссылкой. Вскорѣ послѣ этого семейство Меншикова было помиловано, и молодой Меншиковъ впослѣдствіи получилъ все состояніе и почести своего отца.

Послѣ Долгорукова былъ сосланъ Остерманъ, который такъ же, какъ и Меншиковъ, умеръ въ Березовѣ.

Шестидесятилѣтній фельдмаршалъ Минихъ, съ 55-ти лѣтнею женою, 21 годъ провелъ въ Сибири, получая полтину въ сутки на содержаніе. Онъ здѣсь училъ математикѣ дѣтей своихъ тюремщиковъ и черезъ то пріобрѣлъ ихъ расположеніе. Когда помилованный Минихъ возвратился въ Москву, то былъ встрѣченъ внуками и правнуками въ числѣ 52 человѣкъ.

Въ наше столѣтіе сюда былъ сосланъ знаменитый графъ Сперанскій, впослѣдствіи возвращенный изъ ссылки, и нѣсколько

другихъ государственныхъ преступниковъ. Многіе изъ нихъ помилованы милосердіемъ Императора Александра II.

11. Рудникъ.

Минеральное богатство, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей естественнаго сокровища страны. Богатства эти сибирскихъ горъ извѣстны были и древнимъ обитателямъ Сибири — чуди. Старинныя работы чуди и послужили основаніемъ горнаго дѣла сначала въ Алтайскихъ горахъ, потомъ въ Нерчинскихъ, а наконецъ, и въ горахъ Восточной Сибири. Сынъ основателя горнаго промысла на Уралѣ, Акинфій Демидовъ, пораженный значеніемъ слова Алтай (золото), послалъ свѣдущихъ людей дѣлать розыски, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Найдены были въ Алтаѣ старинные чудскіе рудники и мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ. Вскорѣ послѣ того основанъ здѣсь первый мѣдный рудникъ *Воскресенскій* — родоначальникъ всѣхъ рудниковъ Сибири. Нѣкоторые изъ чудскихъ рудниковъ до того богаты рудой, что не истощились еще и до настоящаго времени. Самый замѣчательный изъ нихъ Змѣиногорскій, доставившій почти половину всего количества серебра, добытаго въ Алтаѣ, брошенъ только въ недавнее время; но и онъ могъ бы существовать еще довольно долго, если бы съ самаго начала былъ подвергнутъ правильной разработкѣ. Чудскіе рудники есть не что иное, какъ обыкновенная яма, копавшаяся безъ всякой системы въ томъ направленіи, въ какомъ руда богаче, яма небезопасная, даже отъ воды, которая во время разлива рѣкъ легко можетъ затопить ее, лишивъ рудокопа возможности продолжать начатыя работы.

Въ настоящее время всѣ рудничныя работы производятся по строгимъ правиламъ науки, и каждой разработкѣ предшествуетъ предварительное разысканіе. Когда, по обнаженіямъ земли въ ущельяхъ горъ или высокихъ берегахъ рѣкъ, найдено мѣсторожденіе полезнаго минерала, слѣдуетъ прежде всего удо-

стовѣриться, въ какой степени богато мѣсторожденіе, и окупится ли стоимость разработки ожидаемой прибылью отъ руды. Чтобы судить о достоинствѣ найденнаго мѣсторожденія, надо знать его *простираніе*, т. е. положеніе пласта, жилы или штока (глыби) руды въ землѣ. Для этой цѣли на поверхности мѣсторожденія копаютъ колодцы, или, выражаясь технически, *бьютъ шурфы*. Чтобы шурфы всегда попадали на мѣсторожденіе въ такомъ случаѣ, когда оно уклоняется въ сторону отъ предполагаемой линіи, шурфы бьютъ попеременно то вправо, то влѣво отъ этой линіи, такъ что гдѣ-нибудь да попадутъ на мѣсторожденіе. Когда простираніе такимъ образомъ опредѣлено, бьютъ глубокій шурфъ, чтобы узнать толщину мѣсторожденія и проводятъ подъ землею разные горизонтальные ходы (штреки, жилы) и широкіе, вертикальные колодцы (шахты) съ единственною цѣлію точнѣе опредѣлить положеніе мѣсторожденія въ землѣ. Если мѣсторожденіе лежитъ очень глубоко, то буравятъ землю особымъ буравомъ, который приспособляется къ твердости грунта. Къ бураву привинчивается желѣзный, а въ мягкомъ грунтѣ и деревянный стержень, когда онъ весь уйдетъ въ землю, то къ нему привинчивается другой стержень, третій и т. д. Буравъ устроенъ такимъ образомъ, что часть почвы, по которой онъ проходитъ, остается въ немъ и по этимъ остаткамъ судятъ о внутреннемъ строеніи мѣсторожденія.

Когда развѣдка покажетъ величину, глубину и другія свойства мѣсторожденія, тогда можно рѣшить, какимъ способомъ слѣдуетъ разрабатывать рудохранилище. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсторожденіе лежитъ неглубоко подъ землею, обыкновенно производится *разработка въ разносъ*. Она заключается въ томъ, что верхній пластъ земли, состоящій изъ наносовъ: растительной земли и лежащей подъ нею глины, песковъ и проч., снимается, а руду отбиваютъ всю сплошь и выносятъ на поверхность земли; такъ что оставленное мѣсторожденіе считается совершенно выработаннымъ и представляетъ пустую яму,

не заключающую въ себѣ минеральнаго богатства *). Но встрѣчаются мѣсторожденія, глубоко лежащія въ землѣ, которыя невыгодно разрабатывать подобнымъ образомъ, потому что пришлось бы раскапывать огромное количество земли и свозить ее въ сторону; въ такомъ случаѣ руда добывается *подземною разработкою*, которая бываетъ двухъ видовъ.

Если руда заключается въ штокѣ гранита или другихъ породъ огненнаго происхожденія, отличающихся чрезвычайною крѣпостію, разработка не представляетъ большихъ трудностей и не требуетъ особеннаго искусства. Стѣны и потолокъ подземныхъ ходовъ будутъ надежны, не обвалятся и не пропустятъ воды, поэтому ходы могутъ быть широкіе, въ которые воздухъ притекаетъ съ поверхности самъ собою, черезъ колодцы, и освѣщеніе въ нихъ можно употребить самое яркое. Такая подземная разработка называется *камерною*.

Въ началѣ камерной разработки проводятъ широкій, четыреугольный колодецъ, называемый *шахтою;* дойдя до мѣсторожденія, работа не останавливается, а углубляется въ массу руды. Когда шахта готова, остается только отбивать руду, наполнять ею бадьи и вытаскивать ихъ на поверхность земли. По мѣрѣ того, какъ руда вынимается, по сторонамъ шахты, въ землѣ, образуется пустое пространство, называемое *камерою*. Камера можетъ быть тѣмъ больше, чѣмъ крѣпче горная порода штока. Когда камера достигла такихъ размѣровъ, что дальнѣйшее увеличеніе ея можетъ грозить обваломъ, а мѣсторожденіе не выработано еще во всю ширину, то въ одной изъ стѣнъ камеры дѣлаютъ галерею и въ новомъ мѣстѣ штока новую камеру. Если мѣсторожденіе простирается не только въ ширину, но и въ глубину, то въ полу первой камеры дѣлаютъ новую шахту и потомъ новую камеру, во 2-мъ этажѣ; отъ нея можно точно также провести галереи въ стороны, шахты внизъ и устроить новыя камеры и т. д. Цѣлая система шахтъ, галерей и камеръ называется *рудникомъ*.

---

*) См. ст. «Поѣздка въ Плецкую Защиту». Отечествовѣдѣніе. Т. III.

Гораздо большія трудности представляетъ другой видъ *подземной разработки*, когда мѣсторожденіе открыто въ мягкомъ, песчанистомъ или болотномъ грунтѣ. Тутъ производятся разныя вспомогательныя работы, съ единственною цѣлію предохранить рудникъ отъ затопленія и обвала. Главное вниманіе обращается на шахту, какъ центръ рудника. Стѣны ея должны быть укрѣплены деревомъ или камнемъ, смотря по тому, что́ по мѣстнымъ условіямъ окажется болѣе выгоднымъ. Укрѣпленіе стѣнъ шахты, или *крѣпь* — одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ при устройствѣ рудника. Иногда сначала проводится шахта, а потомъ уже строится ея крѣпь; иногда же крѣпь надо строить раньше, чѣмъ шахта будетъ вырыта. Основаніемъ такой крѣпи, называемой опускной, служитъ деревянный срубъ, который, по мѣрѣ углубленія шахты, опускается ниже и надстраивается сверху. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по близости мѣсторожденія находится долина, то, кромѣ шахты, дѣлаютъ *штольну*, т. е. подземный корридоръ, тоннель, которымъ долина соединяется съ рудникомъ. Штольну крѣпятъ такъ же, какъ и шахту; и ту и другую можно назвать дорогами въ рудникъ; по нимъ ходятъ рабочіе и вытаскиваютъ руду; онѣ же служатъ для провода въ рудникъ воздуха и для выкачиванія воды. Такъ какъ одна шахта и штольна не могутъ удовлетворить всѣмъ этимъ разнороднымъ потребностямъ, то обыкновенно дѣлаютъ ихъ по нѣскольку. Такимъ образомъ *штольны* и *шахты* бываютъ: *капитальныя*, если служатъ для разныхъ цѣлей, *водоотливочныя*, когда по нимъ пускаютъ или выкачиваютъ воду изъ рудника, *путевыя*, если по нимъ входятъ и выходятъ рабочіе, *вѣтреныя*, когда приводятъ въ рудникъ свѣжій воздухъ, и *развѣдочныя*, служащія для изслѣдованія почвы.

Но устройствомъ штольнъ и шахтъ еще не обезпечивается благосостояніе рудника. Самое добываніе руды въ подземной разработкѣ описываемаго вида не можетъ производиться такъ, какъ въ камерной. Здѣсь оставляютъ неразработанными или цѣлые столбы, поддерживающіе потолокъ, или пустыя простран-

ства, образуемыя отъ выемки руды, тотчасъ закладываютъ пустою породою.

Дѣятельность въ рудникѣ идетъ безпрерывная и нисколько не уступаетъ дѣятельности промышленнаго города, а планъ рудника очень похожъ на планъ правильно расположеннаго города. Подземныя галереи напоминаютъ улицы, пересѣченіе ихъ перекрестки, камеры — площади, а огромные *цѣлики* руды — городскіе кварталы. Одни рудокопы отбиваютъ отъ этихъ цѣликовъ руду, другіе складываютъ ее въ телѣжки и по штрекамъ и другимъ подземнымъ ходамъ везутъ ее къ шахтѣ или штольнѣ, а оттуда на земную поверхность, за городъ. Руда вывозится изъ штольны по рельсамъ въ тачкахъ или поднимается чрезъ шахту въ бадьѣ, по деревянной трубѣ, которая дѣлается для того, чтобы бадья не раскачивалась и не попортила стѣнъ шахты. Подъемъ и спускъ людей чрезъ шахту производится по наклоненному бревну; работникъ спускается, держась одною рукой за натянутый канатъ, или по лѣстницамъ, или, наконецъ, посредствомъ машинъ, нарочно для того придуманныхъ. Отливъ воды дѣлается или по штольнамъ, или выкачивается помпой, при помощи трубъ. Вентиляція воздуха, если шахты и штольны не доставляютъ его въ рудникъ въ достаточномъ количествѣ, производится вентиляторами и воздушными насосами. Для освѣщенія рудокопы, большею частію, носятъ на груди, на поясѣ, или на шляпѣ, маленькіе фонарики, *бленды*. Свѣтъ въ рудникѣ нуженъ только для того, чтобы рудокопъ могъ найти мѣсто, куда устремить свой инструментъ, чтобы отличить руду отъ пустой породы. Онъ ненуженъ для ходьбы по штрекамъ, всѣ ходы извѣстны рудокопу, какъ свои пять пальцевъ. Сверхъ того, освѣщеніе въ рудникахъ часто ведетъ къ гибели, потому что рудники иногда бываютъ наполнены гремучимъ газомъ, который воспламеняется и производитъ взрывъ, погребающій всѣхъ рудокоповъ. Для устраненія несчастій рудокопы имѣютъ предохранительную лампу Деве, у которой пламя окружено металлической сѣткой.

Но, не смотря на кажущееся сходство рудника съ городомъ,

положеніе человѣка внутри земли нисколько не похоже на счастливую судьбу обитателя поверхности. Внутри земли, вмѣсто голубаго небеснаго свода, глазамъ представляется мрачная масса земли, ежеминутно готовая упасть на беззащитнаго рудокопа и раздавить милліонами пудовъ своего гранита, известки, песку и глины. Положимъ, геній человѣка сумѣетъ защитить несчастнаго отъ обвала, но грозная внутренность земли не перестанетъ угрожать ему. Она не дастъ ему ни воздуха, ни свѣта, такъ что рудокопъ не будетъ въ состояніи ни дышать, ни видѣть, что вокругъ него находится. Правда, воздухъ можетъ проникать въ рудникъ по галереямъ, но этого мало: нужно, чтобы онъ постоянно возобновлялся. Если геній человѣка и тутъ поможетъ — внутренность земли все еще не угомонится и все еще будетъ губить рудокопа. Не пропуская чрезъ себя ни свѣта, ни воздуха, она въ милліонахъ мѣстъ, капля по каплѣ, пропуститъ въ рудникъ воду изъ озеръ и рѣкъ; всѣ эти милліоны капель устремятся въ рудникъ, какъ въ бассейнъ, затопятъ въ немъ рудокопа или наполнятъ рудникъ гремучимъ газомъ, который похоронитъ рудокопа своимъ взрывомъ. Безъ помощи человѣческаго генія, нѣтъ спасенія подъ землею. Рудокопъ не долженъ ни на минуту забывать, гдѣ онъ находится; бденіе, предусмотрительность и трудъ поглощаютъ все его время.

12. Сибирская торговля пушнымъ товаромъ.

Самый знаменитый сибирскій пушной звѣрь есть безспорно соболь, принадлежащій къ кровожадному роду хорьковъ. Соболь меньше куницы и отличается отъ нея только сѣрымъ пятномъ на шеѣ, болѣе тонкою шерстью и болѣе коротким хвостомъ. Хотя соболь рожденъ для полной свободы въ лѣсахъ и какъ трусливая серна боится человѣка, но онъ легко приручается. Ночью выходитъ онъ на добычу и пре-

имущественно ѣстъ мышей, но ѣстъ также ягоды и кедровые орѣхи. Вообще въ лѣсу соболю все годится въ пищу. Онъ живетъ въ подземныхъ норахъ, преимущественно между древесными корнями.

Постоянныя преслѣдованія охотниковъ мало-по-малу вытѣснили это животное въ непроницаемые лѣса. Уже прошли тѣ времена, когда тунгусы за мѣдный котелъ давали столько собольихъ шкуръ, сколько въ него уложится. Пара лучшихъ шкурокъ стоитъ на мѣстѣ 80 руб. сер., а въ Петербургѣ и въ Москвѣ охотно дадутъ за нихъ 170 руб. сер., особенно если ость длинна, густа и черна, и подпушь бурая. Очень красиво, когда длинная ость оканчивается бѣлымъ, но еще лучше, если вся ость черная. Вообще русскіе очень любятъ и цѣнятъ черные мѣха, а рыжій цвѣтъ считаютъ некрасивымъ. Китайцы напротивъ особенно цѣнятъ количество волоса и величину шкурки. Такая разница во вкусахъ относительно пушнаго товара зависитъ отъ того, что по причинамъ, еще неизвѣстнымъ естествоиспытателямъ, всѣ мѣха звѣрей, подверженныхъ перемѣнѣ цвѣта, тѣмъ темнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку. Поэтому соболь съ береговъ Оби (соболь здѣсь обыкновенно больше, но шерсть свѣтлѣе) идетъ въ Кяхту, а съ Алданскихъ и Удскихъ горъ отправляется въ Петербургъ, Турцію и Лейпцигъ. Цивилизаціонныя попытки султана Махмуда сильно повредили бѣдному тунгусу и якуту, ибо съ тѣхъ поръ какъ именитые турки одѣваются по-европейски, и цѣна лучшаго соболя понизилась на половину.

Шкурка нѣкогда столь дорогаго горностая стоитъ теперь въ Якутскѣ всего пять или восемь копѣекъ сер., такъ что вся охота за этимъ звѣрькомъ едва ли приноситъ 200,000 руб. ассигн. Въ Китаѣ, куда въ 1840 году вывезено было 176,200 шкурокъ, конечно, горностай еще въ большомъ уваженіи, и ни одинъ подданный не смѣетъ носить хвостиковъ, — это привилегія императорской фамиліи. Горностай (около 10 дюймовъ въ длину) живетъ во всей Сибири по полямъ и лѣсамъ, всего чаще по берегамъ рѣкъ, и гнѣздится

какъ въ древесныхъ дуплахъ, такъ и въ подземныхъ норахъ, которыхъ, впрочемъ, не роетъ самъ, а отнимаетъ у мышей. Кровожадный и прожорливый горностай бросается даже на медвѣдя, вгрызается послѣднему въ ухо и такимъ образомъ замучиваетъ до смерти. Разсказываютъ, что горностай даже садится на спящаго орла или глухаго тетерева, поднимается съ ними на воздухъ и кусаетъ до тѣхъ поръ, пока птица не упадетъ на землю, истощившись отъ потери крови; но и это кровожадное сердце согрѣто божественнымъ лучемъ любви къ дѣтямъ, и если отнимутъ дѣтей отъ самки, то она, не думая о своей безопасности, слѣдуетъ за похитителями. Осенью падаетъ тонкая, красновато-бурая лѣтняя шерсть, и горностай получаетъ всѣмъ извѣстную бѣлую шерсть, съ характеристичнымъ чернымъ пучкомъ на концѣ хвоста. За горностаемъ охотятся только изъ-за шкурки, даже якуты и калмыки не ѣдятъ мяса, потому что изъ желѣзокъ выдѣляется вонючая жидкость.

Самые большіе горностаи получаются съ береговъ Колымы или же привозятся чукчами изъ самыхъ холодныхъ странъ Америки.

Соболь и горностай — вотъ главные представители рода хорьковъ, живущіе въ Сибири. Какъ кошки, собаки и медвѣди, всѣ эти звѣри имѣютъ по 6 острыхъ рѣзцовъ въ каждой челюсти. Всего болѣе отличаются они своимъ длиннымъ, тонкимъ, приземистымъ тѣломъ, такъ что даже ихъ называютъ червообразными, хищными звѣрями. Почти у всѣхъ животныхъ этого рода близъ поромицы находится желѣзистый мѣшокъ, выдѣляющій вонючую жидкость, которою они защищаются отъ преслѣдованія враговъ. И на этихъ животныхъ ясно необыкновенное соотвѣтствіе организаціи съ свойственнымъ имъ образомъ жизни. Они питаются крысами, мышами, птичками, которыхъ нужно преслѣдовать въ норахъ, или же по деревьямъ и стѣнамъ. Какъ для этого пригодны легкость, длина и тонина тѣла хорьковъ.

Весьма близкая къ хорькамъ морская выдра имѣетъ изъ всѣхъ русскихъ пушныхъ звѣрей самый дорогой мѣхъ, ибо круглымъ числомъ за шкурку платится 110 руб. серебр.

Высокая цѣна этого глянцовитаго чернаго, длиннаго, необыкновенно мягкаго и густаго мѣха объясняетъ, какъ русскіе мало-по-малу послѣдовали за морской выдрой изъ Камчатки въ Америку и почти совершенно истребили этого звѣря около многихъ острововъ и береговъ Берингова моря и сѣверной части Тихаго океана — настоящей родины морской выдры, гдѣ прежде она встрѣчалась такъ часто. Выдры очень похожи на хорьковъ, но имѣютъ плоскую голову и плавательную перепонку между пальцами ногъ. У морской выдры подошвы ногъ покрыты волосами, и хвостъ очень коротокъ; у обыкновенной выдры подошвы голыя, и хвостъ длиною равенъ половинѣ тѣла.

Послѣ морской выдры самый дорогой мѣхъ даетъ чернобурая лисица; кругомъ за каждую шкурку платится 60 — 70 руб. сер., но иногда весьма рѣдкія чернобурыя лисицы такъ дороги, что охотники платятъ за шкурку 300 руб. и болѣе.

Если съ теченіемъ времени количество соболей и морскихъ выдръ уменьшилось, то, напротивъ, количество чернобурыхъ лисъ увеличилось. Ермакъ послалъ царю всего 20 шкурокъ чернобурой лисицы, а россійско-американская компанія съ 1821 по 1840 годъ вывезла ихъ 16,513. Въ Якутскъ ежегодно привозится до 200 шкурокъ. Тогда какъ за чернобурую лисицу платятъ громадныя суммы денегъ, лисица-огнянка стоитъ всего 20 руб., голубой песецъ 10—12, а простой песецъ даже 6—8. Нѣтъ мѣха теплѣе и гуще песцоваго, и при этомъ онъ такъ электриченъ, что стоитъ по немъ повести рукой, чтобы извлечь искры. Мездра, напротивъ, очень тонка и нѣжна. Близкій родичъ лисицы, волкъ, также доставляетъ свою шкурку сибирскому промышленику, который продаетъ ее за 2—5 рублей.

Медвѣдей также преслѣдуютъ въ Сибири изъ-за мѣха. Черный мѣхъ молодаго обыкновеннаго или бураго медвѣдя очень цѣнится для оторочекъ; мѣхъ стараго звѣря, напротивъ, очень дешевъ. Мѣхъ бѣлаго медвѣдя идетъ на прекрасныя санныя полости, и стоитъ 3 — 5 руб. Шкурка россомахи, обсаженная длинной, почти щетинистой, бурой и черной остью, на сибирскихъ рынкахъ стоитъ 2—4 руб.

Россомаха достигаетъ 3-хъ футовъ длины и отъ приподнятой шерсти кажется больше барсука. Нигдѣ россомахи не встрѣчаются такъ часто, какъ въ лѣсистыхъ областяхъ сѣверо-восточной Сибири. Этотъ звѣрь удаляется отъ человѣческихъ жилищъ, спитъ въ снѣгу и ночью выходитъ на добычу, рѣже днемъ. Въ Сибири обыкновенно ловятъ россомахъ въ капканы.

Прекрасный дорогой мѣхъ даетъ рысь, особенно живущая на Колымѣ. Зимній мѣхъ буроватый, съ темно-бурыми крапинками, послѣднихъ болѣе на рыжеватой спинкѣ. Рысь, достигающая роста волка, отличается отъ прочихъ членовъ семейства кошекъ черными пучками волосъ на концахъ ушей. Она лазаетъ по деревьямъ и прячется между вѣтвями, чтобы подкараулить добычу.

Самый важный изъ всѣхъ сибирскихъ пушныхъ звѣрей есть сибирская бѣлка, доставляющая въ общей массѣ въ семь разъ болѣе соболя. Ежегодно отправляется въ Китай около 4 милліоновъ бѣличьихъ шкурокъ; въ Европу вывозится 2—3 милліона; на мѣстѣ также употребляется очень много, и, вѣроятно, въ Россіи расходится болѣе бѣличьихъ мѣховъ, чѣмъ вывозится за границу. Беръ полагаетъ, что ежегодно добывается 15 милліоновъ бѣлокъ, большая часть которыхъ доставляется Сибирью. Линія, идущая отъ восточнаго берега Онежскаго озера до впаденія Камы въ Волгу, приблизительно означаетъ югозападную границу низшаго сорта бѣлки, составляющаго предметъ оптовой торговли и носящаго техническое названіе *зырянки*. Здѣсь еще примѣшивается краснина къ сѣрому цвѣту. Но уже въ Печорскомъ краю сѣрый цвѣтъ рѣшительно преобладаетъ. Поэтому европейская бѣлка дешева. Иркутская стоитъ болѣе, чѣмъ вдвое, а забайкальская болѣе, чѣмъ втрое. За тысячу лучшихъ бѣлокъ платится 110 руб. сер. Бѣлокъ ловятъ силками, западнями и бьютъ изъ ружья.

Бурундукъ не прыгаетъ съ дерева на дерево, какъ веселая бѣлка, а роетъ въ землѣ ходы, какъ сурокъ, но не засыпаетъ спячкой. У него, какъ у хомяка, есть защечные мѣшки. Бурундукъ живетъ во всей Сибири до сѣ-

веровосточнаго берега Охотскаго моря и рѣки Анадыри, но только въ лѣсахъ. Бурундукъ питается кедровыми орѣхами и нерѣдко запасаетъ ихъ до 10—15 фунтовъ. Якуты и остяки ловятъ бурундуковъ въ западни, бьютъ тупыми стрѣлами и приманиваютъ дудочкой изъ бересты. Бурундуковъ жарятъ и ѣдятъ, какъ лакомство. Изъ не очень густаго мѣха (бурый съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами) шьютъ пестрыя одежды.

Заецъ также играетъ значительную роль въ русской пушной торговлѣ. Въ 1793 году изъ всѣхъ русскихъ гаваней выслано было мѣховъ на сумму 396,377 руб. сер., въ этомъ числѣ заечьихъ было на 266,215, а въ 1840 году было вывезено заечьихъ шкурокъ на 425,914 руб. сер., тогда какъ всѣхъ другихъ мѣховъ вывезено моремъ только на 482,871 руб. сер. Большинство заечьихъ мѣховъ получается изъ среднихъ и южныхъ областей Россіи, ибо сѣверный бѣлякъ менѣе требуется въ торговлѣ, впрочемъ, теперь больше, чѣмъ прежде.

Бѣлякъ нѣсколько больше русака. Зимою онъ бѣлый съ черною, весьма рѣдкою остью; лѣтомъ онъ сѣроватобурый, съ желтоватою остью. Самые большіе бѣляки живутъ по Хатангѣ и Енисею, здѣсь же и лучшіе заечьи мѣха, почти неуступающіе песцовымъ. У бѣднаго зайца много враговъ. Его преслѣдуютъ лисица и соболь, хорекъ и горностай и даже ворона, которая садится ему на спину и выклевываетъ глаза. Сибиряки ловятъ бѣляка силками и капканами.

Байкальскій заецъ имѣетъ цвѣтъ обыкновеннаго и не мѣняетъ шерсти; онъ нѣсколько меньшаго роста; голова тоньше, хвостъ длиннѣе. Этотъ заецъ встрѣчается въ большомъ количествѣ по ту сторону Байкальскаго озера, живетъ на чистомъ воздухѣ и только отъ опасности прячется въ разсѣлины скалъ.

Изъ грызуновъ, доставляющихъ промышленикамъ свой мѣхъ, мы еще упомянемъ только объ обыкновенномъ сусликѣ, родъ сурка, похожій наружнымъ видомъ на хомяка. Бурый мѣхъ съ

бѣлыми крапинками и полосками продается дорогой цѣной въ Китаѣ.

Суслик, называющійся въ Сибири евражкой, доходитъ на югъ до 53° и распространяется до Камчатки. Онъ живетъ въ лугахъ и поляхъ, которые нерѣдко совершенно подрываетъ. Норы часто имѣютъ до $1^1/_2$ саж. глубины. Самое гнѣздо, выложенное сѣномъ, имѣетъ около фута въ поперечникѣ; отсюда тянутся различные ходы, изъ которыхъ только одинъ, спрятанный въ травѣ, остается открытымъ, но передъ спячкой также закрывается. Весною суслика ловятъ въ западни или же вырываютъ изъ земли.

Весь доходъ отъ охоты за пушными звѣрями весьма значителенъ. По вычисленію Бера, Россійско-Американская компанія доставляетъ на рынокъ мѣховъ на $^1/_2$ милліона руб. сер., европейская Россія на $1^1/_2$ и Сибирь на 3 милліона.

Хотя нѣкоторые дорогіе пушные звѣри, именно соболь и морская выдра, не такъ многочисленны, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе кажется, что вообще торговля пушнымъ товаромъ скорѣе усиливается, чѣмъ слабѣетъ. И нечего бояться, что эта торговля исчезнетъ отъ недостатка въ звѣряхъ, ибо дешевые мѣха (заяцъ, бѣлка), которые въ торговлѣ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ мѣха дорогіе, доставляются грызунами, а эти животныя сильно размножаются, и для нихъ въ Сибири не будетъ недостатка въ травѣ и лѣсахъ. Ловля пушныхъ звѣрей есть единственное средство, которымъ добываютъ деньги кочевники сѣверной Сибири — остяки, юкагиры, якуты, тунгусы, самоѣды. Поэтому вся изобрѣтательность и дѣятельность этихъ народовъ обращены на пушной промыселъ. Берега рѣкъ и лѣса, такъ сказать, усѣяны множествомъ самострѣловъ, силковъ и капкановъ всякаго рода на соболя, бѣлку, россомаху, лису и проч. Заботливый юкагиръ по первому снѣгу обыкновенно ставитъ до 500 различныхъ капкановъ, которые обходитъ пять или шесть разъ въ зиму, и въ хорошіе года каждый разъ на 8 или 10 капкановъ одинъ приходится съ добычей. По устройству эти капканы, которые всѣ дѣлаются топо-

№ по общей описи
По отдѣлу ..... му № .....
ПРИ ЕКАТЕРИНБ. ЗЕМСК.

ромъ изъ дерева, чрезвычайно разнообразны. Они такъ приспособлены къ особенностямъ, походкѣ и силѣ вышесказанныхъ животныхъ, что едва ли можно придумать какое-либо улучшеніе.

Добычу своей охоты несетъ сибирякъ на ближайшую ярмарку, гдѣ уже дожидается его сборщикъ податей, чтобы получить ясакъ; впрочемъ, ясакъ большею частію получается теперь деньгами (5 руб. ассигн.). Что остается отъ уплаты ясака, то мѣняетъ сибирякъ на свои потребности — желѣзные котлы, красное сукно для оторочки платья, порохъ и свинецъ, ржаную муку, бусы, табакъ и водку, публичная продажа которой хотя запрещена, но тѣмъ не менѣе очень велика втайнѣ. Послѣ этого, дикарь уходитъ въ свою пустыню и черезъ годъ возвращается съ новымъ товаромъ для мѣны. Изъ маленькихъ мѣстечекъ русскіе купцы свозятъ пушной товаръ въ болѣе значительныя торговыя мѣста, ибо такимъ образомъ покупщикъ имѣетъ передъ собой большой выборъ, и мѣха выигрываютъ въ цѣнности отъ сортировки. Ново-Архангельскъ (на Ситхѣ), Якутскъ, Нерчинскъ, Тобольскъ, Кяхта, Ирбитъ, Нижній-Новгородъ, Москва и Петербургъ, вотъ мѣста такихъ складовъ.

Конечно, большинство мѣховъ потребляется въ Россіи, мало того, русскіе не довольствуются тѣмъ, что получается въ ихъ отечествѣ, а вводятъ, смотря по причудамъ моды, иностранные мѣха, хотя они обложены высокой пошлиной.

Къ выгодѣ русскихъ торговцевъ пушнымъ товаромъ, китаецъ, лучшій иностранный потребитель, въ мѣхахъ считаетъ хорошимъ качествомъ то, что не цѣнится въ Россіи, ибо, какъ говорили мы, китаецъ вовсе не пренебрегаетъ рыжими мѣхами, а цѣнитъ количество и длину волоса. Притомъ онъ все еще хорошій покупатель для нѣкогда столь дорогаго, а теперь почти брошеннаго горностая, и рады купцы хотя немного выручить за огромное количество горностаевыхъ шкурокъ.

Такъ какъ торговля между Россіей и Небесной имперіей преимущественно основывается на мѣнѣ пушнаго товара на чай, то мы полагаемъ, что здѣсь болѣе всего кстати погово-

рить объ этой торговлѣ. Извѣстно, что по всей длинной границѣ Китая съ Сибирью торговля можетъ производиться только въ одномъ пунктѣ, именно между русскимъ городомъ Кяхтой и китайскимъ мѣстечкомъ Маймачиномъ. Кяхта находится въ тысячѣ англійскихъ миль отъ Пекина и въ 4 тысячахъ отъ Москвы, но путь по Китаю несравненно затруднительнѣе. Въ 1837 г. русскіе доставили на кяхтинскую ярмарку товаровъ на 19,500,281 руб., пушной товаръ былъ главнымъ предметомъ и простирался на сумму 7,406,188 руб. За мѣхами слѣдовали шерстяныя матеріи на 5,156,296 руб., бумажныя ткани на 1,722,747 руб., выдѣланныя кожи на 1,508,395 руб., бухарская овчина на 1,041,661 руб. Въ числѣ незначительныхъ предметовъ находились 542 стопы писчей бумаги и 4 тысячи фарфоровыхъ чайныхъ приборовъ. Чай составляетъ главный предметъ, вымѣниваемый на сибирскіе и русскіе продукты. Въ вышеупомянутомъ году было куплено русскими не менѣе 77 тысячъ цибиковъ чернаго чая, вѣсомъ 138,274 пуда, 625 пудовъ зеленаго чая и 28,000 пудовъ кирпичнаго чая; кромѣ того, русскіе взяли 3,546 пудовъ леденца и 91 пудъ яблоковъ, которыя, какъ извѣстно, не вызрѣваютъ въ Сибири. Мануфактурныхъ произведеній китайцы промѣняли очень мало, небольшое количество шелковыхъ и бумажныхъ матерій, 1,500 листовъ бумаги, 4,154 фарфоровыя чашки.

Кирпичный чай приготовляется изъ листьевъ чайнаго дерева и другихъ дико-растущихъ растеній, смѣшанныхъ съ свернувшеюся бычачьею кровью. Этотъ чай получилъ свое названіе отъ формы, какую даютъ его кускамъ. Для монгольскаго кочевника въ Китаѣ, для бурята и калмыка, для русскаго крестьянина къ югу отъ Байкала и для большей части сибирскихъ татаръ, кирпичный чай настолько же необходимъ, какъ хлѣбъ въ Европѣ. Изъ кирпичнаго чая приготовляютъ для тамошняго вкуса весьма лакомую похлебку съ ржаной мукой, бараньимъ саломъ и солью изъ степныхъ озеръ.

Какъ ни значительна описанная нами мѣховая торговля, все же касается она только оптовой торговли, результаты которой

еще въ будущемъ. Поэтому, кромѣ ея, производится весьма значительная мѣстная или розничная торговля, преимущественно удовлетворяющая потребностямъ сосѣднихъ странъ. Сельскохозяйственныя произведенія плодороднаго Забайкалья находятъ здѣсь значительный сбытъ и даютъ китайцу то, чего не можетъ онъ получить на своихъ безплодныхъ высотахъ. Здѣсь покупаетъ китаецъ пшеницу, рожь, яйца, верблюдовъ, лошадей, пеньку и ленъ, почти на $^1/_2$ милліона рублей. Прежде эта торговля была еще значительнѣе, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ китайскіе монголы по Орхону и другимъ притокамъ Селенги принялись также за земледѣліе и конкурируютъ съ русскими и бурятами, живущими по нижнему теченію той же рѣки.

Предметы китайской розничной торговли—деревянныя чашки (20,000 штукъ), бумажныя ткани (18,000 кусковъ), нанка (30,293 куска) и болѣе всего кирпичный чай, котораго, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ пудовъ потребляется пограничной Сибирью.

Кяхтинская ярмарка происходитъ весной; при этой торговлѣ китайцы имѣютъ преимущество, ибо чай, привозимый на рынокъ, никогда не остается у нихъ на рукахъ, тогда какъ русскіе товары, частію по недостатку въ запросѣ, частію по хитрости китайцевъ, нерѣдко должны дожидаться второй и третьей ярмарки. Въ послѣднее время, вслѣдствіе увеличенія потребленія чая, русскіе должны за этотъ товаръ приплачивать значительное количество чистаго серебра. Черный чай изъ Маймачина, впрочемъ, гораздо лучше, нежели какой пьютъ западные европейцы. Этого чая нѣтъ на нашихъ рынкахъ, ибо онъ растетъ въ сѣверномъ Китаѣ и легче доставляется на русскую границу, чѣмъ къ приморскимъ гаванямъ.

Почти всѣ товары, получаемые оптомъ отъ китайцевъ привозятся въ Нижній-Новгородъ и везутся преимущественно водою по Енисею, Оби и ихъ притокамъ вверхъ и внизъ, пока, наконецъ, достигнутъ Тюменя на Тоболѣ. Съ большихъ рынковъ европейской Россіи этимъ товарамъ приходится нерѣдко совершать продолжительное странствованіе, пока они найдутъ себѣ

потребителей. Такъ, напримѣръ, большое количество кирпичнаго чая изъ Нижняго-Новгорода отвозится въ Астраханскую губернію, чтобы услаждать вкусъ тамошнихъ калмыковъ.

13. Якутскъ.

Въ половинѣ XVII столѣтія, къ якутамъ, занимавшимся звѣриною ловлею и кочевавшимъ съ своими стадами по берегамъ Лены, прибыло нѣсколько человѣкъ русскихъ странниковъ. Пришельцы смиренно просили якутскихъ *родовичей* дать имъ для жительства столько земли, сколько покроетъ воловья шкура. Родовичи, не видя никакой опасности отъ исполненія такой умѣренной просьбы своихъ малочисленныхъ гостей, согласились удовлетворить ихъ и поклялись, по своему обычаю, у растущаго на корню дерева въ ненарушимости правъ новыхъ земледѣльцевъ.

Тогда странники нарѣзали изъ воловьей кожи множество тонкихъ ремешковъ и окружили ими довольно значительное пространство земли, которое, по условію, объявили своимъ. Якуты подивились этой хитрости, но, помня данное слово, не прекословили пришельцамъ, которые, обозначивъ границы своихъ владѣній столбами, сѣли въ свою лодку и при помощи попутнаго вѣтра поплыли вверхъ по Ленѣ. Якуты, не видавшіе до того времени парусовъ, изумились, глядя на то, какъ чужеземцы плаваютъ на пузыряхъ по водѣ; но этимъ дѣло не кончилось, и удивленіе ихъ перешло въ безпокойство, когда черезъ нѣсколько времени русскіе явились къ нимъ обратно, съ большимъ числомъ казаковъ и крестьянъ. Къ лодкамъ ихъ были привязаны плоты, съ запасомъ провизіи, орудій, матеріаловъ и обдѣланныхъ бревенъ. Почти въ одну ночь казаки изъ приготовленныхъ заранѣе срубовъ построили острогъ (крѣпостцу) на подаренной имъ землѣ и на другой день приготовились къ оборонѣ. Якутскій князь *Тоёмъ* ужаснулся, когда узналъ о внезапномъ появленіи крѣпости, но опомнившись приказалъ немед-

ленно явиться всѣмъ якутамъ, искуснымъ въ борьбѣ и стрѣльбѣ. Собравшись на его призывъ, ополченіе подошло къ крѣпостцѣ и открыло стрѣльбу изъ луковъ. Русскіе, сидя за своими стѣнами, только смѣялись надъ безвредными для нихъ стрѣлами и начали стрѣлять въ обступившую ихъ толпу холостыми зарядами. Тогда, въ свою очередь, якуты стали подсмѣиваться надъ безвредностью казацкаго огня и ободренные, подступили къ самой крѣпости. Тогда казаки зарядили пищали пулями и отъ одного ихъ залпа, нѣсколько якутовъ было убито и ранено; остальные въ испугѣ разбѣжались. Съ этихъ поръ, разъ навсегда, они признали себя побѣжденными и неспособными вести войну съ русскими.

Такъ говоритъ преданіе о покореніи Якутской области; но не подлежитъ сомнѣнію только то, что якутскій край и рѣка Лена стали извѣстны русскимъ съ 1620 года. Казаки, покорившіе на р. Вилюѣ тунгусовъ, узнали отъ нихъ, что рѣка эта впадаетъ въ большую рѣку, на которой живетъ народъ, называемый еко. Казаки воспользовались этими свѣдѣніями и подъ начальствомъ своего головы Василія Мартынова спустились по Вилюю въ Лену, нашли на ней якутовъ и обложили ихъ ясакомъ. Лѣтъ десять спустя послѣ этого, сотникъ енисейскихъ казаковъ, Бекетовъ, вышелъ на Лену съ рѣки Куты, проплылъ по ней почти до устья Алдана и заложилъ въ 1632 г. на правомъ берегу рѣки якутскій острогъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ острогъ былъ перенесенъ верстъ на 70 выше по Ленѣ, на то мѣсто, гдѣ стоитъ нынѣ Якутскъ.

Съ этого времени Якутскъ дѣлается центральнымъ мѣстомъ управленія всей только-что завоеванной тогда части Сибири, къ востоку отъ р. Енисея. Тутъ жили воеводы, посылавшіе команды *провѣдать неизвѣстныя земли и покорять нѣкоторые народы*. Сюда присылали завоеватели свои донесенія, отсюда получали они подкрѣпленія, порохъ, свинецъ и провіантъ *). Из-

*) Изъ этихъ донесеній, писанныхъ иногда, за неимѣніемъ бумаги, на берестѣ, и другихъ бумагъ по управленію восточной областію состоитъ

обильные звѣриные промыслы и выгодная торговля съ инородцами вскорѣ привлекли сюда искателей счастія изъ Россіи, которые женились на якуткахъ и заводились домами. Изъ переселенцевъ нѣкоторые получили здѣсь дворянство, другіе поступали въ казаки и всѣ надѣлялись землею. Впослѣдствіи времени возникъ городъ Иркутскъ, сдѣлавшійся главнымъ во всей Восточной Сибири, почему Якутскъ потерялъ часть своего значенія и, будучи оттѣненъ на второй планъ, менѣе подчинился вліянію цивилизаціи и до настоящаго времени болѣе сохранилъ оригинальный характеръ первобытныхъ сибирскихъ городовъ.

Якутскъ стоитъ на обширной песчаной равнинѣ, окоймленной съ двухъ противоположныхъ сторонъ небольшими хребтами горъ, служившими въ древности берегами Лены, протекающей по этой равнинѣ. Лена, по общему свойству сибирскихъ рѣкъ, производя во время ежегоднаго разлитія песчаные наносы и дѣлаясь все болѣе и болѣе мелководною, разбилась въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько притоковъ, образовавъ острова и отмели. Старинный острогъ, возлѣ котораго впослѣдствіи построился городъ, стоялъ на самомъ берегу рѣки, лѣтъ 70 назадъ, во время необыкновенно сильнаго разлитія измѣнившей русло и отодвинувшейся отъ города.

Якутскъ съ перваго взгляда поражаетъ какимъ-то мнимымъ великолѣпіемъ, что́, вѣроятно, происходитъ отъ раздраженія чувствъ. Проѣхавши Леною 2,500 верстъ, вы встрѣтите на пути только два маленькіе городка, Киренскъ и Олекминскъ, но здѣсь глазъ вдругъ поражается двумя–тремя порядочно застроенными улицами и кажущимся многолюдствомъ. Путешествующіе изъ Охотска, Камчатки и Америки чувствуютъ это раздраженіе еще въ большей степени, и потому-то каждый туристъ неравнодушно говоритъ объ Якутскѣ въ своихъ запискахъ. На

якутскій архивъ, который могъ бы служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи Сибири, но, по отзывамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, содержался прежде въ такомъ безпорядкѣ и небрежности, что множество интересныхъ документовъ погибло отъ сырости.

самомъ же дѣлѣ, это небольшой городокъ, съ 5 тысячами жителей, обстроенный исключительно деревянными зданіями. Самая лучшая улица въ немъ Иркутская; близъ нея находится древней архитектуры соборъ, постройка котораго относится ко времени покоренія Якутской области; поодаль отъ собора стоятъ порознь огромныя старинныя башни — уцѣлѣвшіе остатки древней крѣпости. Спасскій монастырь относится также къ замѣчательнымъ древностямъ Якутска; онъ находится на сѣверномъ краю города, на небольшомъ холмѣ, и окруженъ красивою каменною оградой. Гостиный дворъ, который въ самомъ дѣлѣ дворъ, потому что его лавки большею частію открываются внутрь, также каменный и постоянно наполненъ якутами, составляющими здѣсь большинство потребителей. Въ зданіи гостинаго двора помѣщается ратуша, кладовыя и биржа, а невдалекѣ отъ него стоитъ домъ благороднаго собранія съ клубомъ. Дома здѣсь рѣдко строятся въ два этажа, большею частію второй этажъ замѣняется мезониномъ; зато, благодаря простору, при каждомъ домѣ есть длинный заборъ, окружающій обширный дворъ, занятый спереди флигелями и службами, а сзади якутскими юртами для работниковъ и пріѣзжающихъ изъ улусовъ якутъ. Передъ многими домами васъ поразятъ 2 столба съ перекладиною, на которую въ январѣ вѣшаютъ говядину, остающуюся подъ вліяніемъ морозовъ и вѣтра до апрѣля, когда она, наконецъ, снимается и подается на столъ вмѣстѣ съ конфектами. Приготовленная такимъ образомъ говядина очень вкусна, но требуетъ здоровыхъ зубовъ. Отправляясь въ дальнюю дорогу, жители Якутска непремѣнно запасаются ею, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ пришлось бы довольствоваться одними сухарями. Городъ построенъ на влажной, болотистой почвѣ, улицы въ немъ, по недостатку камня, немощеныя, и земля подъ ногами зыблется. Во время весенняго разлитія Лена иногда затопляетъ нѣкоторыя строенія, и по инымъ улицамъ въ это время ѣздятъ только въ лодкахъ, почему передъ домами, построенными на низкомъ мѣстѣ, устраиваются плотины. Вообще городъ носитъ на себѣ отпечатокъ мрачнаго и холоднаго сѣвера. Деревянные, полуразвалив-

шіеся дома, окруженные высокими заборами, между сѣрыми бревнами и досками которыхъ тщетно будете искать деревца или хоть зеленаго кустика, наводятъ тоску и уныніе. Ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею бѣлизною еще оживляетъ печальное однообразіе. По улицамъ отъ времени до времени проѣдутъ дрожки стариннаго фасона, съ кучеромъ въ лѣтнемъ кафтанѣ и мѣховой шапкѣ или, наоборотъ, въ полушубкѣ и лѣтнемъ картузѣ. Изъ оконъ выглядываютъ ласковыя лица, а изъ-подъ воротъ сердитыя морды собакъ, которыя въ маленькихъ городахъ черезъ-чуръ серьезно понимаютъ свои обязанности. Болыше всего снуютъ взадъ и впередъ якуты, составляющіе въ городѣ большинство населенія и придающіе ему нѣкоторое движеніе. Ремесленники:—кузнецы, плотники, столяры, слесаря, здѣсь все якуты; кромѣ того, въ каждомъ семействѣ кухарка якутка, работникъ якутъ, кучеръ якутъ и, наконецъ, нянька якутка. Слухъ дитяти прежде всего поражается звуками якутскаго языка; начиная исправлять обязанности гражданина, онъ имѣетъ дѣло почти исключительно только съ якутами; вращаясь постоянно между якутами, онъ нечувствительно начинаетъ усвоивать ихъ обычаи и языкъ; поэтому, здѣшній житель хуже говоритъ по-русски, нежели по-якутски. Якутскій языкъ, господствующій между всѣми классами, здѣсь въ такой же модѣ, въ какой у насъ былъ недавно французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который не зналъ бы по-якутски и вмѣстѣ съ тѣмъ не коверкалъ бы русскаго языка, такъ что человѣку, пріѣхавшему изъ Россіи, сначала очень трудно столковаться съ якутцемъ. «Я нынче много насадилъ *щей*», скажетъ онъ вамъ, и вы должны понять, что онъ посадилъ капусту; или «надо купить *саженей* да крупчатаго *провіанту*» — значитъ ему понадобились дрова и мука; вмѣсто много, онъ говоритъ *дивно*, тяжело — *азойно*, сдѣлается — *доспѣется*, и т. д.

Образъ жизни, привычки ихъ отчасти также заимствованы отъ якутъ, такъ напр. многіе на лѣто переселяются въ юрты (урасы), къ чему, впрочемъ, понуждаютъ ихъ лѣтніе

жары, смѣняющіе страшные зимніе холода. Весна и лѣто продолжаются здѣсь не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Съ первыхъ чиселъ августа, по вечерамъ, начинаетъ уже подувать холодный вѣтеръ, ночи дѣлаются темными, и вскорѣ иней истребляетъ всю зелень, термометръ по утрамъ показываетъ 5—7 град. Въ половинѣ сентября снѣгъ покрываетъ землю, устанавливается санная дорога, и по Ленѣ несется ледъ. Въ началѣ октября морозы доходятъ уже до 15°. Лена замерзаетъ; всѣ одѣваются по-зимнему; въ окна вставляются внутреннія рамы съ двойными стеклами, или *ставеньки*, т. е. доски съ квадратнымъ отверстіемъ посрединѣ, въ которое вставлено маленькое стекло. На ночь это стекло, покрытое толстымъ слоемъ инея, вынимается и просушивается, а вмѣсто него вставляютъ кусокъ дерева, замѣняемый утромъ опять оконцемъ. Защищая свои дома отъ холода, якуты забываютъ только про полъ, дѣлаемый обыкновенно безъ накатника. Само собою разумѣется, что изъ щелей пола ужасно дуетъ; но это для нихъ ничего не значитъ, и даже трудно доказать якутцу, какія вредныя послѣдствія для здоровья влечетъ за собой постройка домовъ, при которой голова въ теплѣ, а ноги постоянно зябнутъ.

Въ половинѣ декабря начинаются страшные морозы, всякій гвоздь въ домѣ промерзаетъ и покрывается *кружевиною* (инеемъ). Стекла лопаются, стѣны трещатъ, морозный туманъ наполняетъ атмосферу, и чѣмъ холоднѣе, тѣмъ онъ гуще; дымъ изъ трубъ стелется надъ домами и увеличиваетъ мракъ. Въ 11-мъ часу утра восходитъ солнце: едва поднимается оно на туманный и мрачный горизонтъ и тотчасъ закатится: оно почти не свѣтитъ и нисколько не грѣетъ, а виситъ надъ горизонтомъ, какъ тусклый, никому ненужный фонарь. Въ самый полдень не нужно поднимать головы, чтобы взглянуть на него. Термометръ постоянно стоитъ на 35—40° Р., а иногда въ декабрѣ и январѣ доходитъ до 46—50° по Р. Ртуть замерзаетъ въ нѣсколько минутъ, все сжимается и надолго приходитъ въ оцѣпенѣніе. Нѣкоторые предметы царствъ растительнаго и животнаго, оцѣпенѣвъ однажды, совсѣмъ отвердѣваютъ и, нако-

нецъ превращаются въ окаменѣлости. Между ними, кромѣ разноцвѣтныхъ вилюйскихъ солей, встрѣчаются разнаго рода грибы, древесныя вѣтки и нѣкоторыя насѣкомыя. Здѣсь не увидишь зимою ни воробья, ни сороки, ни воро́ны, только черный во́ронъ выдерживаетъ здѣшнюю зиму, но и онъ иногда замерзаетъ. Въ морозы воздухъ бываетъ чрезвычайно тихъ, развѣ одинъ *хеусъ* (тихое теченіе воздуха) приводитъ его въ движеніе, и это только даетъ возможность жить въ такой холодной странѣ. Жителю юга трудно повѣрить, что при 46° можно свободно, безвредно гулять по улицѣ, не отморозивъ себѣ даже носа. Правда, что во время прогулки не видишь за туманомъ домовъ по сторонамъ, что рѣсницы смерзаются, дыханіе по выходѣ изъ рта немедленно съ шумомъ и трескомъ замерзаетъ, въ груди дѣлается стѣсненіе, продолжающееся во всю зиму; но къ чему человѣкъ не можетъ привыкнуть? Морозы начинаются исподволь, увеличиваются постепенно и даютъ полную возможность съ ними освоиться. Вѣдь якуты при самыхъ сильныхъ морозахъ спятъ на снѣгу, едва покрываясь своею одеждой, и совершенно здоровы.

Во время морозныхъ ночей въ Якутскѣ нерѣдко бываютъ величественныя сѣверныя сіянія, въ самыхъ разнообразныхъ, постепенно измѣняющихся формахъ; но какъ ни великолѣпенъ ихъ видъ, онъ вскорѣ становится тягостнымъ для самыхъ здоровыхъ глазъ, въ нихъ чувствуется усталость и даже дѣлается воспаленіе, сопровождаемое головною болью, которая проходитъ послѣ долгаго сна.

Въ концѣ февраля и въ началѣ марта выпадаетъ очень много снѣга, и бываютъ сильныя *пурги* (мятели), а въ началѣ апрѣля наступаетъ ясная, умѣренная погода. Когда таетъ снѣгъ, погода становится сырой и непостоянной, отчего являются повѣтрія и различныя повальныя болѣзни, причиною которыхъ служитъ сырость воздуха, происходящая отъ испареній топей и гнилыхъ болотъ, окружающихъ городъ; поэтому весною и лѣтомъ воздухъ въ Якутскѣ тяжелъ и удушливъ. Около 15-го мая якутская равнина освобождается отъ снѣговъ, но на верху

хребтовъ снѣгъ еще остается. Въ это же время почти всегда вскрывается Лена и во время разлива потопляетъ многіе острова, вмѣсто которыхъ въ малую воду являются новые. Лишь только пройдетъ ледъ, въ Якутскѣ припасаютъ плоты съ дровами и строевымъ лѣсомъ, а позже пріѣзжаютъ изъ Киренска купцы съ мукою, картофелемъ и кедровыми орѣхами. Весна и лѣто продолжаются здѣсь неболѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ; но зато какое лѣто бываетъ въ Якутскѣ! Насталъ іюль мѣсяцъ и атмосфера наполняется густымъ туманомъ, солнце, какъ раскаленный шаръ, пылаетъ на небѣ и жжетъ землю, трава выгораетъ, отъ жара нѣтъ нигдѣ спасенія, улицы пустѣютъ, жители закрываютъ окна ставнями и сидятъ въ темнотѣ. Термометръ на солнцѣ показываетъ + 45°, а въ тѣни + 28° по Р. Въ половинѣ 11-го часа закатывается солнце и вслѣдъ затѣмъ сильная роса покрываетъ землю, а термометръ почти мгновенно упадаетъ на + 12 и къ солнечному выходу опускается на + 8° Р. Но что за прелесть здѣшняя лѣтняя ночь! Когда солнце больше обыкновенно видимой величины своей, красное, какъ рубинъ, опускается за гору, западъ загорается пурпуромъ, и легкая прохлада вѣетъ въ воздухѣ. Въ половинѣ 12-го часа дѣлается нѣсколько темнѣе, чѣмъ въ петербургскій пасмурный день, а чрезъ полчаса умолкаетъ пѣніе птицъ, которыхъ здѣсь, впрочемъ, немного. Небо свѣтло и безцвѣтно; только на югѣ, на краю горизонта, слабо свѣтятся юпитеръ и марсъ, да бѣлѣетъ безцвѣтная луна. Въ два часа солнце уже восходитъ,— только не на востокѣ, а почти на самомъ сѣверѣ, въ видѣ огромнаго бѣлаго шара. Въ это время начинаются работы, которые въ 12 часовъ дня уже оканчиваются, далѣе работать нѣтъ никакой возможности. Жары продолжаются съ половины іюня до конца іюля, и такъ какъ въ это время солнце грѣетъ почти цѣлые сутки, то растительная сила природы дѣйствуетъ въ этотъ короткій срокъ съ изумительною быстротою. Здѣсь все необыкновенно скоро растетъ и созрѣваетъ. Огурцы, посаженные на гряду въ первыхъ числахъ іюня, къ 20-му іюля уже готовы, а изъ другихъ овощей на огородахъ въ Якутскѣ хо-

рошо растетъ рѣпа, морковь, но капуста не вьется въ кочны. Со времени первыхъ опытовъ казаковъ-завоевателей существовало мнѣніе, что климатъ Якутска слишкомъ суровъ для хлѣбопашества, и хлѣбъ постоянно привозился изъ Иркутской области, почему при неурожаѣ онъ доходитъ тамъ до страшной дороговизны. Въ началѣ этого столѣтія, выходцы изъ Россіи стали повторять опыты земледѣлія, которые привели къ блестящимъ результатамъ. Вслѣдъ за русскими и якуты, почти неимѣвшіе до того времени понятія о хлѣбѣ, стали заниматься земледѣліемъ и въ настоящее время, въ количествѣ посѣвовъ они не только не уступаютъ, но большею частію превосходятъ своихъ учителей. Главную роль въ якутскомъ земледѣліи составляетъ гималайскій ячмень, который приносилъ бы изумительные результаты, если бы его въ большомъ количествѣ не истребляли воробьи — птица здѣсь перелетная. Другой и самый важный непріятель хлѣбопашества — это морозъ, который часто во второй половинѣ іюня по утрамъ покрываетъ инеемъ растенія и тѣмъ губитъ ихъ; на хлѣбное же зерно онъ только тогда имѣетъ вліяніе, когда оно не успѣло до морозовъ зарумяниться. Зато засуха, главнѣйшая причина неурожаевъ въ южной Сибири, здѣсь вовсе неизвѣстна, потому что, не смотря на страшные жары, земля среди лѣта оттаиваетъ только на 1—1½ аршина, а изъ промерзлой почвы постоянно идетъ испарина, замѣняющая дождь.

Удобство для хлѣбопашества нѣкоторымъ образомъ покупается большими невыгодами, происходящими отъ той же мерзлой почвы: на ней не можетъ быть ключей и подземныхъ колодцевъ. Поэтому жители Якутска, лежащаго на одной изъ величайшихъ въ свѣтѣ рѣкъ, чуть не умираютъ отъ жажды. Бѣдные берутъ довольно дурную воду изъ ближайшаго притока, а болѣе достаточные изъ русла Лены, отстоящаго отъ города версты на три; но большею частію всѣ заготовляютъ для домашняго употребленія ледъ. Въ погребахъ замерзаетъ лѣтомъ говядина, и термометръ показываетъ 6° по Р. Такимъ образомъ здѣсь и лѣтомъ стоитъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы перейти къ зимѣ.

Всѣ попытки жителей вырыть колодецъ не увѣнчались успѣхомъ. При домѣ конторы Россійско-Американской компаніи находится колодецъ въ 60 саж. глубины и безъ всякихъ признаковъ воды. Жители лѣтомъ ѣздятъ часто за городъ и постоянно берутъ съ собою ледъ для самовара, потому что вблизи нѣтъ ни рѣчки, ни ключа, а есть только гнилыя болота и озера, въ которыхъ вода негодна для употребленія. Зато осенью на этихъ озерахъ столько дикихъ гусей и утокъ, что самый страстный охотникъ долженъ вполнѣ остаться довольнымъ.

Окрестности Якутска некрасивы, луга усѣяны незабудками въ такой степени, что издали кажутся голубыми коврами, другихъ полевыхъ цвѣтовъ здѣсь почти нѣтъ. Изъ ягодъ въ большомъ изобиліи растутъ красная и черная смородина, голубика, *молокнянка*, морошка и брусника; послѣднюю здѣсь умѣютъ чрезвычайно хорошо приготовлять. Сохраняясь въ холодныхъ погребахъ, она нисколько не портится, такъ что трегодовалыя ягоды невозможно отличить отъ прошлогоднихъ. Сокомъ морошки и брусники жители Якутска любятъ утолять лѣтомъ жажду; лучшій же напитокъ для лѣта — это кумысъ. Кумысъ привозится якутами въ городъ для продажи въ огромномъ количествѣ и находитъ себѣ много потребителей. Вкусъ его похожъ на сыворотку, заквашенную нѣсколько болѣе обыкновеннаго, а лучше приготовленный напоминаетъ кислыя щи и также пѣнится, если встряхнуть бутылку.

Лѣса близъ Якутска небольшіе, разбросанные въ разныхъ направленіяхъ между лугами, около озеръ и притоковъ, невдалекѣ отъ горныхъ хребтовъ; они состоятъ изъ сосновыхъ и частію березовыхъ чащъ, гдѣ растутъ грузди и бѣлые грибы. На горахъ попадаются отдѣльно стоящія большія сосны, лиственницы и частію береза, другихъ же деревъ, даже ели и вереска, вовсе нѣтъ. На островахъ Лены лѣсъ большею частію ивовый, по здѣшнему тальниковый и отчасти ильмовый, со множествомъ кустарниковъ смородины и шиповника, куролѣпника и табалошника. Хорошаго строеваго лѣса нѣтъ, и поэтому для построекъ приплавляютъ сюда изъ Олекминскаго округа весною

огромные плоты сосновыхъ и частію лиственныхъ бревенъ. Не задолго до начала зимы приплываютъ изъ Киренска въ Якутскъ повозки съ овощами, которыя жители спѣшатъ закупить, чтобы привести домой незамороженными. Но главный запасъ продуктовъ якуты дѣлаютъ во время ярмарки, которая здѣсь бываетъ съ 1-го іюля по 1-е августа. Эта ярмарка есть центръ внутренней торговли восточной Сибири и распространяетъ свою торговую дѣятельность на огромное пространство. Отъ Енисея до Берингова пролива, отъ Ледовитаго океана до Олекминскихъ горъ, даже изъ Охотска и Камчатки, изъ-за многихъ тысячъ верстъ стекаются сюда — пушной товаръ, мамонтова кость, кабаржья струя и моржевый зубъ, и все это продается и вымѣнивается здѣсь въ теченіе ярмарки купцами, преимущественно иркутскими, на хлѣбъ, чай, сахаръ, китайскія бумажныя и шелковыя матеріи, низшей доброты сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, стекло, различные напитки, черкасскій табакъ и другіе необходимые для якутскихъ жителей и въ особенности для инородцевъ товары. Такимъ образомъ, обороты ярмарки простираются иногда до $2^1/_2$ милліоновъ рублей серебромъ и даже болѣе. Впрочемъ, въ послѣдніе годы купцы жалуются, что торговля идетъ плоше.

Городъ во время ярмарки дѣлается многолюднымъ, запертыя лавки открываются, и каждый спѣшитъ въ гостиный дворъ запастись припасами на цѣлый годъ, потому что по окончаніи ярмарки цѣны обыкновенно повышаются. Якуты бродятъ по домамъ и лавкамъ, продаютъ своихъ лисицъ, бѣлокъ, зайцевъ и горностаевъ и при этомъ воруютъ, что попадется подъ руку. Тунгусы также стараются подражать имъ, другіе инородцы собираются въ гораздо меньшемъ числѣ и почти незамѣтны. Зато вы увидите здѣсь суздальца, мѣняющаго образа и картины, и жида, продающаго ваксу и различныя мелочи. Удивительная дѣятельность этихъ двухъ народовъ, одного съ береговъ Двины и Вислы, другаго съ Волги, прибывшихъ сюда послѣ, быть можетъ, бездны приключеній и несчастій. Не смотря на всѣ неудачи, пытливый духъ заставилъ ихъ объѣздить всю Россію

и, наконецъ, попасть чуть не на край Сибири, гдѣ, можетъ быть, они положатъ и свои головы. Не смотря на эту черту сходства, какая разница между ними? Тогда какъ смиренный жидъ съ своей сократившейся наружностью, поклонами и униженіемъ старается зазвать покупателя, *заробить копъйку* и почти совершенно незамѣтенъ между приземистыми якутами, тѣми же жидами Сибири, русскій крестьянинъ рѣзко выдѣляется между ними и кажется исполиномъ. Обстриженные въ кружокъ волосы, густая борода, большой ростъ и осанистость — все дѣлаетъ его оригинальнымъ и привлекательнымъ. Вы будете смотрѣть на него съ удовольствіемъ, онъ вамъ напомнитъ родину, заставитъ поговорить съ нимъ, услышать звуки роднаго языка и подивиться прямому складу его ума и рѣчи. Вы сравните русскаго съ якутомъ, и вамъ станетъ ясно, почему безбородые якуты и тунгусы назвали русскаго лѣшимъ; вы не станете удивляться тому, что горсть казаковъ обращала въ бѣгство тысячи азіятцевъ. Но не эти только, извѣстные каждому, подвиги совершилъ и совершаетъ русскій человѣкъ. Прослѣдите только, какимъ образомъ явился пушной товаръ на ярмарку, и вы удостовѣритесь въ этомъ. Якутскіе купцы совершаютъ громадныя и трудныя путешествія съ торговою цѣлью. Они берутъ извѣстное число лошадей, смотря по количеству товара, иногда до 40, ѣдутъ каждый по своему радіусу. Одинъ изъ нихъ ѣдетъ, напримѣръ, за 500 верстъ далѣе Нижнеколымска, до 3,000 верстъ отъ Якутска, въ Чукчи; другой къ югу, на р. Уду; третій къ западу, въ Вилюйскій округъ. Купцы отправляются въ ноябрѣ и возвращаются въ апрѣлѣ. Имъ сопутствуютъ ихъ жены и все переносятъ, ѣздятъ верхомъ, спятъ, если не въ повозкахъ, то подъ открытымъ небомъ, и живутъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ пустыняхъ, глухихъ уголкахъ и не разсказываютъ объ этомъ, не тщеславятся. Наконецъ, послѣ труднаго и опаснаго путешествія, они достигли назначеннаго мѣста, на которое къ извѣстному дню стекаются якуты, чукчи, тунгусы и проч., и производится мѣна. Чукчи покупаютъ простой листовой табакъ, называемый здѣсь *черкасскимъ*, желѣзныя издѣ-

лія, топоры, гвозди и проч., якуты—преимущественно бумажныя и шерстяныя матеріи, дабу, грубые ситцы, холстину, толстое сукно, также чай, сахаръ, послѣдній большею частію въ леденцѣ, вывозимомъ изъ Китая. Купцы вымѣниваютъ отъ нихъ пушной товаръ, добытый въ теченіе лѣта и осени; товаръ этотъ покупаютъ у нихъ пріѣзжающіе на якутскую ярмарку въ іюнѣ иркутцы, передаютъ на нижегородскую ярмарку или въ Кяхту, оттуда въ Китай и т. д. Вотъ вамъ происхожденіе горностаевыхъ муфтъ, лисьихъ салоповъ, собольихъ шубъ и воротниковъ, бобровыхъ шапокъ, медвѣжьихъ полостей и всѣхъ мѣховыхъ вещей, которыми мы щеголяемъ въ Россіи.

Посмотримъ еще, что дѣлаютъ наши якутскіе миссіонеры? Они постоянно разъѣзжаютъ по якутамъ, тунгусамъ и другимъ крещеннымъ племенамъ для исполненія требъ, къ язычникамъ для обращенія, верстъ за тысячу, за полторы, за три. Ѣздятъ по этимъ дорогамъ верхомъ, большею частію на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ или на оленяхъ. По колымскому и нѣкоторымъ другимъ пустыннымъ трактамъ есть, пожалуй, и станціи, но какія? большія верстъ по 400, небольшія всего по 200. Гдѣ же они останавливаются, гдѣ ночуютъ? спросите вы. Вамъ отвѣтятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть поварни. При этомъ словѣ вамъ, конечно, представится и поваръ, пожалуй, въ воображеніи запахнетъ и бифстексомъ, котлетами... Поварня — это пустая, необитаемая юрта, съ однимъ искусственнымъ отверстіемъ на верху и со множествомъ природныхъ щелей въ стѣнахъ, съ очагомъ по срединѣ и только. Слѣдовательно, это *quasi*-поварня. Если хотите ее сдѣлать настоящей поварней, то привезите съ собой повара да кстати ужъ и провизіи, а иногда и дровъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, не забудьте взять и огня: попросить не у кого, сосѣдей нѣтъ кругомъ; прямо на тысячу или болѣе верстъ, пустыня, направо другая, налѣво третья и т. д. Слава Богу, если есть еще и поварня, а то и ее не бываетъ. Тогда на 40° морозѣ приходится ночевать въ снѣгу. Тутъ ужъ бываетъ потруднѣе: морозъ рѣжетъ, грудь еле дышитъ, а дѣлать нечего. Окопаются да развѣдутъ огонь, вотъ

и все. Морозъ еще небольшая бѣда; кто живетъ въ Якутскѣ, поневолѣ къ нему привыкаетъ, а гораздо хуже, когда застелетъ пурга. Пурга стóитъ всякихъ морскихъ бурь: это снѣжный ураганъ, который застилаетъ мракомъ небо и землю и крутитъ тучи снѣгу. Во время пурги нѣтъ средства сдѣлать шагу ни взадъ, ни впередъ. Оставайтесь тамъ, гдѣ застала буря. Если поупрямитесь, тронетесь — не найдете дороги впереди, не узнаете и вчерашняго вашего пути: гдѣ были бугры, тамъ образовались ямы и овраги и наоборотъ.

Теперь перейдемъ къ другимъ лицамъ. Вы знаете, что были и есть люди, которые подходили близко къ полюсамъ, обошли берега Ледовитаго моря и Сѣверной Америки, проникли въ безлюдныя мѣста, питаясь иногда бульономъ изъ голенища своихъ сапогъ, дрались со звѣрями, со стихіями, — все это герои, которыхъ имена мы знаемъ наизусть, и будетъ знать потомство; мы печатаемъ книги о нихъ, рисуемъ съ нихъ портреты и дѣлаемъ бюсты. Одинъ опредѣлилъ склоненіе магнитной стрѣлки, тотъ ходилъ отыскивать ближайшій путь въ другое полушаріе, а иные, не найдя ничего, просто замерзли или умерли съ голоду. Но всѣ они пріобрѣтали славу. А кто знаетъ имена многихъ и многихъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ, поручиковъ и маіоровъ, которые каждый годъ ѣздятъ въ непроходимыя пустыни, къ берегамъ Ледовитаго моря, спятъ въ 40° мороза на снѣгу и все это по требованію службы. Портретовъ ихъ нѣтъ, книгъ о нихъ не пишется, да и сами они объ этомъ не заботятся и не считаютъ исполненіе своихъ обязанностей за подвигъ. Зачѣмъ же они ѣздятъ туда? Да вотъ, напримѣръ, понадобилось снабдить одно мѣсто свѣжимъ мясомъ, и послали чиновника за тысячу верстъ заготовить столько-то сотъ быковъ и оленей и доставить ихъ за другіе тысячу верстъ. Въ другой разъ случится какое-нибудь происшествіе, и посылаютъ служащее лицо тысячи за полторы, за двѣ верстъ, произвести слѣдствіе или просто осмотрѣть какой-нибудь отдаленный уголокъ, все ли тамъ въ порядкѣ. Другой посылается, напримѣръ, въ Нижне-Колымскій уѣздъ, — это ни больше, ни меньше, какъ по

Ледовитому морю за 2,500, 3,000 верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ, зачѣмъ вы думаете? Овладѣть ихъ землей, обложить податью? Чукчи до сихъ поръ еще остаются въ дикомъ состояніи, упорно держатся въ своихъ тундрахъ и нерѣдко гибнутъ отъ голода, по недостатку рыбы или звѣрей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачѣмъ же посылать къ нимъ? А затѣмъ, чтобы вывести ихъ изъ дикости и заставить жить по-человѣчески, и все даромъ, безкорыстно: съ нихъ взять нечего...

Кто-то, весьма удачно, назвалъ Якутскъ *русскимъ пикетомъ, зародышемъ Европы*, и дѣйствительно, не смотря на продолжительность зимы, на лютость стужи, какъ все шевелится здѣсь въ краю! Интересно посмотрѣть, быть свидѣтелемъ того химически-историческаго процесса, въ которомъ пустыни превращаются въ жилыя мѣста, дикари возводятся въ чинъ человѣка, религія и цивилизація борятся съ дикостью и вызываютъ къ жизни спящія силы; измѣняется видъ и форма самой почвы, смягчается стужа, изъ земли извлекается теплота и растительность, словомъ творится то же, что творится съ материками и островами, посредствомъ тайныхъ силъ природы. Кто же этотъ титанъ, который ворочаетъ и сушей, и водой, кто мѣняетъ и почву и климатъ? Титановъ много, и всѣ тутъ замѣшаны, въ этой лабораторіи, дворяне, духовные, купцы, поселяне,—всѣ призваны къ труду и работаютъ неутомимо. И когда совсѣмъ готовый, населенный и просвѣщенный, благоденствующій край, нѣкогда темный, неизвѣстный, предстанетъ внезапно передъ изумленнымъ человѣчествомъ, требуя себѣ имени и признанія, пусть тогда допрашивается исторія объ именахъ тѣхъ, кто воздвигнулъ это зданіе, и также не допытается, какъ не допыталась, кто поставилъ пирамиды въ пустынѣ. И сама же исторія добавитъ только, что это тѣ же люди, которые въ одномъ углу міра подали голосъ къ уничтоженію торговли черными, сами освободили своихъ крестьянъ, а въ другомъ учили алеутовъ и курильцевъ жить и молиться— и вотъ они же создали, выдумали Сибирь, населили и просвѣтили ее!..

14. Кяхта.

Кяхта издавна пользуется большою извѣстностью, какъ весьма важное мѣсто въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, изъ котораго ежегодно вывозится въ огромномъ количествѣ чай. Русскіе познакомились съ употребленіемъ чая въ началѣ XVII столѣтія, когда посланникамъ нашимъ при дворѣ монгольскихъ хановъ поднесли во главѣ подарковъ для государя 200 небольшихъ пачекъ чая. Послы хотѣли было выбросить его; но въ Москвѣ вполнѣ узнали достоинства ханскаго подарка, и чай съ тѣхъ поръ сталъ мало-по-малу ежедневнымъ напиткомъ въ Россіи.

Въ 1655 году отправлено было первое посольство въ Китай, но не принято, по случаю неисполненія нашимъ посломъ унизительныхъ китайскихъ церемоній—«припадше на колѣна, кланятися» богдыхану, т. е. императору. Второе посольство въ 1675 году, со свитою, граматою и подарками, хотя и принято, но безъ всякаго успѣха въ переговорахъ. Въ это же время послѣдовали распри между русскими и монголами, дѣло дошло до драки, и мы взяли Албазинъ. Китайскій императоръ, послѣ того, сдѣлался несравненно мягче и согласился на переговоры. Въ 1689 году, Петромъ Великимъ, былъ заключенъ въ Нерчинскѣ мирный трактатъ съ Китаемъ. Вслѣдствіе этого трактата открылись съ этимъ государствомъ болѣе прочныя торговыя сношенія, а въ 1728 году положено было основаніе *Кяхтѣ*, торговому мѣсту для обѣихъ націй. На мутной и мелкой рѣчкѣ, Кяхтѣ, вытекающей изъ лѣсистой стороны, (въ 26-ти верстахъ къ югу отъ р. Селенги, сначала заложенъ былъ пограничный постъ съ русской стороны, подъ именемъ *Троицко-Савской* крѣпости. Здѣсь же были устроены таможенный дворъ и казарма; впослѣдствіи (въ 1822 г.) крѣпость упразднена, и нынѣ Троицко-Савскъ есть не что иное, какъ маленькій заштатный

городокъ, расположенный въ песчаной лощинѣ безъ малѣйшихъ слѣдовъ бывшихъ укрѣпленій.

Въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ Троицко-Савска по обѣимъ сторонамъ пограничнаго ручья заложены двѣ торговыя слободы: русская — Кяхта, а китайская — *Маймачень* *)

Обѣ слободы имѣютъ видъ четыреугольниковъ. Посреди русской построенъ гостиный дворъ, гдѣ складываются и хранятся товары. (Вся слобода окружена рогатками.) На каждой изъ четырехъ сторонъ находятся въ срединѣ ворота и колонча. Внѣ слободы лежатъ жилища поселенныхъ здѣсь, для охраненія границы, съ семействами казаковъ. Это небольшое предмѣстье называется *нижнею плотиною*, для отличія отъ другой слободы, лежащей выше Троицко-Савска и называемой тамошними жителями *верхней плотиной*. Въ той и другой слободѣ проживаютъ купцы, прикащики и коммиссіонеры и разные азіятскіе народы, какъ-то: татары, бухарцы, монголы, тунгузы и многіе другіе, стекающіеся сюда для торга. Здѣсь выстроены красивые магазины и обширные амбары для склада товаровъ.

Вообще селенія эти хорошо застроены; улицы просторны, дома деревянные, но чистые и красивые. Оба они окружены рогатками, такъ что никто изъ проѣзжающихъ за границу не можетъ миновать шлагбаума. Длинная, высокая, каменная ограда, съ большими воротами, увѣнчанными гербомъ Россійской имперіи, служитъ границею со стороны Китая. Жителей въ Кяхтѣ, съ 1862 года считалось 519, въ томъ числѣ купцовъ 124, мѣщанъ 146. Кяхта вся наполнена купцами и цѣлымъ роемъ ихъ довѣренныхъ, конторщиковъ и прикащиковъ. Большая часть жителей Троицко-Савска состоитъ изъ мѣщанъ, меньшинство изъ чиновниковъ и офицеровъ. Вся дѣятельность обоихъ этихъ городковъ почти исключительно поглощена чайною торговлею. Мѣщане преимущественно занимаются перевозкою чаевъ и *шир-*

*) Май-май — по-китайски значитъ купля и продажа, т. е. торгъ, а *ченъ* — городокъ.

кою *). Съ 1851 по 1863 г. Троицко-Савскъ съ слободами Кяхтою и Усть-Кяхтою **) составляли особое градоначальство, которое въ 1863 г. упразднено и включено въ общее управленіе Восточной Сибири, т. е. иркутскаго генералъ-губернаторства.

Шагъ за кяхтинскій шлагбаумъ, — и вы въ китайскомъ городкѣ, *Маймачень*, обнесенномъ невысокою стѣною, или, вѣрнѣе, оградою, съ нѣсколькими, причудливаго вида башеньками. Домы всѣ одинаковой высоты и не превышаютъ стѣны. Въ сѣверной и южной сторонѣ находится трое воротъ съ колончами, украшенными остроконечными кровлями, которыя—ни дать, ни взять—похожи на кровли нашихъ китайскихъ повильоновъ. На сторонѣ, обращенной къ русской слободѣ, предъ каждымъ изъ трехъ воротъ, построены высокіе досчатые заборы, препятствующіе видѣть, что происходитъ внутри Маймачена. На нихъ изображена китайская буква: *Фу*, т. е. *счастіе*. Китайцы полагаютъ, что эти заборы могутъ предохранить ихъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній и дѣйствія брани, которою, можетъ быть, русскіе вздумаютъ ихъ величать. Улицы прямы и идутъ къ воротамъ, и такимъ образомъ городокъ раздѣляется на нѣсколько правильныхъ четыреугольниковъ. Посреди городка, на перекресткѣ обѣихъ главныхъ улицъ, построена высокая башня, надъ просторною залою, съ которой висятъ деревянныя дощечки, съ изображеніемъ распоряженій коменданта. На эту башню входятъ по крыльцамъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. На нижнемъ краю ея кровли, построенной уступами, виситъ множество чугунныхъ и другаго металла колокольчиковъ разнаго вида. При самомъ слабомъ даже вѣтрѣ издаютъ они безпрестанно довольно-пріятные звуки. Домы построены точно одинъ подлѣ другаго и рѣдко имѣютъ окна на улицу. Вообще, оконъ

---

*) Сырая бычачья кожа, которою обшиваютъ ящикъ съ чаемъ, называется *ширя*. а самая работа обшиванья *ширкою;* зданіе же, гдѣ производится ширка, — *ширейнею*.

**) Село, лежащее въ 22-хъ верстахъ отъ Троицко-Савска.

со стеклами въ китайскихъ домахъ нѣтъ; вмѣсто стеколъ широкія рамы заклеены самою тонкою бумагою безъ лаку. Въ серединѣ окна дѣлается небольшое отверстіе, заклеенное слюдою, для того, чтобы черезъ него можно было яснѣе смотрѣть на улицу, ибо бумага, хотя и пропускаетъ довольно свѣту въ комнату, но не даетъ возможности видѣть предметы, находящіеся внѣ. Дома устроены изъ какихъ-то известковыхъ плитъ и выкрашены; дерево и рѣшетка размалеваны яркими красками При входѣ чужаго человѣка на дворъ, хозяинъ и домашніе встрѣчаютъ его, чтобы огромныя дворовыя собаки не напали на него; вводятъ въ гостиную и подчуютъ чаемъ, сахарными пирожками, сухими плодами и курительнымъ табакомъ. Комнаты внутри покрыты лакомъ или, чаще всего, бумагою, которая испещрена картинками, отпечатанными водяною краскою. На улицахъ и во дворахъ наблюдается большая опрятность, какую можно найдти только въ голландскихъ городахъ. Вообще, китайцы отличаются отъ всѣхъ торгующихъ въ Кяхтѣ народовъ порядкомъ, исправностью, вкусомъ и остроуміемъ. Притомъ они хитрѣе всѣхъ и въ торговлѣ способнѣе даже жидовъ и армянъ. Многіе изъ китайцевъ знаютъ столько по-русски, что сами могутъ отправлять свои торговыя дѣла въ Кяхтѣ, но выговоръ ихъ весьма невнятенъ, такъ, напримѣръ, вмѣсто: *двадцать пять монетъ*, они говорятъ: *туа-зе-ти-піати мониза*. Русскіе купцы, съ своей стороны, тоже нашли необходимымъ знаніе китайскаго языка: и по этому въ Кяхтѣ устроено иждивеніемъ тамошняго купечества «*Китайское училище*». Въ 1850 г., это училище удостоилось посѣщенія маймаченскимъ *дзаргучеемъ* (т. е. главнымъ начальникомъ кяхтинскихъ китайцевъ), и что послѣ строгаго испытанія со стороны дзаргучея оказались значительные успѣхи въ знаніи русскими китайскаго языка.

До 1855 г. торговля въ Кяхтѣ была исключительно мѣховая и была совершенно въ рукахъ китайцевъ. Китайскіе купцы были строго организованы въ такъ называемыя *ерузы*, или компаніи, дѣйствовавшія сообща, на основаніи инструкцій, данныхъ ихъ правительствомъ, тогда какъ русскіе купцы торговали сами

по себѣ и въ подрывъ другъ другу. Эту разрозненность нашихъ купцовъ китайцы обращали, какъ нельзя лучше, въ свою пользу и поддерживали постоянно высокую цѣну на свои товары. Въ слѣдствіе этого и для нашихъ купцовъ оказалось необходимымъ основать компаніи, которыя противодѣйствовали бы китайскимъ ерузамъ. Такимъ образомъ составились въ Кяхтѣ шесть компаній: изъ купцовъ архангельскихъ, вологодскихъ, тульскихъ, тобольскихъ, иркутскихъ, казанскихъ и московскихъ. Въ 1800 г. компаніи выхлопотали у правительства положеніе, подобное тому, какое существуетъ для китайскихъ купцовъ. По этому положенію, просуществовавшему до 1854 г., торговля должна была быть мѣновою и безъ кредита съ той и другой стороны. Запрещенъ былъ вывозъ золотой и серебряной монеты, а также золота и серебра вообще.

Все дозволенное къ сбыту за границу, въ Китай, должно было свидѣтельствоваться таможней и храниться до размѣна въ особо для того устроенномъ въ торговой слободѣ гостиномъ дворѣ. Каждый годъ передъ расторжкой, въ общемъ собраніи торгующихъ, производилась избранными изъ среды ихъ же компаніонами, по представленнымъ образцамъ, разцѣнка, т. е. назначалась разнымъ русскимъ товарамъ цѣна, ниже которой они не могли быть проданы, и цѣна китайскимъ товарамъ, выше которой послѣдніе не могли быть вымѣниваемы.

Положеніе это, безспорно, имѣло свое значеніе, когда мѣна ограничивалась немногочисленными видами товаровъ, когда торгъ ограничивался почти исключительно промѣномъ сибирскаго пушнаго товара на золото, серебро, предметы роскоши и потомъ уже на *дабу*, бумажную матерію, въ которой явилась большая потребность при постепенномъ увеличеніи народонаселенія въ Сибири. Только сначала нынѣшняго столѣтія мы видимъ быстрое усиленіе потребленія чая. Оно-то и произвело переворотъ въ торговлѣ нашей съ Китаемъ. Такъ какъ пушной товаръ оказался недостаточнымъ для промѣна на требовавшійся въ огромномъ количествѣ чай, мы начали платить за него иностранными мануфактурными издѣліями, сукнами и плисомъ.

Мало того, не смотря на строгія запрещенія и наказанія, контрабандное золото шло въ придачу къ упомянутымъ товарамъ.

Мѣна почти не обходилась безъ золота и серебра, и многіе нажили большіе капиталы. Китайцы, у которыхъ поднялась значительно цѣнность на золото, охотно принимали наши полуимперіалы за 8 и 9 р., а рубль за 1 р. 80 коп. Безъ золота часто не соглашались вовсе брать товаровъ. Соперничество между кяхтинскими торговцами увеличилось. Чтобы не залежались товары, старались промѣнивать ихъ, какъ можно дешевле, давая контрабандное золото въ придачу. Отсюда происходило то странное явленіе, что сукно, купленное въ Москвѣ на фабрикахъ по 50 р. за половинку, продавалось въ Китаѣ, за 9,000 слишкомъ верстъ, по 41 р. 50 к. На чей же карманъ падалъ этотъ убытокъ? Конечно, на карманъ потребителей, а не купцовъ, которые вознаграждали себя, возвышая цѣну на чай.

«Кто чай пьетъ, говорятъ они, тотъ пускай и платитъ». Вслѣдствіе этого, правительство отмѣнило положеніе 1800 г. Сначала, въ 1854 г. дозволенъ провозъ золотыхъ вещей, а потомъ, въ слѣдующемъ году, и выпускъ золотой монеты черезъ Кяхту; притомъ предоставлено было торговать съ китайцами по вольнымъ цѣнамъ, безъ всякаго ограниченія какими-либо положеніями. Такія перемѣны, повидимому, должны были увеличить обороты, если бы тому не помѣшало открытіе китайскихъ портовъ для англичанъ, которые продавали китайцамъ свои мануфактурныя издѣлія дешевле русскихъ. Оттого съ 50-хъ годовъ торговля съ Китаемъ начала упадать, и, чтобы поддержать ее, правительство стало заключать торговые трактаты съ Китаемъ и дѣлать различныя распоряженія. Такъ, по тянцзинскому трактату (въ 1858 году) русскіе получили право торговать съ Китаемъ не только сухимъ путемъ, но и моремъ, во всѣхъ 9-ти портахъ, открытыхъ для иностранцевъ (преимущественно въ Шанхаѣ), а по пекинскому трактату (въ 1861 и 1862 г.) постановлено: торговлю съ обѣихъ сторонъ производить свободно, безъ ограниченій и безпош-

линно, исключая чая, подобно тому, какъ и прежде производилась чрезъ Кяхту. Запрещены къ вывозу въ Китай только слѣдующіе предметы: воинскіе снаряды, оружіе, порохъ и опіумъ. Изъ Китая же запрещено отпускать только хлѣбныя вина и водки.

Между тѣмъ чай къ намъ большею частію приходитъ изъ Китая и Шанхая моремъ (и поэтому называется кругосвѣтнымъ или кантонскимъ) на иностранныхъ корабляхъ, преимущественно англійскихъ. Въ видахъ поощренія кяхтинской торговли въ 1822 г. впускъ чая изъ Европы былъ запрещенъ, исключая одесскаго порто-франко. Но дешевизна кантонскаго чая и контрабанда уничтожили всякія преграды къ тайному распространенію его, и поэтому въ 1862 г. былъ разрѣшенъ правительствомъ свободный ввозъ въ русскіе порты и на сухопутную западную границу имперіи кругосвѣтнаго чая, съ уплатою пошлинъ, которыя значительно превышали пошлины, налагаемыя на кяхтинскій чай, такъ что, по расчету стоимости того и другаго чая въ Лондонѣ и въ Москвѣ, послѣдній долженъ былъ бы обходиться для русскихъ потребителей нѣсколько дешевле перваго *). Однакожъ, не смотря на это, какъ только

*) Въ 1861 г. назначены слѣдующія уменьшенныя противъ прежнихъ лѣтъ пошлины съ фунта: а) кяхтинскихъ и другихъ азіятскихъ чаевъ: 1) съ байховыхъ-цвѣточныхъ, черныхъ, зеленыхъ и желтыхъ по 40 к.; 2) байховыхъ торговыхъ по 15 к., а съ кирпичнаго чая 2 к., б) съ кантонскихъ такихъ же сортовъ по 60, 30 и 5 к.

Чтобы лучше видѣть все значеніе кяхтинской торговли и постепенное ея расширеніе, сравнимъ торговые обороты прежнихъ лѣтъ съ оборотами за послѣдніе годы. Кяхтинская торговля до начала нынѣшняго столѣтія преимущественно состояла въ промѣнѣ пушнаго товара на китайскія бумажныя и шелковыя издѣлія и предметы роскоши, какъ-то: фарфоровую посуду и драгоцѣнные камни. За единицу цѣнности принималась китайка. Чай когда еще не былъ въ большомъ употребленіи, такъ, до 1762 г., его вывозилось ежегодно только до 12,000 пуд.; въ 1800 же году число это возрасло до 70,000 пуд., и съ тѣхъ поръ русскіе товары стали разцѣниваться на чай. Съ этого же времени и китайскія мануфактурныя издѣлія стали терять свою цѣнность и вывозились въ Кяхту въ гораздо меньшемъ количествѣ противъ прежняго. Зато увеличился запросъ на сахаръ, ле-

на нижегородской ярмаркѣ приходится сталкиваться кяхтинскому чаю съ кантонскимъ, такъ послѣдній всегда беретъ перевѣсъ надъ первымъ.

Въ Кяхту чай привозится преимущественно изъ двухъ китайскихъ округовъ: изъ приморской провинціи *Фу-цзянъ*, которую русскіе обыкновенно называютъ *Фу-чанъ*, а западные европейцы — *фу-кіанъ*, лежащей противъ острова Формозы, и изъ центральныхъ провинцій *Ху-нанъ* и *Ху-бе*, находящихся къ западу отъ первой. Цвѣточный чай весь идетъ изъ Фу-цзяна, черный, зеленый и желтый большею частію привозится изъ Ху-нани и изъ Ху-бе. Изъ Ху-бе идетъ также *кирпичный чай*. Это самый низкій сортъ. Названіе свое онъ получилъ отъ формы, въ видѣ четыреугольныхъ плитокъ, похожихъ на кирпичи, въ которые сплочиваютъ разные плохіе листья осенняго сбора. Главное складочное мѣсто всѣхъ чаевъ, идущихъ въ Кяхту, и русскихъ и иностранныхъ товаровъ, вывозимыхъ изъ Кяхты,— городъ *Джанъ-дзи-кхао*, называемый русскими Калганъ и лежащій по великой стѣнѣ, на дорогѣ изъ Пекина въ Кяхту. Фуцзянскій чай привозится сначала моремъ въ *Тянь-дзинъ*, а потомъ, частію моремъ, частію на вьючныхъ мулахъ или верблюдахъ, въ Калганъ. Хунанскіе и Хубескіе чаи направляются туда же, но не моремъ, а везутся отъ 2,000 до 3,000 верстъ,

---

денецъ, котораго вывозилось (въ 1810 г.) до 100,000 пуд. Въ Китай же отправлялось много русскихъ и иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, преимущественно суконъ и плисовъ. Но съ 30-хъ годовъ, когда начали эти товары привозить въ Кантонъ англичане, запросъ на нихъ въ Кяхтѣ сталъ упадать, и въ 40-хъ годахъ трудно было уже произвести промѣнъ безъ золота и серебра. Только пушной товаръ по-прежнему составлялъ главную цѣнность всего промѣна. Въ 1830 г. цѣнность чая уже составляла 90% цѣнности всего вымѣна, а остальные товары только 10%, въ томъ числѣ мануфактурные около 8%. Съ 1847 по 1851 г. весь товаръ по кяхтинской торговлѣ простирался въ сложности до 31,058,844 р. сер., а привозъ однихъ чаевъ до 29,534,733 р. сер., т. е. до 95% всего привоза. Въ промежутокъ отъ 1851 до 1860 г. чаю ежегодно привозилось чрезъ Кяхту до 845,000 слишкомъ пудовъ на 6,206,000 руб. слишкомъ, въ 1863 же году 413,073 пуда на 7,682,482 руб.

частію рѣками, частію сухимъ путемъ на мулахъ, быкахъ, а въ горныхъ ущельяхъ весьма часто переносятся людьми на коромыслахъ, по два *мѣста* на человѣка *). Въ Калганѣ исправляютъ разбитые ящики, подцвѣчиваютъ чай *верховикомъ* **) изъ фу-цзянскаго цвѣточнаго чая, мѣшаютъ разные сорты чая и дѣлаютъ надписи на цибикахъ; этою работою, какъ говорятъ, занимаются въ Калганѣ до 800 человѣкъ. Изъ Калгана чаи доставляются въ Маймачинъ, большею частію, на верблюдахъ и только незначительное количество на быкахъ. Чаи эти преимущественно перевозятся съ сентября до іюня; лѣтомъ же чаи въ Маймачинъ не приходятъ, частію потому, что верблюды въ концѣ марта начинаютъ линять и въ началѣ іюня теряютъ совсѣмъ шерсть и дѣлаются слабыми во все лѣто, а частью потому, что при плохой китайской укупоркѣ, чай портился бы отъ дождей. Чайная укупорка состоитъ только въ томъ, что цибики байховаго чая заворачиваются въ толстую шерстяную ткань, а цибики кирпичнаго — въ войлокъ. Въ Кяхтѣ уже опять укупориваютъ покрѣпче и зашиваютъ цибики ширью.

Прежде, до пятидесятыхъ годовъ, чаи отправлялись изъ Кяхты въ Россію преимущественно въ первые три и въ послѣдніе четыре мѣсяца года. Но съ увеличеніемъ запроса на чай и съ расширеніемъ кяхтинской торговли, московскіе запасы, состоявшіе изъ чаевъ, отправленныхъ въ первые три мѣсяца быстро истощались: изъ Москвы и другихъ городовъ требовали отправки новыхъ транспортовъ; вслѣдствіе этого, прежняя зимняя расторжка потеряла свое значеніе. Чаи начали вымѣниваться и отправляться въ Москву изъ Кяхты съ декабря

---

*) Мѣстомъ или цибикомъ называются ящики съ чаемъ, обыкновенно около 90 фунтовъ, или немного больше, а иногда и меньше, смотря по вѣсу укупорки. Мѣста бываютъ *квадратныя*, т. е. имѣющія кубическую форму и *неквадратныя*, т. е. имѣющія форму параллелепипеда. Черные чаи укладываются большею частію въ первыя, а цвѣточные — во вторыя.

**) Къ верхнему слою каждаго мѣста чернаго торговаго чая подмѣшано небольшое количество сухихъ чайныхъ лиственныхъ почекъ, и этотъ слой называется верховикомъ.

до февраля и съ мая до 15-го іюня. Съ этого времени отправки изъ Кяхты обыкновенно прекращаются, и русскіе товары начинаютъ идти изъ Москвы на нижегородскую ярмарку, откуда они въ Кяхту отправляются во второй половинѣ августа. Изъ Ирбита отправки русскихъ товаровъ продолжаются весь февраль.

Отправка товаровъ въ Кяхту и привозъ оттуда чаевъ обходится очень дорого. Это происходитъ вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ дорогъ, удобныхъ водяныхъ путей сообщенія и необыкновеннаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и съѣстные припасы. Заработная и въ особенности провозная плата въ послѣдніе годы сдѣлалась чуть ли не въ 10 разъ дороже противу прежнихъ лѣтъ. Такъ, 20 лѣтъ тому назадъ обыкновенному работнику или ямщику платили отъ 30 до 40 р. асс. въ годъ; пять лѣтъ назадъ эта плата доходила до 40 р. сер., а нынѣ въ Восточной Сибири она возвысилась до 80 и даже 100 р. сер. Вслѣдствіе этихъ и другихъ невыгодныхъ для правильной торговли обстоятельствъ, доставка одного мѣста чая въ Москву чрезъ Кяхту нашимъ купцамъ обходилась около 5 р. сер. дороже, чѣмъ провозъ таковаго же мѣста кругомъ свѣта. Принявъ притомъ въ соображеніе, что западные европейцы пріобрѣтаютъ чай въ провинціи Фу-цзянской и въ Шанхаѣ выгоднѣе, чѣмъ русскіе въ Маймачень, можно предвидѣть, что кяхтинской торговлѣ, въ скоромъ времени, будетъ очень трудно конкурировать съ кругосвѣтною, если европейская Россія не соединится съ Сибирью болѣе удобными путями сообщенія.

15. Амуръ.

Рѣка Амуръ, Амурскій край, амурскіе казаки, переселенцы, торговля — все это предметы болѣе или менѣе знакомые, не разъ бросавшіеся въ глаза читателю. И неудивительно: громадная рѣка, въ широтахъ, доступныхъ разнообразному земледѣльческому труду и плотному народонаселенію, сообщаетъ

внутреннюю Сибирь съ океаномъ. Этотъ край, богатый лѣсомъ, каменнымъ углемъ, золотомъ и другими естественными дарами природы, изобилуетъ прекрасными гаванями и морскими промыслами. Онъ находится въ сосѣдствѣ съ Китаемъ и Японіею, о чрезвычайномъ богатствѣ которыхъ издавна вкоренилось въ Европѣ понятіе. Это богатство въ настоящее время служитъ предметомъ торговыхъ стремленій всѣхъ приморскихъ странъ земнаго шара. Такой край можетъ возбудить къ себѣ самое живое участіе, можетъ заинтересовать каждаго.

Рѣка Амуръ образуется у Усть-Стрѣлки изъ сліянія двухъ сибирскихъ рѣкъ: Шилки и Аргуни, и отъ самаго своего начала кажется не весьма большой рѣкой, потому что не имѣетъ вблизи большихъ притоковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣснена горами, идущими отъ большаго Хинганскаго хребта. Отсюда Амуръ, до впаденія въ него съ правой стороны рѣки Усури, составляетъ русско-китайскую границу на протяженіи 2,200 верстъ. Отъ устья Усури граница поворачиваетъ на югъ по этому притоку, такъ что устье Амура остается въ русскихъ предѣлахъ. Устье р. Усури можетъ считаться центромъ всего Амурскаго края, потому что отсюда идутъ прекрасные водные пути на югъ—по Усури, на западъ и востокъ—по Амуру. На пути своемъ къ сѣверовостоку, Амуръ встрѣчаетъ невысокій приморскій хребетъ, тянущійся съ сѣвера на югъ, вдоль всего манджурскаго берега. При устьѣ Амуръ образуетъ мелководный лиманъ. Прямо противъ лимана расположенъ о. Сахалинъ, который мѣшаетъ Амуру влить свои воды въ открытое море, и лиманъ раздѣляется на два рукава: сѣверный выходитъ въ Охотское море, а южный — въ Японское, или Татарское (нынѣ Русское море).

Отъ Стрѣлки до Хинганга берега Амура имѣютъ степной характеръ. Онъ протекаетъ между низменными, песчаными, глинистыми берегами, покрытыми громадными пастбищами, а мѣстами кустарникомъ и небольшимъ перелѣскомъ. Однимъ словомъ, эта часть Амура имѣетъ довольно однообразный видъ, нелишенный, впрочемъ, пріятности, особенно при хорошей по-

годѣ. Отъ Хингана до устья большаго праваго притока Сунгари, идущаго въ китайскихъ границахъ, берега Амура имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Здѣсь рѣка съ большой быстротой, прорываясь на разстояніи 200 верстъ между громадными скалами и отрогами небольшихъ хребтовъ, представляетъ очень красивый видъ и по богатству и разнообразію растительной природы можетъ считаться исключительной мѣстностью по всему теченію Амура. Ниже у Сунгари по обѣ стороны рѣки тянется сплошной, густой, непроходимый, мѣстами гніющій лѣсъ. Въ особенности эта масса лѣса поразительна отъ впаденія р. Усури до устья Амура, — куда ни взглянешь, низменность ли это, гора ли, островъ — все лѣсъ, безконечный, однообразный лѣсъ. Здѣсь положительно можно сказать, что для того, чтобы ступить на берегъ, непремѣнно надо рубить этотъ лѣсъ. Это однообразіе лѣснаго Амура болѣе утомительно, нежели однообразіе степнаго Амура и вовсе непривлекательно, хотя самая рѣка здѣсь образуетъ громадный по ширинѣ разливъ (мѣстами до 15-ти верстъ), покрытый наносными островами. Такимъ образомъ все теченіе Амура можно раздѣлить по характеру природы на три мѣстности: степную, гористую и лѣсистую.

Къ Амурскому краю слѣдуетъ отнести также островъ Сахалинъ, берега Восточнаго Океана до самой корейской границы и обширный Усурійскій край, занимающій пространство между Амуромъ, Усури и Восточнымъ Океаномъ. Этотъ край представляетъ долину довольно возвышенную и потому удобную къ заселенію. Съ пріобрѣтеніемъ этого края, во власть Россіи перешли чрезвычайно важные, по своимъ удобствамъ, порты Восточнаго Океана: Посьета, Брюсовская бухта, Владивостокъ, бухта св. Ольги и другіе.

Большой островъ Сахалинъ, изобилующій громадными копями каменнаго угля, какъ было уже замѣчено выше, расположенъ прямо противъ устья Амура. Этотъ островъ состоитъ изъ горной цѣпи, непредставляющей большихъ высотъ и тянущейся по всему острову съ сѣвера на югъ. Южная часть Са-

халина богата доступными долинами, съ прекрасными лугами, дающими средства къ обширному скотоводству, между тѣмъ какъ сѣверная часть острова покрыта сплошнымъ лѣсомъ и представляетъ непроходимую тайгу — дикую лѣсную чащу.

Весь Амурскій край занимаетъ болѣе 20 т. кв. геогр. миль. На такомъ громадномъ пространствѣ, конечно, не можетъ быть климатическаго однообразія. Сѣверная часть Амурскаго края, лежащая по верхнему и нижнему теченію рѣки, представляетъ область чрезвычайно суровую. Продолжительная зима, огромные снѣга, жестокіе морозы, повсемѣстная, сплошная чаща лѣсовъ, отсутствіе всякой обработки — вотъ причины этой суровости. Всего болѣе отличается суровостью окрестность Амурскаго лимана, гдѣ зима продолжается около 8 мѣсяцевъ, и гдѣ въ продолженіе всего іюня чувствуется вліяніе пловучихъ льдовъ Охотскаго моря, а иногда показывается и самый ледъ, сгоняемый вѣтрами къ сѣверному фарватеру лимана. Лѣтомъ хотя солнце иногда жжетъ сильно, но общая суровость, туманы и дожди при сильныхъ, холодныхъ вѣтрахъ съ моря значительно сокращаютъ число хорошихъ дней.

Средина Амура, его южная часть, гдѣ впадаютъ Сунгари и Усури, самая рѣка Усури, — всѣ эти мѣстности, какъ имѣющія нѣкоторую обработку (въ особенности на китайской сторонѣ) и лежащія въ болѣе благопріятномъ поясѣ, значительно разнятся въ теплѣ и короткости зимняго времени съ сѣверною частью Амура. Лѣто здѣсь очень жаркое; но знойные дни, частые туманы, очень росистыя ночи, и множество комаровъ и мошекъ дѣлаютъ здѣсь это время года несноснымъ. Самымъ же лучшимъ климатомъ пользуется взморье Великаго Океана, гдѣ море умѣряетъ какъ лѣтній жаръ, такъ и зимній холодъ.

Объ естественныхъ богатствахъ Амурскаго края далеко разнеслась молва по Россіи и за границей, и описанія его появились даже въ Америкѣ. Безспорно, весь Амурскій край представляется богатою страною, легко доступной воздѣлыванію на всемъ протяженіи. Земледѣліе здѣсь можетъ быть безъ особенныхъ усилій водворено всюду. Верховья Усури, лежащія

на горахъ, даютъ роскошныя пастбища (солончаки) для овцеводства, а обширныя степи верхняго Амура очень удобны къ разведенію крупнаго рогатаго скота и лошадей. Безконечные лѣса, содержащіе въ сѣверной части ель, лиственницу, сосну, кедръ, березу, а на югѣ дубъ, ясень, орѣхъ, тополь, акацію и другія породы — также важные источники народнаго богатства. На среднемъ Амурѣ и по всей рѣкѣ Усури легко можетъ быть водворено самое разнообразное садоводство, хотя для виноградниковъ большое препятствіе въ суровости зимнихъ холодовъ. Въ верховьяхъ Усури бѣглые китайцы занимаются съ успѣхомъ издавна разработкой плантацій лекарственнаго корня *женьшеня*, очень цѣнимаго въ Китаѣ и служащаго въ настоящее время предметомъ выгодной торговли. Тамъ же растетъ особый кустарникъ, листья котораго употребляются туземцами, какъ чай. Весь островъ Сахалинъ представляетъ какъ бы сплошную массу каменнаго угля, который въ сѣверной части острова кажется еще недозрѣлымъ лигнитомъ, но южнѣе, при черномъ, блестящемъ цвѣтѣ, крѣпости и отличной горючести можетъ служить прекраснымъ топливомъ для паровыхъ судовъ и для различныхъ заводскихъ перегонокъ. На рѣкѣ Сучанѣ, впадающей въ заливъ Америки, издавна туземцы промываютъ золото. Также золото замѣчено на рѣкѣ Зеѣ, впадающей въ Амуръ. Вся водная система Амура и все поморье содержитъ разнообразное множество рыбъ, могущихъ служить богатымъ источникомъ какъ для внутренняго продовольствія, такъ и для сбыта за границу, въ особенности въ Японію и Китай. Звѣриный промыселъ доставляетъ очень прибыльное занятіе для туземныхъ племенъ. Кромѣ другихъ мѣховъ, они ежегодно перепродаютъ манджурскимъ купцамъ до 20 т. соболей, до 15 т. вывозится въ Иркутскъ и столько же въ Америку. Въ Амурскомъ краѣ много также медвѣдей, которые отличаются отъ сибирскихъ своею скромностью и вовсе неопасны. Самые хищные и опасные звѣри здѣсь тигры, которые сначала дѣлали большія опустошенія, даже близъ селеній, но ихъ начали бить облавами и теперь, какъ замѣтно, звѣрь этотъ отдалился. Наконецъ, сосѣднее Охотское море сла-

вится прибыльнымъ китовымъ промысломъ, и этимъ предметомъ занято ежегодно до 200 китобойныхъ судовъ иностраннаго флага. Киты показываются даже въ Японскомъ морѣ, у нашихъ южныхъ гаваней. Кромѣ того, Амурскій край обладаетъ хорошими водяными путями сообщенія, которые обѣщаютъ въ будущемъ развитіе какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли.

Въ административномъ отношеніи Амурскій край раздѣляется на двѣ области: Амурскую и Приморскую.

Амурская область занимаетъ верхній Амуръ, отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни до впаденія въ Амуръ р. Усури, и заключаетъ въ себѣ системы важныхъ притоковъ Амура, Зеи и Буреи. Центръ управленія этой области находится на устьѣ р. Зеи, въ городѣ Благовѣщенскѣ. Новый городъ состоитъ изъ немногихъ вытянутыхъ въ линію бревенчатыхъ домиковъ, принадлежащихъ, по большей части, казнѣ. Благовѣщенскъ есть собственно управленіе казачьихъ станицъ, расположенныхъ на пространствѣ болѣе 2 т. верстъ по лѣвому берегу Амура и составляющихъ зимніе почтовые перегоны. Благовѣщенскъ невеликъ, безжизненъ, съ казенной наружностью и до крайности скученъ. Замѣчательно, что онъ никогда не терпитъ нужды въ продовольствіи; здѣсь всѣ жизненныя потребности дешевы, по-амурски хороши и въ изобиліи.

Часть этой области населяютъ самые трудолюбивые и самые дѣятельные поселенцы—молоканы (секта раскольниковъ). Затѣмъ по всей области кочуетъ одинокими семьями много дикихъ племенъ, изъ которыхъ самое многочисленное — орочане, живущіе въ берестовыхъ шалашахъ и питающіеся преимущественно берестой.

Амурская область отдѣлена отъ Китая теченіемъ р. Амура. Китайская сторона мѣстами заселена болѣе русскаго берега, а по теченію р. Сунгари представляется уже достаточно населенною. Жители этой страны состоятъ изъ манджуровъ и ссыльныхъ китайцевъ. Китайцы, по преимуществу, земледѣльцы, и хозяйство ихъ очень развито. Манджуры несутъ военную службу, содержатъ пограничные посты по Амуру и Усури, занимаются

скотоводствомъ и, разъѣзжая по всему краю и въ нашихъ владѣніяхъ, ведутъ торговлю съ туземными племенами. Они выменяваютъ отъ нихъ мѣха на крупу, дабу *) и на другія произведенія своей страны. Ихъ можно видѣть даже въ Николаевскѣ, расхаживающими по улицамъ со связками соболей. На рынокъ въ Благовѣщенскъ они привозятъ различный хлѣбъ, овощи, овесъ, живность, сурепное масло и рогатый скотъ въ изобиліи. Все это продаютъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, за наличныя деньги, на серебро и бумажки; послѣднія цѣнятъ, впрочемъ, на половину противъ серебра.

Приморскую область составляетъ нижняя, лѣсистая часть Амура отъ впаденія р. Усури, долина р. Усури и весь поморскій берегъ съ островомъ Сахалиномъ. Къ Приморской области принадлежатъ также: Охотское побережье, Камчатка и Курильскіе острова. Центромъ управленія этой чрезвычайно большой области служитъ городъ Николаевскъ, при устьѣ р. Амура. Поэтому Николаевскъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, военный и коммерскій портъ.

Почти все населеніе этой области составляютъ гиляки, живущіе по нѣскольку семей, деревнями. Они издавна ведутъ торговыя сношенія съ манджурами, носятъ косы и манджурскій покрой одежды, сохраняютъ нѣкоторые манджурскіе обычаи и въ былое время, до появленія русскихъ на Амурѣ, платили манджурамъ дань, въ видѣ подарковъ, соболями. Гилякъ зимой одѣтъ очень нарядно, въ двойную шкуру оленя или въ сивучью; но не рѣдкость встрѣтить его въ этомъ нарядѣ и лѣтомъ, за исключеніемъ теплой шапки, которая замѣняется низкимъ берестянымъ конусомъ, но чаще съ открытой головой. Между гиляками часто трудно отличить съ перваго взгляда женщину отъ мужчины: и костюмъ, и волосы, и лице — все одинаково. Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ косы и проборъ посерединѣ; въ ушахъ, а иногда и въ носу кольца. Избы или юрты строятъ изъ тонкихъ бревенъ, большія, съ низкой крышей,

*) Синяя бумажная матерія, родъ миткаля.

безъ половъ и потолковъ, съ нарами вокругъ, подъ которыми проводятъ дымъ отъ очага, расположеннаго среди избы. Окна открыты для вѣтра и заколачиваются на зиму, чѣмъ попало. Гиляки чрезвычайно грязны, никогда не моются, всѣ пропитаны запахомъ рыбы и держатъ множество собакъ, которыя тутъ же въ юртѣ. Онѣ составляютъ въ бытъ гиляка необходимость: замѣняютъ лошадей, а во время голода и пищу, неуловѣ рыбы, и пищу. Семейныя и общественныя отношенія ихъ очень легки и непрочны. Взрослый гилякъ не признаетъ ни чьей власти, покупаетъ женъ, сколько можетъ, за мѣха и разную утварь, разсчитывая на ихъ работу, а бѣдный крадетъ женъ и каждый живетъ своимъ домомъ. Часто они имѣютъ по двѣ и по три юрты въ разныхъ селеніяхъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ одна отъ другой. Здѣсь они оставляютъ своихъ женъ, а сами отправляются странствовать зимой на лыжахъ и въ нартахъ на собакахъ по лѣсамъ за пушнымъ звѣремъ, а лѣтомъ въ легкихъ лодкахъ, по взморью, за рыбой, которая составляетъ главную ихъ пищу. Гиляки—это армяне здѣшняго края, народъ торговый, проворный, предпріимчивый. Они ведутъ съ туземцами и съ живущими на югѣ острова Сахалина японцами и айнами дѣятельную торговлю, вымѣнивая имъ на дабу, табакъ и различныя вещи свои звѣриныя шкуры и рыбу. Племя это теперь немногочисленно, и гиляковъ можно считать на всю Приморскую область не болѣе 7 тысячъ человѣкъ. По всей вѣроятности, племя это не увеличится, а, напротивъ, съ притокомъ большаго числа переселенцевъ исчезнетъ окончательно, вымретъ или смѣшается съ новымъ населеніемъ. И теперь уже гиляки охотно желаютъ быть русскими, т. е. жить по-русски.

Кромѣ коренныхъ, частію кочующихъ, частію осѣдлыхъ обитателей Амурскаго края, половину его населенія составляютъ русскіе переселенцы. Всѣхъ переселенцевъ Амурскаго края можно раздѣлить собственно на три категоріи: переселенцевъ-чиновниковъ, занимающихъ разныя служебныя должности въ краѣ, переселенцевъ-казаковъ и переселенцевъ-хлѣбопашцевъ.

Амурскіе казаки формированы изъ забайкальскихъ горно-

заводскихъ крестьянъ. Живутъ они преимущественно въ станицахъ. Эти станицы состоятъ изъ бревенчатыхъ домиковъ одинаковой наружности, вытянутыхъ вдоль берега. Впереди къ рѣкѣ — бани и огороды, сзади — поля, лѣсокъ, мельница. Стекла въ хижинахъ замѣняются множествомъ битыхъ осколковъ, обложенныхъ въ березовую кору и составляющихъ иногда очень оригинальные узоры, въ видѣ звѣздъ, птицъ и т. п. Эти узорчатыя стекла не даютъ достаточно свѣта въ избахъ. Во многихъ станицахъ есть церкви, а въ нѣкоторыхъ заводятъ и школы. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ и несутъ вмѣстѣ съ тѣмъ военную пограничную службу. По разсказамъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ этихъ казаковъ, отличительной чертой ихъ служитъ лѣность и грубость. Въ дѣлѣ хозяйства они очень непредпріимчивы. Только благодаря дѣятельной заботливости и мѣрамъ мѣстнаго начальства, хлѣбъ снимается въ достаточномъ количествѣ на продовольствіе. У нихъ съ успѣхомъ разводятся разные сорты хлѣба, овесъ и овощи. Замѣчательно, что тамъ, гдѣ живутъ казаки, нѣтъ ни одного посаженнаго деревца. Только въ Благовѣщенскѣ разводится садъ при домѣ военнаго губернатора, да еще въ трехъ или четырехъ станицахъ есть палисадники у домовъ начальствующихъ лицъ. Это можно приписать только или лѣности обитателей, или непривычкѣ сибиряка, по суровости климата, украшать свои жилища садами и цвѣтниками.

Хлѣбопашцы были переселены на Амуръ правительствомъ два раза: въ 1855 г. изъ Сибири и въ 1860 г. изъ губерній: Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской. Первые поселены на Амурѣ отъ его устья до озера Кызи, а вторые, въ числѣ 300 семействъ, отъ озера Кызи до устья р. Усури. Крестьянѣ, живущіе у устья Амура, устроились въ настоящее время довольно прочно, живутъ зажиточно и промышляютъ своими сельскими произведеніями, рыбной ловлей, почтовымъ гономъ и поденной работой въ Николаевскѣ. Хлѣбъ сѣютъ и довольно успѣшно, но немного, такъ что прикупаютъ изъ казенныхъ магазиновъ. Наибольшія средства къ заработкамъ имѣетъ

ближайшее къ городу селеніе, Сергіевское, въ семи верстахъ отъ Николаевска. Здѣсь ни одинъ качанъ капусты, ни одна крынка молока не пропадаютъ даромъ — все продается въ городъ. Кромѣ того, крестьяне этого селенія поставляютъ въ городъ сѣно, дрова и участвуютъ въ выгрузкѣ коммерческихъ судовъ, но зато хлѣбопашество у нихъ сравнительно хуже, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ.

Переселенцы 1860 года находятся въ настоящее время въ незавидномъ положеніи. И неудивительно: люди эти пришли за 10 тысячъ верстъ, были въ дорогѣ почти два года, заняли лѣсную почву, которая никогда не знала плуга и порасла вплотную кореньями. Всякій согласится, что благополучіе этихъ крестьянъ сопряжено съ продолжительнымъ тяжкимъ трудомъ, подвержено на первое время множеству различныхъ мѣстныхъ случайностей, часто непредвидимыхъ и неотвратимыхъ. Прибывъ на мѣсто осенью, они не успѣли осмотрѣться и приготовиться должнымъ образомъ къ суровой амурской зимѣ; поэтому переболѣли всѣ отъ лихорадокъ и другихъ простудныхъ болѣзней. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ показались даже тифозныя горячки. Плохое, позднее заготовленіе сѣна отняло у нихъ много скота. Слѣдующимъ лѣтомъ 1861 г. необыкновенно большое полноводіе унесло все, вновь заготовленное сѣно, и отъ недостатка кормовъ весь скотъ переколѣлъ окончательно. Правительство снабдило ихъ новымъ скотомъ, дало въ ссуду хлѣбъ и деньги, и они немного поправились. Огороды во всѣхъ деревняхъ хороши и уже достаточно снабжаютъ зеленью пароходы, идущіе по Амуру.

Торговля въ Амурскомъ краѣ началась тотчасъ же, какъ только начались первые сплавы по Амуру. Предметы этой торговли заключались сначала въ жизненныхъ припасахъ и разныхъ товарахъ, необходимыхъ для потребленія переселенцевъ. Потомъ стали входить товары для гольцовъ, гиляковъ и манжуръ, какъ-то сукна, плисы и прочія грубыя, но прочныя ткани. Наконецъ, вошли въ амурскую торговлю товары американскіе, а затѣмъ пошли уже и предметы роскоши: фрукты,

табакъ, сигары, вина, сахаръ и проч. Торговлею этими предметами заправляютъ преимущественно американцы. Другая важная статья торговли — мѣха — находится почти вся въ рукахъ гиляковъ, а они въ рукахъ китайцевъ, торгующихъ на Амурѣ и Усури. Китайцы, издавна знакомые съ этимъ народомъ, имѣя съ нимъ личные разсчеты, зная его потребности, размѣстились по всѣмъ устьямъ рѣчекъ, гдѣ проходятъ промышленики, снабжаютъ ихъ благовременно съѣстными припасами, и потомъ обираютъ ихъ промыселъ, давая имъ и деньги, и разные предметы, купленные у русскихъ. Собранныхъ же соболей продаютъ партіями русскимъ и вырученное за нихъ серебро отправляютъ внутрь Китая. Конечно, въ послѣдніе годы гиляки поняли свое положеніе и начали сближаться съ русскими. Со временемъ эта торговля перейдетъ въ руки русскихъ; но это еще въ будущемъ. Въ настоящее же время международная торговля обозначилась только въ Благовѣщенскѣ, гдѣ наши торговцы закупаютъ отъ китайцевъ и манджуровъ хлѣба разныхъ сортовъ, рогатый скотъ и все это сплавляютъ по Амуру въ Николаевскъ. Здѣсь они распродаютъ большею частію перекупщикамъ, ибо мѣстные потребители никакъ не могутъ сдѣлать большаго запаса и купить во время приплава всего, что для нихъ необходимо нужно. Они покупаютъ потомъ, по мѣрѣ надобности, у мѣстныхъ торговцевъ, чѣмъ послѣдніе пользуются и берутъ съ потребителей непомѣрную цѣну.

Отпускъ за границу нашихъ продуктовъ съ Амура еще не начинался, исключая развѣ небольшаго количества мелкаго лѣса для подѣлокъ. Поэтому и корабли идутъ въ Николаевскъ неохотно, какъ потому, что отъ насъ нечего вывести, такъ главнымъ образомъ потому, что по лиману могутъ ходить суда, сидящія въ водѣ на глубинѣ не менѣе 18 фут. Если ко всему этому прибавить еще, что лиманъ и устье Амура находятся подъ льдомъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, то на заграничную торговлю чрезъ Николаевскъ разсчитывать очень трудно. Если Амурскій край и воспользуется когда-нибудь морской торговлей, то это можетъ быть только чрезъ Владивостокъ, гдѣ бухта до того

удобна, что мало найдется подобныхъ въ другомъ мѣстѣ. Покрывается она льдомъ только на три мѣсяца, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ не держится и одного мѣсяца. Вывозъ изъ Владивостока можетъ состоять изъ каменнаго угля, котораго открыто много, и есть большія неоткрытыя залежи. Здѣсь также можетъ быть введена торговля мелкимъ лѣсомъ и рогатымъ скотомъ, который всегда можно пріобрѣтать чрезъ Манджурію, не говоря уже о тѣхъ продуктахъ, которые могутъ быть доставляемы сюда изъ Сибири, Забайкалья и Амура.

Главнымъ пунктомъ амурской торговли въ настоящемъ ея видѣ служитъ Николаевскъ, который, по своей оригинальности, стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ нѣсколько ближе.

Николаевскъ стоитъ на устьѣ Амура. На него со всѣхъ сторонъ напираетъ сплошной лѣсъ, сначала зеленѣющій, потомъ синею массою всходящій на высокія дальнія горы. Николаевскъ имѣетъ пристань, которая представляетъ не животрепещущіе мостики, не временную, а основательную постройку. Чтобы отсюда попасть въ самый городъ, надо подняться по деревянной лѣстницѣ на гору. Предъ вами гауптвахта и довольно большое пустое мѣсто—площадь, но площадью его можно назвать только тогда, когда по немъ можно будетъ ходить безопасно. Николаевскіе жители называютъ это мѣсто *Plazza del'pnelli*, производя послѣднее слово отъ пней, разбросанныхъ по всей площади въ картинномъ безпорядкѣ. Съ площади идетъ, параллельно рѣкѣ, главная улица, чистая, съ деревянными мостками съ одной стороны, такъ что по ней можно гулять съ нѣкоторымъ комфортомъ. Кромѣ линейныхъ солдатъ, на улицѣ встрѣчаются здоровые мужики, попавшіе сюда «волею случая». На лицахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, пожалуй, разсмотрите клеймо, тщательно скрываемое спадающими на лобъ волосами. Всѣ они кланяются очень почтительно. Прекрасный полъ простонародія принадлежитъ къ этому же почтенному сословію, называемому здѣсь варнаками и варначками. Третье примѣчательное мѣсто Николаевска — другое пустое пространство, будущая площадь, среди которой возвышается деревянный пятиглавый соборъ.

Противъ него присутственныя мѣста и американскій клубъ. Частные домы всѣ болѣе или менѣе похожи одинъ на другой. Рѣзко отличаются между ними красивыя зданія американскихъ негоціантовъ, составляющихъ одинъ изъ главныхъ элементовъ николаевской жизни. Экипажей въ Николаевскѣ нѣтъ; но часто послышится вдругъ звукъ бубенчиковъ: сердце забьется, почудится Богъ знаетъ что, что-то безотчетное, что-то родное. Но скоро разочаровываешься, увидя передъ собою только бочку съ водою, бойко скачущую мимо. На иномъ дворѣ остановишься передъ нѣсколькими отдыхающими оленями съ истертыми спинами отъ уродливыхъ и безпокойныхъ сѣделъ. При нихъ семья тунгузовъ, костюмы которыхъ бросаются въ глаза своею пестротою. По мосткамъ иногда пройдется николаевская аристократка, шумя своимъ шелковымъ платьемъ; пробѣжитъ чиновникъ съ выраженіемъ самодовольства на выбритомъ лицѣ; раскланяется съ вами незнакомый вамъ мелкій чиновникъ, неустоявшій противъ искушенія поклониться новому лицу; выглянетъ изъ окна любопытная головка узнать, кого это еще занесло сюда. Короче сказать, здѣсь уже многое напоминаетъ вамъ родную Русь.

Заключивъ этимъ описаніе Амурскаго края въ настоящемъ его видѣ, остается прибавить, что всѣ выгоды отъ пріобрѣтенія этого края обнаружатся и оцѣнятся по своему достоинству только впослѣдствіи.

16. Туркестанъ.

Занятіе нашими войсками обширной, недавно образованной Туркестанской области произошло почти совершенно случайно. Подвигаясь съ двухъ противоположныхъ сторонъ отъ Семипалатинска и Оренбурга на югъ, въ киргизскія степи, и подчиняя своей власти кочующихъ тамъ киргизовъ, русскіе проникли въ самую глубь Средней Азіи и достигли своими укрѣпленіями, съ одной стороны, до снѣжныхъ вершинъ Тянь-

Шаня, съ другой до нижняго теченія Сыръ-Дарьи. Затѣмъ между крайнимъ пунктомъ сибирской линіи (укр. Вѣрное) и крайнимъ укрѣпленіемъ оренбургской линіи (фортъ Джулекъ), на пространствѣ 800 верстъ, оставалась незанятою нами граница, на которой не было ни одного укрѣпленія, ни одного военнаго поста. Такое необыкновенное состояніе границы чрезвычайно вредило нашей торговлѣ въ Средней Азіи. Купеческіе караваны очень часто подвергались безнаказаннымъ набѣгамъ коканцевъ и киргизовъ. Надобно было положить конецъ набѣгамъ и обезпечить торговлю. Съ цѣлью соединить сибирскую пограничную линію съ оренбургскою, весною 1864 г. посланъ былъ изъ Западной Сибири небольшой отрядъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Черняева. Въ скоромъ времени, генералъ Черняевъ взялъ городъ Чемкентъ, а въ слѣдующемъ 1865 году, не смотря на незначительность нашихъ силъ, завладѣлъ Ташкентомъ — центромъ средне-азіятской торговли. Между тѣмъ, бухарскій эмиръ, желая воспользоваться смутами, которыя произошли въ Коканѣ, по случаю вторженія туда русскихъ войскъ, и расширить свои владѣнія, во время осады Ташкента ввелъ въ него незначительный отрядъ своихъ войскъ и, по взятіи города, угрожалъ поднять на насъ всѣ магометанскіе народы Средней Азіи, если мы не очистимъ Ташкента. Генералъ Черняевъ сначала не обращалъ никакого вниманія на угрозы эмира, но когда тотъ, собравши изъ подвластныхъ ему народовъ огромное войско, вздумалъ занять Ходжентъ, тогда онъ рѣшился послать къ нему трехъ чиновниковъ съ требованіемъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ. Эмиръ задержалъ нашихъ пословъ и, не вступая съ ними ни въ какіе переговоры, продолжалъ собирать войска. Когда же выведенный изъ терпѣнія Черняевъ предпринялъ наступательныя дѣйствія, эмиръ испугался и выразилъ желаніе исполнить наши требованія. Впрочемъ, онъ вовсе не желалъ сдержать своего слова и хотѣлъ оттянуть только время; окончивши свои приготовленія, онъ сталъ наступать на Чемкентъ и Ташкентъ. Тогда замѣнившій Черняева генералъ Романовскій перешелъ съ своимъ отрядомъ на

лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи и, остановившись у развалинъ Мурза-Рабатъ, сталъ выжидать нападенія бухарцевъ. Черезъ самое короткое время, показались впереди развалинъ большія толпы всадниковъ. Это была кавалерія подвластныхъ Бухаріи джузакскаго, самаркандскаго и ура-тюбскаго бековъ (правителей); за войсками виднѣлись безчисленныя стада скота, собраннаго для эмира, по случаю приближенія праздника байрама. Г. Романовскій, выдвинувъ впередъ свою кавалерію, направилъ ее на непріятеля. Бухарцы сначала храбро защищались, но сильный артиллерійскій огонь и молодецкія аттаки казаковъ заставили ихъ дрогнуть и ретироваться, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь скотъ эмира. Но этимъ дѣломъ не кончились еще непріязненныя дѣйствія. Въ скоромъ времени произошла болѣе рѣшительная битва при Ирджарѣ, среди превосходной мѣстности. Дѣло началось въ 9 часовъ утра стычкой казаковъ съ бухарскою конницею. Въ 12 часовъ явилась надобность открыть артиллерійскій огонь, а къ 5 часамъ пополудни наши войска шли уже штурмовать непріятельскіе окопы. Не прошло и получаса, какъ русская пѣхота, конница артиллеристовъ, открывшихъ изъ окоповъ сильный огонь, и кавалерія преслѣдовали толпы бухарскихъ всадниковъ. Все поле было устлано трупами непріятелей. Лагерь достался побѣдителямъ. Ошеломленный владыка Бухаріи совсѣмъ растерялся. Ирджарская битва дала ему понятіе о томъ, что значитъ нападать съ нестройными толпами полудикихъ народовъ на регулярное войско и какъ невыгодно бороться съ цивилизованной силой. Первымъ слѣдствіемъ этой битвы было занятіе нашими войсками Ходжента, чрезвычайно важнаго пункта, лежащаго на главномъ пути соединенія Бухары съ Коканомъ и съ восточнымъ Туркестаномъ. Расположенный въ прекраснѣйшей мѣстности, огражденный горами отъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ, онъ представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ средне-азіятскихъ городовъ. Послѣ Ходжента былъ взятъ г. Ура-Тюбе, и вскорѣ окончательно покорена обширная область съ милліоннымъ населеніемъ. Трудно надѣяться, чтобы непріязненныя отношенія Россіи къ небольшимъ ханствамъ Сред-

ней Азіи навсегда и окончательно прекратились. Магометанская нетерпимость, гордость и властолюбіе деспотическихъ эмировъ сильно оскорблены вторженіемъ въ ихъ среду чужаго племени, и потому, съ большею вѣроятностію, можно ожидать неоднократныхъ столкновеній съ ханствами, въ особенности съ самымъ сильнымъ изъ нихъ — Бухарой; но, благодаря этому завоеванію, мы пріобрѣли въ Туркестанѣ твердое положеніе, сильное вліяніе на ханства и возможность развивать здѣсь свою торговлю, которая усилилась въ послѣдніе годы сбытомъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій не только въ Бухару и Коканъ, но и въ западный Китай и вывозомъ оттуда сырыхъ произведеній, какъ-то: хлопка, шелка и проч.

Природа и жители вновь завоеванной области поражаютъ своею оригинальностію и своеобразностію.

Туркестанъ представляетъ огромный бассейнъ, бывшій нѣкогда морскимъ дномъ и лежащій ниже уровня моря. Моря Каспійское и Аральское — только незначительные остатки этого древняго моря. Почва окружающей ихъ низменности песчана, глиниста, въ неорошаемыхъ мѣстахъ совершенно лишена растительности и сильно пропитана солью. Къ счастію, впадающія въ Аральское море Аму и Сыръ-Дарья и многія другія степныя рѣки чрезвычайно оживляютъ и оплодотворяютъ эту печальную, беззащитную пустыню; поэтому и безводная степь Турана часто перемежается плодородными, обработанными долинами рѣкъ. Такъ напр., прибрежья Зайревшанъ-Дарьи (т. е. Золотоносной) въ Бухарѣ, на пространствѣ 500 верстъ, представляютъ непрерывный рядъ садовъ, возлѣ которыхъ террасами разстилаются рисовыя, хлѣбныя и хлопковыя поля съ безпрерывными почти селеніями и городами. Уступы же горъ, возвышающіеся на востокѣ Турана, безспорно принадлежатъ къ одной изъ благодатнѣйшей мѣстностей на земномъ шарѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ предгорій Турана богаты металлами и каменнымъ углемъ, а рѣки золотоносны. Правда, что не вездѣ можно встрѣтить лѣса, доставляющіе топливо, но при устройствѣ удобныхъ путей сообщенія ихъ можетъ замѣнить каменный уголь. Жизнь

и нравы обитателей здѣсь такъ же своеобразны, какъ и природа. «При взглядѣ на страну и на людей», говоритъ г. Татариновъ, бывшій въ плѣну въ Бухаріи, «переносишься во времена библейской исторіи. Важныя лица въ бѣлыхъ чалмахъ, въ широкихъ халатахъ, бѣдный народъ на ослахъ, уличная жизнь весьма оживленная, съ частыми селеніями, съ шумными базарами, верблюды съ колокольчиками и погремушками; даже глиняные кувшины, изъ которыхъ жители пьютъ воду, черпая ее изъ источниковъ, напоминаютъ времена Авраама.»

Наши новыя пріобрѣтенія въ Туркестанѣ расположены по правую сторону Сыръ-Дарьи, а въ верхнемъ теченіи захватываютъ и лѣвый ея берегъ, доходя до снѣжныхъ вершинъ Акату и бухарскихъ владѣній. Различные осѣдлые народы турецкаго происхожденія и кочующіе киргизы составляютъ населеніе новой области. Осѣдлые занимаются земледѣліемъ, а кочевые скотоводствомъ; и тѣ, и другіе ведутъ значительную торговлю. Главный городъ Туркестанской области Ташкентъ. Изъ другихъ городовъ болѣе важны Ходжентъ и Ура-Тюбе. Достаточно побывать въ одномъ изъ этихъ городовъ, чтобы составить ясное понятіе о всѣхъ остальныхъ.

17. Ура-Тюбе.

Ура-Тюбе важенъ, какъ сильная крѣпость и значительный торговый городъ, почему и былъ главною причиною раздора между Бухарой и Коканомъ. Владѣя Ура-Тюбе, Коканъ охранялъ свои владѣнія — Ходжентъ и даже Ташкентъ — отъ нападенія бухарцевъ. Какъ сильная крѣпость, Ура-Тюбе всегда могъ задержать на первое время непріятеля, который не въ состояніи и обойти его, не рискуя быть отрѣзаннымъ отъ своихъ владѣній. Для Бухары онъ важенъ былъ тѣмъ, что ставилъ ее въ грозное положеніе къ Кокану. Вслѣдствіе этого, Ура-Тюбе и его окрестности больше всего вынесли отъ раздоровъ. Поэтому населеніе здѣсь самое

безпокойное и непокорное. Сосѣднія снѣговыя горы служатъ имъ убѣжищемъ отъ бухарцевъ и коканцевъ.

Ура-Тюбе расположенъ среди довольно густаго населенія и самъ довольно многолюдный городъ. Въ немъ 1,364 хаули. Хаули — это большой дворъ, въ которомъ помѣщается отъ 3-хъ до 5-ти домовъ разныхъ хозяевъ, родственныхъ другъ другу. У каждаго дома есть свой небольшой дворикъ, и вся хаули представляетъ цѣлый лабиринтъ сакль, конюшень, навѣсовъ, простенковъ, проходовъ съ одного двора на другой, но въ улицу ведутъ одни только ворота. Дома такъ плотно и тѣсно пристроены другъ къ другу, что составляютъ почти сплошную массу зданій, перерѣзанную узенькими улицами и переулками. Садовъ почти вовсе нѣтъ въ городѣ, нѣсколько деревъ на перечетъ показываются изъ-за домовъ. Всѣ сады за городомъ. Въ этомъ отношеніи Ура-Тюбе составляетъ противоположность съ Ходжентомъ и въ особенности съ Ташкентомъ: тѣ совершенно скрыты въ садахъ, такъ что не видно ни домовъ, ни улицъ. Зато городъ богатъ отличною водой; изъ средины города бѣгутъ по улицамъ до 10 источниковъ, изъ которыхъ проведены канавы по дворамъ.

Въ Ура-Тюбе довольно значительный базаръ и три караванъ-сарая. Базаръ состоитъ изъ двухъ рядовъ лавокъ, совершенно крытыхъ, такъ что они изображаютъ собою крытую галерею, въ которой всѣ строенія двухэтажныя; внизу лавка, вверху одна или двѣ комнаты, въ которыхъ ночуютъ и прикащики, и сами хозяева, если они холостые. Нечистота и грязь на базарѣ точно такія же, какія на всѣхъ базарахъ Средней Азіи. На базарѣ сосредоточивается вся мѣстная торговля.

Сельскіе жители и кочевники сбываютъ здѣсь свой хлѣбъ, хлопокъ, клеверъ, изюмъ, дыни, арбузы, скотъ, невыдѣланныя кожи, арканы, овощи и проч. и получаютъ отсюда: шелковыя и бумажныя матеріи, ситцы, сукна, чай, сахаръ, сапоги, галоши, сѣдла, узды, металлическія издѣлія, глиняную посуду, табакъ, мыло, соль и другіе товары. Словомъ, на этомъ базарѣ совершается весь внутренній обмѣнъ товаровъ, мѣна сельскихъ произведеній на ремесленныя и фабричныя производства и при-

возные товары и отпускъ туземныхъ продуктовъ въ другія мѣстности.

Базаръ уратюбскій имѣетъ три караванъ-сарая и всего 1,045 лавокъ. Но по числу лавокъ нельзя заключать еще о размѣрахъ торговли и производительности края. Самая большая часть лавокъ производитъ торговлю товарами мѣстнаго произведенія для мѣстнаго же потребленія; и притомъ многія лавки торгуютъ одними и тѣми же предметами, напримѣръ: 11 лавокъ съ однѣми бумажными матеріями туземнаго приготовленія, 10 — съ одними ножами, 13 — съ листовымъ табакомъ, 11 — съ нюхательнымъ, или, какъ здѣсь называютъ, носовымъ, 17 — съ лукомъ, рѣпой, свеклой, морковью, 40 — съ арканами. Казалось бы, что здѣсь большая оптовая торговля этими товарами, большое производство и вывозъ ихъ. Между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣшнія лавки чрезвычайно бѣдны товарами и едва заслуживаютъ названія лавченокъ. Такъ, въ 11-ти лавкахъ съ хлопчато-бумажными матеріями всего товара не болѣе, какъ на 1,000 р. сер. Въ 10-ти лавкахъ съ ножами, самое большое, если 600 ножей, полагая среднимъ числомъ 60 коп. за ножъ, получимъ товара менѣе, чѣмъ на 400 руб. сер. Табачныя лавки еще бѣднѣе. Такимъ образомъ, здѣсь множество ненужныхъ лавокъ и большое число ихъ доказываетъ только, что торговля весьма любимое занятіе между сартами, и подтверждаетъ общее мнѣніе, что они народъ лѣнивый, праздный, тщеславный, что большинство купцовъ торгуетъ отъ нечего дѣлать, изъ честолюбія быть купцомъ.

Самое большое число лавокъ занято фруктами: виноградомъ, изюмомъ, орѣхами, миндалями, фисташками, гранатами, дынями и арбузами. Изъ лавокъ съ предметами внутренняго, ремесленнаго производства, первое мѣсто по числу занимаютъ сапожныя. Собственно лавокъ съ сапогами и галошами не болѣе 20, остальныя 60—мастерскія, въ которыхъ въ базарные дни шьютъ и чинятъ сапоги и галоши. Всѣ эти мастерскія сгрупированы въ одномъ мѣстѣ, подъ квадратнымъ навѣсомъ, устроеннымъ на столбахъ. Посрединѣ и по бокамъ, чрезъ каждые 2 шага, по-

ставлены небольшія жерди, упирающіяся въ навѣсъ. Такимъ образомъ, подъ навѣсомъ очень тѣсно помѣщается 4 ряда жердочекъ, подлѣ каждой жердочки сидитъ мастеровой. Покупатели ходятъ по рядамъ и выбираютъ себѣ товаръ.

Изъ общественныхъ заведеній здѣсь больше всего чайныхъ *(самоварунчи)*, которыя замѣняютъ наши трактиры. Сюда жители города и пріѣзжающіе на базаръ поселяне приходятъ выпить на одну или на двѣ копѣйки чаю. Само собою разумѣется, что ихъ тянетъ сюда не одно чаепитіе, а также желаніе посидѣть въ компаніи, поглядѣть на приходящихъ, послушать и поболтать. По вечерамъ здѣсь собирается довольно большая компанія правовѣрныхъ. Чайныя заведенія почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ лавокъ, только постланы ковры или чистыя кошмы для публики, грѣется нѣсколько чайниковъ на угольяхъ, и кипитъ большой самоваръ.

Заведенія пирожныя и съ пильменями совершенно похожи на чайныя, только вмѣсто чайниковъ и самовара стоятъ деревянные паровики, гдѣ пекутъ въ пару пильмени, варятъ въ маслѣ или пекутъ въ печкѣ пироги.

Въ цирюльняхъ также, въ виду всей проходящей публики, правовѣрные брѣютъ свои головы и подстригаютъ усы. Брѣющійся всегда серьезно и солидно смотритъ на проходящихъ, какъ исполняющій религіозную обязанность, между тѣмъ какъ цирюльникъ трудится надъ его головой, обмываетъ ее теплой водой съ мыломъ и за носъ или за уши поворачиваетъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Въ заведеніяхъ съ опіумомъ всегда раздаются пѣсни, крикъ, шумъ. Здѣсь употребляется настоящій опіумъ, привозимый черезъ Кабулъ, и гашишъ, приготовляемый изъ конопляного сѣмени. Публика напивается до безпамятства, до одуренія и сидитъ съ мутными опьянѣлыми, безжизненными глазами, едва передвигая руками или погрузившись въ сладкую дремоту, въ созерцаніе; другіе поютъ, кричатъ. Это отборная публика; сюда ходятъ отъявленные, записные пьяницы, у которыхъ нѣтъ ничего святаго въ жизни; имъ не жаль и жизни, да и жалѣть-то нечего: тихо

бьется кровь въ ихъ жилахъ; вѣчная тоска, хандра душитъ ихъ; ничто ихъ не радуетъ, не веселитъ. Они охладѣваютъ къ семьѣ, женамъ, дѣтямъ. Возьмите у нихъ все, что они имѣютъ, даже семейство, и дайте только опіума, они не опечалятся. Блѣдные, осунувшіеся, съ отупѣлыми глазами, бродятъ они, какъ зачумленные или прокаженные. И этотъ разительный примѣръ не можетъ остановить сартовъ, не служитъ урокомъ: десятками ходятъ они въ заведеніе, и нерѣдко между испитыми, одутыми, опухшими, блѣдными лицами показывается еще не совсѣмъ поблекшее молодое лице; но томность взгляда, задумчивость, дремота уже выдаютъ, по какой дорогѣ онъ идетъ.

Бани снаружи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ; внутри же всѣ онѣ устроены по-восточному: темные съ каменными полами и лавками. Каждая баня состоитъ изъ 5-ти комнатъ; въ одной раздѣваются, въ остальныхъ моются; въ одной изъ комнатъ проведены три крана: для горячей, теплой и холодной воды.

Въ городѣ 4 *медрессе* (высшія школы) и 60 низшихъ. Въ главномъ *медрессе* 52 комнаты, въ которыхъ живутъ по одному и по два ученика. Всѣхъ учащихся слишкомъ 2,000 человѣкъ, т. е. 7⁰ населенія. Въ Средней Азіи *медрессе* обыкновенно строятся и содержатся на пожертвованія богатыхъ людей.

Въ Ура-Тюбе есть также богоугодное заведеніе, въ родѣ нашихъ богадѣленъ, съ тою разницею, что здѣсь живутъ не сирые и безпомощные, а дураки и юродивые, которые пользуются здѣсь только квартирой, остальное же содержаніе добываютъ сами. Въ нищенскихъ рубищахъ, въ тряпьѣ, въ мохнатыхъ, остроконечныхъ шапкахъ, съ длинными палками съ желѣзнымъ набалдашникомъ, съ четками и съ торбами на плечахъ ходятъ они по базару или по городу, распѣвая духовныя пѣсни. Сарты даютъ имъ по чекѣ (1/3 к. сер.), по куску хлѣба, по щепоткѣ табаку или кто чѣмъ торгуетъ; другіе ходятъ съ черепкомъ въ рукѣ, гдѣ на горячихъ угольяхъ горитъ благоухающая трава;

подходя къ лавкѣ, они кадятъ черепкомъ и за это благоуханіе получаютъ лепту; другіе гадаютъ, предсказываютъ будущее, предаются бѣшенству, кричатъ дико съ пѣной у рта, — это блаженные, высшій классъ юродивыхъ; есть и такіе, что ходятъ совершенно нагіе, — это почти святые.

Густое окрестное населеніе, какъ кочевое, такъ и осѣдлое, занимается хлѣбопашествомъ. Это самая сильная производительность края и самое распространенное занятіе населенія. Развитію хлѣбопашества сильно содѣйствуютъ горы. Въ степи земли, удобной для хлѣбопашества, много, но нѣтъ воды для ея орошенія. Воды отъ источниковъ едва достаетъ для орошенія садовъ, огородовъ и небольшаго количества земли подъ хлопкомъ; горы же мало даютъ воды для степи, всего 2, 3 горныхъ рѣчки. Поэтому большая часть хлѣбопашества производится въ горахъ, по долинамъ и на возвышенныхъ плоскостяхъ, гдѣ хлѣбъ родится безъ искусственнаго орошенія земли: дожди и роса достаточно орошаютъ землю, чтобы она давала хорошій урожай. Случается иногда, что въ продолженіе цѣлаго года нѣтъ дождя, тогда хлѣбъ родится самъ 5—7. Когда же бываетъ достаточно дождей, тогда снимаютъ хлѣбъ самъ 15—20 и болѣе; урожаями объясняется и дешевизна хлѣба на базарѣ, гдѣ онъ продается отъ 30 до 50 к. за пудъ муки.

Одинъ путешественникъ говоритъ, что немного такихъ горъ въ Средней Азіи, въ которыхъ кипѣла бы такая жизнь въ лѣтнее время, какъ Актау противъ Ура-Тюбе. Все кочевое населеніе и половина осѣдлаго уходитъ на лѣто въ горы и расходится по ущельямъ ихъ далеко, въ самую глубь. Тамъ построены цѣлыя селенія и лѣтнія помѣщенія осѣдлыхъ жителей. Долины и возвышенныя плоскости покрыты хлѣбопашцами; горы, скаты и овраги — стадами барановъ, лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота; лѣса, ниже снѣжной линіи, скрываютъ звѣрей: медвѣдей, тигровъ, кабановъ, лисицъ и друг., вездѣ видна жизнь, вездѣ или люди, или скотъ; слышны самые разнообразные голоса: человѣка, животныхъ, домашнихъ и дикихъ птицъ. Эти

горы милы и дороги всѣмъ уратюбенцамъ; онѣ кормятъ ихъ, даютъ отдыхъ отъ лѣтнихъ жаровъ и скрываютъ отъ враговъ. Сюда, какъ въ надежное пристанище, скрываются уратюбенцы при нападеніи непріятеля. Безъ этихъ горъ, уратюбскій округъ не имѣлъ бы и трети своего населенія и никакого политическаго значенія.

VII. ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

1. Бѣлоруссія.

На западныхъ склонахъ Алаунской возвышенности, по верхнему и отчасти по среднему теченію рѣкъ Днѣпра и Западной Двины расположены три губерніи: Минская, Могилевская и Витебская. Эти три губерніи носятъ названіе Бѣлоруссіи. Бѣлоруссія отличается изобиліемъ болотъ, озеръ и лѣсовъ, сырымъ климатомъ и песчаною, глинистою почвою. Въ особенности богата громадными и величественными лѣсами Минская губернія. Въ этихъ лѣсахъ водятся разнообразнѣйшія породы дикихъ звѣрей, между которыми первое мѣсто занимаютъ: медвѣди, волки, лисицы и дикіе кабаны, производящіе нерѣдко опустошенія въ поляхъ и даже огородахъ поселянъ здѣшняго края. Кромѣ того, изобиліе лиственныхъ породъ отличаетъ лѣса Бѣлоруссіи отъ лѣсовъ другихъ мѣстъ Россіи. Здѣсь растутъ вѣковые дубы, березы, тополи, липы, клены и проч. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ лѣсахъ громадныя сосны и ели. Въ прозрачныхъ, чистыхъ водахъ озеръ, рѣкъ и безчисленныхъ быстрыхъ рѣчекъ Бѣлоруссіи разгуливаютъ разныя рыбы: форель, сомы, щуки, лещи, караси, окуни и др. Ко всему этому нужно прибавить, что нѣкоторыя мѣстности Бѣлоруссіи славятся красотою и живописностью: куда ни взглянешь, лѣса и рощи, густые, тѣнистые холмы и пригорки съ песчаными вершинами, посыпанными точно золотомъ, луга, пестрѣющіе всякими цвѣтами.

Почти изъ-за каждаго передѣска виднѣется, словно кусокъ зеркала, край синяго, гладкаго озера.

Лѣса, наполненные болотами и множествомъ озеръ, окруженныхъ вязкими лугами, выдѣляютъ вредныя испаренія и производятъ въ воздухѣ сырость. Такой воздухъ чрезвычайно нездоровъ для жителей, живущихъ вблизи этихъ мѣстъ. Въ Бѣлоруссіи климатъ умѣренный, но непостоянный въ высшей степени. Въ одинъ годъ снѣгъ съ полей исчезаетъ въ мартѣ, въ другой пролежитъ до конца апрѣля; послѣ сильныхъ морозовъ вдругъ настаетъ оттепель: пойдетъ дождь, ночью морозъ стиснетъ мокрый снѣгъ, къ утру является гололедица.

Среди такой природы живетъ смирный, трудолюбивый, привѣтливый народъ, бѣлоруссы — потомки древнихъ кривичей. Они до сихъ поръ сохранили одежду, языкъ и нѣкоторые обычаи своихъ предковъ. Причины этого застоя заключаются въ склонности бѣлоруссовъ къ домосѣдству и въ нежеланіи ихъ знакомиться съ иноплеменными сосѣдями. До насъ дошли древніе договоры и акты жителей *застѣнковъ* *), на основаніи которыхъ можно судить, что древній языкъ кривичей сохранился у ихъ потомковъ такимъ же, какъ онъ былъ 8 вѣковъ тому назадъ. Для ознакомленія съ языкомъ бѣлоруссовъ, приведемъ отрывокъ изъ пѣсни, которая поется послѣ свадьбы.

Кукавала зязюля (кукушка) у садочку,
Прилажиуши галоушку къ листочку.
А да яе (къ ней) птушечки (птички) прилетали,
А у яе зязюли пытали (спрашивали):
Чаго ты зязюля куковала?
«Якъ мнѣ птушечце (птичкѣ) да не куковаци:
Я-жъ была звила гняздечка;
Я-жъ была знесла яечка;
Аткуль узяуся сизъ арелъ,
Кипцями (когтями) гняздечка разарвау
Дзюбкаю (клювомъ) яечка расклювау,
А мяне зязюлю къ сабѣ узяу.»

*) *Застѣнокъ* — древнее славянское поселеніе, обведенное стѣною или заборомъ. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ сохранилось много такихъ застѣнковъ.

Бѣлоруссія испоконъ вѣку русская земля. Она до XI столѣтія называлась землею кривичей. Но это названіе она утратила тогда, когда въ предѣлахъ ея образовались различныя княжества, напримѣръ: полоцкое, мстиславское, туровское, минское и друг. Эти княжества получили свои названія отъ столицъ, строившихся здѣсь въ разныя времена отъ Владиміра святаго до присоединенія бывшей земли кривичей къ княжеству кіевскому, потомъ къ Литвѣ и вмѣстѣ съ нею къ Польшѣ. Только въ царствованіе Екатерины II (въ 1772 г.), Бѣлоруссія окончательно возвратилась въ составъ Россіи. Долгое господство поляковъ въ Бѣлоруссіи не осталось безъ послѣдствій для бѣлорусскаго народа. Польскіе нравы и обычаи проникли въ эту страну, и только не осуществилась завѣтная мечта польскихъ іезуитовъ— мечта ввести католичество въ Бѣлоруссіи, при посредствѣ уніи. Бѣлорусскій народъ удержалъ за собою и свой древній язык и свою православную вѣру, отстаивая ихъ по мѣрѣ силъ и открывая такъ называемыя православныя братства. Эти братства имѣли такое сильное вліяніе на православный народъ, что въ Минскѣ, съ цѣлью противодѣйствовать имъ, открылись братства католическія, но скоро были уничтожены, не исполнивъ своей задачи.

Слово «Бѣлая Русь» объясняютъ различно. Одни говорятъ, что этимъ именемъ нынѣшнія сѣверозападныя губерніи названы потому, что они не были порабощены монголами и не платили дани ханамъ, находясь подъ скипетромъ литовскихъ великихъ князей, тогда какъ Русь восточная, отягощенная монгольскимъ игомъ, по всей справедливости, могла называться черною Русью (въ смыслѣ несчастной). Другіе названіе «Бѣлорусія» производятъ отъ бѣлыхъ, поярковыхъ, круглыхъ шапокъ *(магерокъ)* и бѣлой одежды, носимой крестьянами.

Бѣлоруссы наслѣдовали отъ своихъ предковъ привычку жить одиноко по лѣсамъ, въ мѣстахъ пустынныхъ и глухихъ, и потому въ Бѣлоруссіи (въ особенности въ Витебской губерніи) весьма рѣдко можно увидѣть деревню, гдѣ было бы 20 и болѣе дворовъ. Большая часть деревень состоитъ изъ двухъ, трехъ,

пяти, восьми и много десяти дворовъ. Много есть и такихъ мѣстъ, гдѣ все населеніе состоитъ изъ одного крестьянскаго двора, кое-какъ огороженнаго вокругъ и обстроеннаго хозяйскими постройками. А между тѣмъ Бѣлоруссія не можетъ пожаловаться на недостатокъ лѣса.

Всѣ строенія въ деревнѣ соединены плетнями. Досчатыя ворота ведутъ на небольшой дворъ, устланный обыкновенно соломой. Кругомъ тѣснятся строенія подъ соломенными крышами: повѣть, амбаръ, хлѣва и курная избенка. За дворомъ, противъ избы, идутъ огороды, а за ними находится *гумнище*— мѣсто, гдѣ расположены *пуни*, т. е. сараи для складки хлѣба въ снопахъ, для обмолачиванія его, для складки сѣна и различнаго корма для скота. Строеніе, гдѣ хлѣбъ, высушенный въ овинѣ, обмолачивается, называется *токомъ*. Для того, чтобы молотить было удобнѣе, токъ набивается глиною. Необходимая принадлежность каждой деревни — *лазня* (баня), гдѣ крестьяне моются и парятся. Лазни ставятся всегда поодаль отъ прочихъ строеній и поближе къ водѣ. Интересную характеристику бѣлорусскихъ деревень составляетъ несоблюденіе прямой линіи въ размѣщеніи домовъ. Они разбросаны, какъ попало, и находятся одинъ къ другому и сзади, и спереди, и прямо, и наискось. При этомъ всѣ дворы стоятъ между собою очень тѣсно.

Изба бѣлорусса состоитъ изъ двухъ половинъ: *клеци* (холодной) и *хаты* (теплой). Клець и хата соединяются между собою сѣнями. Въ клеци на стѣнѣ по колышкамъ развѣшаны косы, сермяги, шубы, хомуты и веревочныя принадлежности лошадиной упряжи. По сторонамъ стоятъ кублы (въ родѣ ушатовъ съ крышками), въ которыхъ сложены женскіе наряды, бѣлье и полотно. Въ нихъ же хранятся и деньги.

Оставивъ клець, вы проходите чрезъ сѣни въ хату. Въ сѣняхъ стоятъ на скамейкахъ ведра. Хата имѣетъ очень мрачный видъ, потому что ея маленькія окна, въ которыхъ тонкая лучина очень часто замѣняетъ стекла, пропускаютъ весьма слабый свѣтъ дня. Хата очень непросторна, не имѣетъ пола, а потому въ дождливое время въ ней очень грязно. Грязь и мок-

рота натаскиваются сюда со двора на ногахъ. Стѣны и потолокъ покрыты толстымъ слоемъ сажи отъ дыма. Въ переднемъ углу, на *кутѣ*, виситъ *божница* — деревянный, просто сдѣланный шкапикъ, куда ставятся иконы. На иконахъ развѣшаны полотенца — *ручники*, освященные цвѣты и вѣнки изъ ржаныхъ колосьевъ. Около стѣнъ: лѣвой отъ входа и передней, прямо противъ входа подѣланы лавки для сидѣнія, за которыми нерѣдко видны топоры, заложенные къ стѣнѣ, остріемъ внизъ. Въ переднемъ углу, противъ божницы, стоитъ столъ, служащій для трапезы. По правой сторонѣ отъ входа отъ передней стѣны до печки также находится лавка изъ нѣсколькихъ досокъ, шириною аршина въ полтора и болѣе. Эта лавка называется *поломъ* и заступаетъ мѣсто софы и кровати. Весною сажаютъ подъ полъ гусей и другую домашнюю птицу на яйцы, для высиживанія цыплятъ. Наконецъ, зимою, хозяева, не имѣющіе теплыхъ хлѣвовъ, обращаютъ мѣсто подъ поломъ въ хлѣвъ для ягнятъ и телятъ. Надъ поломъ, подъ самымъ потолкомъ, устроены изъ досокъ *палати*, куда лазятъ по печи и приступкамъ, къ ней придѣланнымъ, спать или погрѣться съ холода. Налѣво отъ входа, противъ печи, стоитъ ручной жерновъ, на которомъ мелютъ муку и дерутъ крупу. Тутъ же, возлѣ жернова, на полкахъ стоятъ двѣ-три глиняныя, либо деревянныя мисы собственной, топорной работы хозяевъ, а въ деревянной дощечкѣ, съ просверленными дырочками, тутъ же прибитой, торчатъ деревянныя ложки такой же работы. Вотъ и все внутреннее убранство крестьянской бѣлорусской избы.

Бѣлоруссъ ростомъ малъ, худъ, бѣлокуръ. Глаза у него сѣрые, волосы цвѣтомъ напоминаютъ ленъ. У нѣкоторыхъ они даже скатаны какъ войлокъ и висятъ лохмотьями до плечъ. Это мѣстная болѣзнь *колтунъ*, происходящая, какъ говорятъ, въ слѣдствіе сырости мѣстнаго климата. Костюмъ бѣлорусса очень оригиналенъ. Мужчины носятъ *сермяги* (казакины) бѣлаго, а иногда сѣраго цвѣта, со стоячимъ воротникомъ. Сермяги дѣлаются изъ толстаго сукна домашней работы или изъ полотна. Рѣдкость встрѣтить у кого-нибудь на ногахъ сапоги. Всѣ носятъ лапти и бѣ-

лыя *онучи*, которыя перевиваются тоненькими веревчатыми или суконными *оборами*. Сермягу повязываютъ краснымъ поясомъ. Женщины на голову надѣваютъ *наметки* — длинныя узкія полотенца, сложенныя въ нѣсколько рядовъ, со множествомъ складокъ и обвитыя вокругъ головы съ висящими по бокамъ концами. Шею украшаютъ кораллами или бусами.

Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ далеко не можетъ назваться богатымъ, за исключеніемъ только жителей Могилевской губерніи, самой плодородной и населенной изъ всѣхъ бѣлорусскихъ губерній. Самою поразительною бѣдностью отличается Витебская губернія. Почва въ ней мало плодородна, и она сильно страдаетъ въ голодные годы. Хлѣбъ, смѣшанный съ мякиной, и картофельная похлебка — вотъ обыкновенная пища бѣднаго населенія Витебской губерніи, которая даже въ урожайные годы снабжается привознымъ хлѣбомъ. На сельскомъ населеніи ясно видны слѣды бѣдности: ветхія, полуразвалившіяся жилища, тощій скотъ, бѣдная упряжь и, наконецъ, унылые, точно забитые люди. Причины бѣдности бѣлорусскаго населенія, кромѣ малоплодія почвы, кроятся еще и въ другихъ источникахъ. Тяжелое господство въ этомъ краѣ польскихъ пановъ — главная причина бѣдности и нищеты бѣлоруссовъ.

Кромѣ панскаго господства, на благосостояніе бѣлоруссовъ имѣютъ сильное вліяніе торговцы-евреи. Какой-нибудь Гирша или Янкель насильно навязываетъ крестьянину въ долгъ денегъ, а потомъ забезцѣнокъ, въ видѣ процентовъ, выманиваетъ у него что-нибудь изъ домашней скотины. Мало того, онъ на хромой, готовой каждую минуту околѣть кобылѣ, отправляется по деревнямъ. Везетъ съ собою соль, бусы, ленты, мыло и цвѣтныя тряпочки. Всѣ эти сокровища жидъ раздаетъ молодицамъ, бабамъ и дѣвкамъ, а въ замѣнъ получаетъ яблоки, ягоды, орѣхи, грибы, яйца, куръ, жбаны меду, мотки нитокъ, трубки холста и проч. Съ нагруженнымъ такимъ образомъ возомъ, возвращается онъ въ свое мѣстечко, гдѣ всѣ эти продукты сбываетъ съ большимъ барышемъ. Если что и уцѣлѣетъ послѣ жидовскаго нашествія, то пропивается въ корчмѣ. Здѣсь бѣд-

няку суждено снова встрѣтиться съ жидомъ-арендаторомъ, который ничѣмъ не брезгаетъ, беретъ все, что бы ни принесъ мужикъ, а въ замѣнъ угощаетъ его водкой. Корчма въ Бѣлоруссіи — крестьянское сходбище всѣхъ возрастовъ и состояній: мѣсто отдыха послѣ работъ, залъ совѣта, брани и плясокъ; въ ней рѣшаются споры, заключаются условія, мировыя и разныя сдѣлки. Въ ней въ праздничные дни парни съ дѣвицами танцуютъ подъ скрипку, а чаще подъ свой народный инструментъ *дуду*, похожую на волынку. Только загудитъ дуда, бѣлоруссъ забываетъ все:

„Хадзи ты, хадзи я,
Хадзи печка, хадзи усе!“

И пойдетъ такое веселье, словно онъ такъ и родился для однѣхъ только пѣсенъ и плясокъ, а нужды никакой отродясь и въ глаза не видалъ. Не далъ Богъ бѣлоруссу никакой роскоши избыточной, не далъ плода безъ труда, да зато щедро надѣлилъ его душу весельемъ. Вотъ почему бѣлоруссъ такъ и прозывается: «голый да вострый».

Въ слѣдствіе привычки бѣлоруссовъ къ домосѣдству, въ слѣдствіе того, что они во время крѣпостнаго права должны были работать на своего помѣщика, у нихъ не развилось промышленности и торговли, которыя, кромѣ обогащенія жителей, цивилизуютъ ихъ, приводя въ постоянное столкновеніе съ образованными сосѣдями. А между тѣмъ Бѣлоруссія обладаетъ хорошими водяными путями сообщенія. Днѣпромъ она сообщается съ черноморскимъ краемъ, Западною Двиною — съ Ригою, а чрезъ нее и съ западною Европою. Недавно Витебскъ соединенъ съ Петербургомъ и Ригою желѣзною дорогою, а чрезъ три года онъ будетъ соединенъ съ Орломъ, а слѣдовательно, и съ Москвою. Тогда Бѣлоруссія не будетъ страдать отъ голода, получая во время хлѣбъ изъ внутреннихъ хлѣбородныхъ губерній. Тогда, можетъ быть, жители Бѣлоруссіи воспользуются тѣми удобствами, которыя представляетъ эта страна для торговли и промышленности.

Уже и теперь бѣлоруссы нѣсколько оправились. Есть хлѣбъ для семьи, кормъ для скота, начинаютъ строить чистыя половины въ избахъ; вмѣсто лаптей появляются сапоги, оковываются колеса, а этого прежде не водилось. Нерѣдкость встрѣтить въ хозяйствѣ 3—4 лошади, 10 головъ скота. На каждомъ шагу слышишь: «Дай Богъ долги лѣта Царю-Освободителю!» Послѣдовавшая за манифестомъ 19-го февраля 1861 г. коренная перемѣна въ бытѣ бѣлоруссовъ произвела совершенный переворотъ въ ихъ мысляхъ и чувствахъ, дала имъ жизнь и извѣстное направленіе. У нихъ только теперь пробудилось сознаніе, что они не только люди, но люди русскіе. Прежде, до манифеста они считали себя панскими и только въ личности пана для нихъ заключался и Государь, и всякая власть: панское имѣніе, панскій дворъ заключали для нихъ все, заграждая собою Государя и общее отечество—Россію. Уничтоженіе крѣпостной связи съ панскимъ дворомъ пробудило въ нихъ другую связь, — они прозрѣли и сознали связь свою съ Государемъ, съ Россіею.

2. Бѣловѣжская пуща.

Бѣловѣжская пуща, окружающая деревню Бѣловѣжъ, раскинулась на пространствѣ 106,000 десятинъ. Она лежитъ въ Пружанскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи и отдѣлена отъ всякаго другаго лѣса пустынными верещагами. Бѣловѣжская пуща — единственный драгоцѣнный остатокъ древнихъ, безконечныхъ литовскихъ лѣсовъ. По разнообразію и хорошему качеству своей растительности, она не имѣетъ равной во всемъ краѣ. Здѣсь произрастаютъ отличнаго качества дубъ, ясень, ольха, кленъ и прочія лиственныя, а также и хвойныя деревья, между которыми можно отыскать деревья въ одиннадцать саженъ въ вышину. Какъ ни сильно впечатлѣніе, производимое громадными размѣрами тропическихъ деревъ, съ своими вѣчно зелеными, блестящими и широкими листьями, наши деревья

производятъ болѣе радующее, пріятное впечатлѣніе, особенно весною, когда молодая листва ихъ отличается необыкновенною нѣжностью и мягкостью своей зелени; сюда еще присоединяется разнообразіе очертаній ихъ лиственныхъ шатровъ. Буки и дикіе каштаны отличаются сжатыми шатрами, бросающими самую густую тѣнь, вязы, липы и дубы, напротивъ, прихотливо раскидываютъ свои могучія вѣтви во всѣ стороны и тѣмъ самымъ образуютъ совершенно неожиданные эффекты контуровъ и переливовъ свѣта. Березы и осины опять составляютъ противоположность своею ловкостью и гибкостью. Довольно значительныя рѣки, напр. Наревъ, рѣчки и множество ручейковъ, протекая черезъ пущу, образуютъ вдоль береговъ превосходные сѣнокосные луга, служащіе обильною пищею для зубровъ, этой драгоцѣнной породы млекопитающихся четвероногихъ. Въ сырыхъ мѣстахъ берега окоймлены ивою, а вокругъ нея почва устлана хвощами. Большія ветлы, стоящія уединенно у тихихъ водъ, въ которыя глядятся ихъ ниспадающія вѣтви, или разбросанныя по сырому лугу, необыкновенно эффектны; мѣстами же ива составляетъ большія заросли. Въ самомъ началѣ весны, когда вся растительность еще дремлетъ въ окоченѣніи, ивы покрываются пушистыми цвѣточными почками. Позже распускается ихъ легкая и красивая листва, одѣтая снизу серебристыми волосками. При малѣйшемъ вѣтрѣ листья ивъ заворачиваются, представляя контрастъ съ верхними сторонами своими, такъ что лиственный шатеръ становится, попеременно, то ярко-зеленымъ, то сѣро-серебристымъ съ сѣрымъ или синеватымъ отливомъ. Другой видъ принимаютъ ивы лѣтомъ, когда онѣ покрыты созрѣвшими пушистыми цвѣтами, и вѣтеръ разноситъ ихъ хохлатыя сѣмена.

Между многими водными растеніями въ здѣшнихъ рѣчкахъ особенно красивы голубые ирисы; нѣкоторые ихъ виды издаютъ пріятный ароматъ. Мѣстами выставляются изъ воды на длинныхъ черешкахъ острые листы стрѣлолистника съ цвѣточнымъ стеблемъ въ одинъ или полтора фута вышиною, покрытымъ бѣлыми цвѣточками. Болотистыя мѣста зарасли густымъ ситов-

никомъ или тростникомъ, гдѣ стаи дикихъ утокъ вьютъ свои гнѣзда и выводятъ птенцевъ.

Зубръ — главный обитатель Бѣловѣжской пущи — живетъ здѣсь уже съ давнихъ временъ подъ строгою защитою законовъ объ охотѣ. Польскіе короли заботились о его сохраненіи точно такъ же, какъ впослѣдствіи русскіе императоры. Прежде зубръ водился по всей Европѣ, но съ истребленіемъ лѣсовъ и съ увеличеніемъ народонаселенія онъ вездѣ исчезъ и уцѣлѣлъ только въ Бѣловѣжской пущѣ да на Кавказѣ.

Зубръ — животное большое и сильное, принадлежитъ къ отряду двукопытныхъ, бычачьяго семейства. Туловище его спереди выше и толще, нежели сзади; голова короткая, лобъ сильно выпуклый и очень широкій, шея толстая, сплюснутая со сторонъ, снизу округленная; ноги короткія, толстыя, хвостъ средней длины. Животное покрыто густыми волосами, которые на груди и подбородкѣ длиннѣе и висятъ въ видѣ бороды, а на шеѣ до затылка въ видѣ гривы. Лѣтомъ шерсть у зубра гладкая, лоснящаяся, темно-бураго цвѣта, а зимою сѣро-бураго, безъ лоску и косматая. Телята и молодой скотъ отличаются болѣе краснымъ оттѣнкомъ.

Зубръ любитъ сырыя, болотистыя мѣста, а высокія и сухія мѣстности посѣщаетъ только зимою. Живетъ небольшими стадами одного пола. Очень старые быки ведутъ отшельническую жизнь. Молодой скотъ держится въ стадахъ коровъ. Каждое стадо выбираетъ всегда въ чащѣ лѣса укромное убѣжище, куда оно уходитъ отдыхать и жевать жвачку. Пасутся они преимущественно утромъ и вечеромъ. Кормъ ихъ состоитъ изъ травы, листьевъ, концевъ вѣтвей и коры молодыхъ побѣговъ деревъ. Зимою зубры преимущественно питаются сѣномъ, которое для нихъ заготовляютъ въ Бѣловѣжской пущѣ. Зубръ постоянно держится въ лѣсу и не любитъ выходить въ поле. При встрѣчѣ съ человѣкомъ, зубръ рѣдко нападаетъ на него. Нѣкоторые старые зубры Бѣловѣжской пущи отличаются особенными прихотями и капризами. Одинъ, напримѣръ, державшійся вблизи большой дороги, сдѣлался мало-по-малу совершеннымъ разбой-

никомъ. Когда ѣхалъ возъ сѣна черезъ лѣсъ, онъ становился прямо посреди дороги и не позволялъ продолжать пути, пока не давали ему на выкупъ охапку сѣна. Онъ требовалъ этого съ неотступностью и не позволялъ проѣхать; если ему показывали кнутъ, то онъ внушительно опускалъ рога и подымалъ хвостъ. Одинъ проѣзжій не понялъ его требованія и былъ сброшенъ съ дороги, вмѣстѣ съ санями, въ канаву, а лошадь была такъ изувѣчена, что не могла продолжать пути. Зубръ такъ силенъ, что вырываетъ съ корнемъ деревья, имѣющія 7—8 дюймовъ въ діаметрѣ, а менѣе толстыя онъ опрокидываетъ на бѣгу, беретъ на рога, тащитъ и подбрасываетъ ихъ вверхъ. Часто случается, что зубры дерутся между собою на жизнь и на смерть. Для битвы зубръ выбираетъ поляну и своимъ короткимъ, отрывистымъ, но громкимъ ревомъ вызываетъ соперника на бой. Тотъ приближается къ нему съ опущенной головой и поднятымъ дугою хвостомъ, время отъ времени останавливается, бьетъ и роетъ землю передними ногами, реветъ, поводитъ головою въ разныя стороны. Противники измѣряютъ другъ друга яростными взглядами и, наконецъ, бросаются одинъ на другаго. Съ силою и трескомъ ударяются они рогами и лбами, искры сыплются у нихъ изъ глазъ, и языкъ высовывается изо рта. Снова мѣряютъ бойцы глазами другъ друга, снова раздается ревъ, топотъ, хлестанье хвостовъ, обнаруживается ярость и бѣшенство; снова набѣгаютъ они другъ на друга и снова отдыхаютъ; все это быстро слѣдуетъ одно за другимъ. Нерѣдко одинъ изъ бойцевъ ломаетъ другому рога, прокалываетъ глазъ или вонзаетъ свое острое оружіе въ грудь противнику; тогда битва оканчивается смертію.

Но, не смотря на мужество и силу, зубръ имѣетъ много опасныхъ непріятелей. Мы не говоримъ о мученіи отъ мухъ и комаровъ, отъ которыхъ не можетъ избавиться ни одно животное, но есть болѣе опасные враги: волкъ, медвѣдь и рысь.

Волки преслѣдуютъ зубра цѣлой стаей и одолѣваютъ его. Медвѣдь менѣе страшенъ, потому что борьба происходитъ одинъ

на одинъ, и зубръ нерѣдко остается побѣдителемъ. Рысь нападаетъ только на молодыхъ телятъ.

Рысь — сильная кошка, на высокихъ и толстыхъ ногахъ, съ короткимъ хвостомъ, съ густою длинною бородою и жесткими, длиною въ дюймъ, кисточками на ушахъ. Мѣхъ рыси, красноватый или серебристый, покрытъ черными пятнами, особенно въ верхнихъ частяхъ туловища. Днемъ она спитъ гдѣ-нибудь въ дуплѣ разсѣлинѣ или прилегши на толстомъ сукѣ, вечеромъ она начинаетъ свои набѣги. Животныя, величиною съ дикую козу, небезопасны отъ ея нападеній. Она бросается даже на оленя, лося и, какъ мы сказали, на телятъ зубра. Она вскакиваетъ животному на спину, впускаетъ когти обѣихъ ногъ въ шею и перегрызаетъ артерію. У большихъ животныхъ она пьетъ сперва кровь, потомъ раздираетъ тѣло и поѣдаетъ внутренности и затѣмъ начинаетъ ѣсть мясо съ шеи и плечъ до тѣхъ поръ, пока не наѣстся досыта. По своей свирѣпости и отвагѣ, она опасна даже для человѣка. Охотники стараются, большею частію, ловить ее капканами; надо быть очень ловкимъ, чтобы идти на нее съ ружьемъ. Бываютъ случаи, что убитымъ на мѣстѣ остается охотникъ, а не рысь.

3. Домашній бытъ литовцевъ.

а. Прежній бытъ.

Г. Боричевскій въ статьѣ *Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ* сообщаетъ весьма любопытныя подробности о прежнемъ бытѣ этого народа, предковъ нынѣшнихъ обитателей Ковенской губерніи.

Древніе литовцы имѣли жилища трехъ родовъ: 1) лѣтнія — изъ хвороста, обмазанныя глиною; 2) зимнія, углубленныя землянки, расположенныя у подошвы горъ, на обрывахъ береговъ, вообще на мѣстахъ возвышенныхъ и сухихъ; посрединѣ землянки, въ особомъ углубленіи, устраивался очагъ; дымъ выходилъ черезъ двери и окна, и 3) лѣтнія и зимнія вмѣстѣ, на-

зывавшіяся *нумаи*, которыя можно видѣть и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Жмуди.

Нумаи строились отъ 10-ти до 15-ти саж. въ длину и отъ 5-ти до 6-ти саж. въ ширину, изъ бревенъ; крыша дѣлалась изъ еловой коры, изъ предосторожности отъ пожара, а сверху выстилалась соломою; окно было одно, а много два; дверей двое — небольшія для людей, а большія для загона скота, который въ холодное время помѣщался въ нумаяхъ. Надъ дверьми прорубались небольшія отверстія для выхода дыма и для свѣта; отверстія изнутри засовывались дощечками. Въ срединѣ выкапывалась яма, около аршина въ глубину и около сажени въ поперечникѣ. Края обкладывались гладкимъ камнемъ, чтобы можно было сидѣть; посрединѣ разводился огонь. У стѣнъ, въ холодное время, ставили скотъ. Въ обширныхъ нумаяхъ складывали и хлѣбъ. Въ окна вправлялись пузыри; впослѣдствіи времени стали употреблять стеклянные малопрозрачные кружки. Домы каменные вошли въ употребленіе въ позднѣйшее время, когда литовцы наглядѣлись на строенія нѣмцевъ и рыцарей.

Въ пищу литовцы употребляли конское мясо, домашній скотъ, особенно свинину, соленую и копченую. Изъ тѣста дѣлали горшки и, засушивая ихъ, клали туда мясо и овощи, замазывали тѣстомъ и такимъ образомъ варили. Овощей ѣли мало, но кушанья любили приправлять пряностями.

Пьянству предавались охотно и мужчины, и женщины, при каждомъ удобномъ случаѣ. Умѣли приготовлять съ древнихъ временъ медъ, что-то въ родѣ сладкаго пива, — *алюсъ;* родъ меда, очень скоро одуряющаго, — *паскайлесъ;* кобылье молоко съ теплою кровью животныхъ, отъ которой оно скоро закисало и получало крѣпость. Послѣдній напитокъ не прежде можно было пить, какъ по освященіи. Всѣ напитки для вкуса заправляли пахучими травами. Рыцари у прусскихъ литовцевъ нашли хлѣбъ, выпеченный съ большимъ умѣньемъ. Напитки литовцы пили изъ роговъ турьихъ и бычачьихъ, вѣря, что такіе сосуды невозможно околдовать. Впослѣдствіи времени богатые люди

украшали эти сосуды серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями и передавали изъ рода въ родъ.

Гостепріимство почиталось у древнихъ литовцевъ дѣломъ священнымъ, кто бы ни былъ гость, землякъ или чужеземецъ. Если гость, вошедшій въ домъ, могъ назвать хозяина по имени, то почитался вѣстникомъ счастія. Сначала всего хозяйка приносила воду умыть ноги, и послѣ начиналось угощеніе: хозяинъ, хозяйка, сыновья и дочери — всѣ пили во здравіе гостя, и онъ долженъ былъ пить съ каждымъ. Если бы въ домѣ гость былъ обиженъ, то хозяинъ не могъ приносить оправданія; если же посторонній обидѣлъ гостя, то хозяинъ мстилъ обидчику, какъ за своего семьянина.

Одежда древнихъ литовцевъ нѣсколько отличалась отъ убора сосѣднихъ народовъ. Дѣвицы носили разноцвѣтное холщевое платье; головы обвивали платкомъ, называвшимся *мерчине*, который пристегивался на правомъ плечѣ; носили браслеты, серьги, цѣпочки, ожерелья и разныя погремушки, волоса убирали лентами, снурками и т. п. На верхнемъ платьѣ, посрединѣ и на рукавахъ, висѣли маленькіе колокольчики. Замужнія носили на головѣ *завой*, называвшійся *аблойте*, а старухи — шапочки. Мужчины носили рубаху, разрѣзанную спереди, нижнее платье не очень широкое, подвязанное у обуви, кафтанъ короткій, обтянутый, съ немногими фалдами, застегивавшійся множествомъ пуговокъ; сверху надѣвали кожухъ, лѣтомъ шерстью вверхъ. Шапки носили мѣховыя и войлочныя, а лѣтомъ соломенныя и тростниковыя пляпы. Князья послѣднихъ временъ изображаются въ коническихъ, высокихъ шапкахъ, наподобіе сахарной головы. Нарядное платье переходило изъ рода въ родъ. Постель составляли мягкія кожи пушныхъ звѣрей, преимущественно медвѣжьи.

По древнимъ обычаямъ, у литовцевъ было одноженство. Не запрещалось имѣть и нѣсколько женъ, особенно у литовцевъ прусскихъ; но первая жена была госпожею въ домѣ, а взятыя послѣ, преимущественно изъ плѣнницъ и купленныхъ у бѣдныхъ родителей, считались невольницами и домашнимъ иму-

ществомъ, такъ что по смерти мужа подлежали раздѣлу между наслѣдниками, хотя потомство ихъ признавалось законнымъ.

Браки не всегда заключались по согласію родителей невѣсты: женихъ могъ похитить себѣ жену; месть родственниковъ была недѣйствительна только въ такомъ случаѣ, если на похищеніе было согласіе невѣсты; въ противномъ случаѣ обида омывалась кровью похитителя.

Послѣ сговора невѣста не могла выходить изъ дому, и женихъ не имѣлъ съ нею частыхъ свиданій, а занимался устройствомъ своего хозяйства.

У новобрачной обрѣзывали волосы, надѣвали на голову *Abgloite* (завой) — вѣнокъ, обвернутый бѣлымъ платкомъ, причемъ *Pirsle* (сваха) пѣла.

Мертвыхъ обыкновенно погребали со всѣми вещами, которыя они употребляли при жизни: воина — съ оружіемъ, охотника — съ лукомъ, ремесленника — съ его орудіями. Иногда за вельможею слѣдовали слуги, кони, собаки и соколы живьемъ въ могилу, а чаще на костеръ, потому что останки людей знатныхъ сожигались.

Тилуссоны и *лингуссоны* произносили рѣчи и въ утѣшеніе родственниковъ говорили, что видѣли покойника въ бранныхъ доспѣхахъ, скачущаго на быстромъ конѣ, среди неба, по птичьей дорогѣ (млечному пути) съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступающаго въ селенія вѣчнаго блаженства, въ сопровожденіи друзей.

Время литовцы считали *метами*, т. е. сутками, состоявшими изъ 24-хъ *валундъ*, т. е. часовъ: 12 дневныхъ и 12 ночныхъ. Дни считались седьмицами, начиная съ пятницы, посвященной Перкуну. Изъ седьмицъ составлялись мѣсяцы лунные — отъ новолунія до новолунія. Годъ начинался съ апрѣля. Годы считались отъ извѣстной войны, отъ пожара священнаго лѣса, необыкновеннаго разлива водъ, отъ сильной бури и т. п.

Названія мѣсяцевъ были слѣдующія: *Карвелисъ*, *Баландисъ* или *Мильдвинисъ* (апрѣль) — мѣсяцъ *голубиный*, посвященный богинѣ *Мильдѣ*; *Гегуже* (май) — мѣсяцъ *кукушкинъ*;

Сѣясь (іюнь) — мѣсяцъ *посѣва; Сѣнпютисъ* (іюль) — мѣсяцъ *сѣнокосный; Ругнютисъ* или *Пюмонѣсъ* (августъ) — мѣсяцъ *жатвы, Ругсѣинсъ* (сентябрь) — мѣсяцъ *посѣва ржи; Спалю* или *Септинининсъ* (октябрь) — мѣсяцъ *седьмой; Лапкритисъ* (ноябрь) — *листопадъ; Сійкисъ* (декабрь) — *тяжкоморозный; Савсисъ* (январь) — значеніе неизвѣстно; *Вассарисъ* (февраль) — *весенній; Ковасъ* (мартъ), посвященный богу *Ковасу*.

б. Современный бытъ.

Наружный видъ литовскаго народа не представляетъ никакихъ особыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключать о сродствѣ его съ какимъ-либо племенемъ Азіи. Цвѣтъ кожи литовца ничѣмъ не отличается отъ бѣлаго тѣла европейца. На продолговатомъ лицѣ, подобномъ малороссійскому, бросается въ глаза величина рта, часто несоразмѣрная, особенно у женскаго пола. Глаза по бо́льшей части голубые, волосы бѣлокурые, у малолѣтныхъ наподобіе льна, какъ у эстонцевъ. Вообще, можно сказать, что литвянки, хотя въ молодости и румяныя, не отличаются красотою, и правильныя черты лица почти не встрѣчаются между ними. Онѣ рано старѣютъ и уже въ среднемъ возрастѣ являются блѣдными, тощими и морщиноватыми. Впрочемъ, простолюдины тѣлосложенія крѣпкаго, сильны, здоровы и способны переносить непогоды и неудобства деревенскаго быта. По всѣмъ этимъ примѣтамъ литовцы занимаютъ, такъ сказать, средину между славянами и своими сѣверными сосѣдями — скандинавами.

Привязанность къ своей родинѣ и вѣрѣ, гостепріимство, бывшее въ языческія времена подъ опекою божка *Numejas* и богини *Peskia*, простодушіе, мужество, и у жмудиновъ хитрость составляютъ главныя черты въ характерѣ литовца.

Миролюбіе и добродушіе здѣшняго крестьянина обнаруживается въ его домашней и общественной жизни. Довѣріе его къ честности другихъ, проистекающее отъ собственной совѣст-

ливости, простирается до того, что крестьянскія жилья, одиноко разсѣянныя по лѣсамъ и рощамъ, не только ничѣмъ не огорожены, но даже въ отсутствіе хозяина остаются незапертыми.

Ксендзъ Людвигъ-Адамъ Юцевичъ, родомъ изъ Покѣвья, въ Шавельскомъ уѣздѣ, въ своемъ сочиненіи «Wspomnienia Zmudzi», въ статьѣ «Физіономія края», изображаетъ жмудиновъ слѣдующими словами:

«Крестьянинъ жмудскій рѣзвъ, веселъ и дѣятеленъ (bar-czysty) какъ на полѣ, гдѣ онъ охотно и безъ принужденія занимается своею работою, такъ и въ дорогѣ, когда, запрягши четыре лошади, средняго роста, въ огромную брику, нагруженную льномъ или льнянымъ сѣменемъ, ѣдетъ въ Ригу, Митаву или Либаву. Рѣдко можно увидѣть его грустнымъ: съ бодрымъ видомъ, напѣвая деревенскую пѣсню, онъ встрѣчаетъ счастіе и несчастіе.

«Какъ въ собственной Литвѣ углу между окнами, такъ на Жмуди порогу отдается особенное предпочтеніе. При заложеніи новаго дома жмудины закапываютъ подъ порогомъ деревянный крестикъ и какую-либо малую вещь изъ домашняго скарба, какъ завѣтный, выше всего почитаемый памятникъ своихъ предковъ. Злѣйшій врагъ, переступившій черезъ порогъ дома, принимается, какъ пріятель хозяина, и никто безнаказанно не можетъ обидѣть принятаго. Предваренный о прибытіи человѣка ненавидимаго, жмудинъ всячески старается не допускать его въ свой домъ, опасаясь, чтобы нога его не осквернила порога, чрезъ который, по народной вѣрѣ, самъ Богъ входитъ въ избу.»

Въ обрядахъ и обычаяхъ литовцевъ и жмудиновъ до сихъ поръ еще сохранились остатки язычества. Особенно это замѣчательно у послѣднихъ, которые только въ царствованіе Сигизмунда Августа (1548—1572) сдѣлали первый шагъ къ просвѣщенію при содѣйствіи Якова Лѣстовскаго, введшаго у нихъ употребленіе календаря и утвердившаго христіанство. Но еще въ прошломъ столѣтіи жмудскій епископъ Карпъ, въ своей

окружной граматѣ 1737 года, сильно нападалъ на многіе остатки язычества.

Въ настоящее время суевѣрный характеръ народа выражается болѣе въ обрядахъ при рожденіи и крещеніи младенцевъ, при свадьбѣ и погребеніи, а также при нѣкоторыхъ праздникахъ.

Рожденнаго младенца бабка омываетъ въ холодной водѣ. При крестинахъ каждый приходящій гость приноситъ не менѣе полугарнца водки, а женщина яичницу и булки. Неженатые должны при этомъ давать по нѣсколько грошей повивальной бабкѣ. Въ этотъ же день кумъ и кума даютъ гостямъ обѣдъ, для котораго первый обязанъ доставить водку, а послѣдняя кушанья. Все это сопровождается особыми припѣвами. Родильницу и дитя въ первое время послѣ родовъ тщательно скрываютъ, полагая, что первая можетъ еще болѣе страдать отъ взоровъ постороннихъ, а дитя подвергается сглазу. Появленіе у ребенка зубовъ сопровождается пѣніемъ особыхъ благодарственныхъ молитвъ.

Въ Литвѣ браки совершаются рѣдко по влеченію сердца, но болѣе по какимъ-либо разсчетамъ. Бываютъ случаи, что до вступленія въ бракъ, женихъ и невѣста совершенно не знаютъ другъ друга. На Жмуди, напротивъ, браки основываются на взаимной склонности.

Вотъ разсказъ одного жителя м. Клованъ Поневѣжскаго уѣзда о сватовствѣ и свадьбѣ литовцевъ.

«Молодой человѣкъ черезъ свата разузнаетъ о поведеніи той дѣвицы, на которой хочетъ жениться, и хорошая ли она хозяйка; потомъ съ бутылкой вина и бѣлымъ платкомъ отправляется въ домъ къ ея родителямъ. Сватъ рекомендуетъ молодаго, покрываетъ платкомъ столъ и ставитъ бутылку, приглашаетъ за столъ мать и отца, ведетъ рѣчь о женитьбѣ. По полученіи согласія на предложеніе, сватъ приказываетъ жениху поцѣловаться съ невѣстою; затѣмъ выпивается привезенное сватомъ вино. Въ теченіе двухнедѣльнаго церковнаго объявленія,

сватъ и женихъ присылаютъ подарки невѣстѣ и родителямъ: кольца, башмаки, платки и т. п.

«За три дня до бракосочетанія, невѣста ежедневно обходитъ всѣхъ домохозяевъ своего села и приглашаетъ ихъ на свадьбу, кланяясь въ ноги и цѣлуя каждаго изъ приглашаемыхъ. На исповѣди ксендзъ требуетъ твердаго знанія заповѣдей и главныхъ молитвъ (pacierzy). Бракосочетаніе совершается всегда во вторникъ. Въ этотъ день, въ 5 часовъ утра, женихъ отправляется къ невѣстѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ товарищей (друзей), одѣтыхъ въ лучшіе кафтаны (сермяги), опоясанныхъ краснымъ поясомъ, въ фуражкахъ, обвязанныхъ ленточкою, за которою заложена вѣтка изъ руты (ruty). При этомъ головы лошадей, находящихся въ упряжи, украшаются павлиновыми перьями, дуга цвѣтами, а къ уздечкамъ привѣшиваютъ множество маленькихъ колокольчиковъ.

«Молодая встрѣчаетъ жениха въ сопровожденіи дружекъ, которыя одѣты въ суконныя куртки, съ разноцвѣтными фартуками; головы ихъ украшены цвѣтами, а шеи коралловыми ожерельями. Обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты составляетъ шелковая юпка съ оборками и синій суконный кафтанъ, нерѣдко съ красными отворотами. На головѣ маленькій рутяной вѣнокъ. Въ домѣ невѣсты завтракаютъ, танцуютъ подъ скрипку и потомъ отправляются въ костелъ. Жители деревень, лежащихъ на пути этой церемоніи, запираютъ на околицѣ ворота, не пропуская проѣзжающихъ, пока невѣста не броситъ имъ свадебныхъ пироговъ. Во время поѣздки въ костелъ поютъ разныя пѣсни.

«По совершеніи бракосочетанія сваты дѣлаютъ обѣдъ, послѣ котораго возвращаются домой. Родители невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и стаканомъ пива на тарелкѣ. Тутъ гуляютъ цѣлый день; въ 8 часовъ вечера, во время танцевъ, сваты платкомъ покрываютъ голову молодой, которая начинаетъ плакать; ее ведутъ подъ руки къ вечернему столу, а дружки поютъ пѣсню о потерѣ вѣнка. Мать подаетъ въ руки

дочери зажженную большую стеариновую свѣчу (gromnica). Въ полночь возвращаются въ домъ молодаго, а дружки остаются. Тамъ опять гуляютъ до 5-ти часовъ утра. На другой день молодые принимаютъ поздравленія отъ сватовъ; бабка приноситъ блюдо съ водою мыться, въ которое сваты бросаютъ по рублю, а прочіе товарищи по полтинѣ, чтобы молодые были бѣлѣе серебра. На молодую надѣваютъ чепчикъ.»

Довольно странны обряды при кончинѣ и погребеніи литовцевъ.

Когда больной близокъ къ смерти, то стараются, чтобы въ хатѣ не было сѣмянъ, опасаясь, что они не взойдутъ, когда будутъ посѣяны. При долгихъ мученіяхъ умирающаго, дѣлаютъ отверстіе надъ его головою, чтобы душа скорѣе отлетѣла на небо; умершему поспѣшаютъ закрыть глаза, чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ.

Родственники, оплакивая покойника, вычисляютъ его добродѣтели, но и при этомъ дѣло не обходится безъ водки, которою обыкновенно потчуютъ до излишества приходящихъ въ домъ покойника для пѣнія молитвъ, а въ особенности послѣ погребенія. Жмудины, подобно пруссакамъ, кладутъ въ гробъ молодаго человѣка съ кнутомъ за поясомъ, дѣвицу съ вѣнкомъ на головѣ, а дѣтей осыпаютъ цвѣтами.

Въ обыкновенной жизни литовцы и жмудины отличаются религіознымъ настроеніемъ и гостепріимствомъ. Привѣтствіе ихъ къ встрѣчному незнакомому выражается словами: «Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ» (Niech będzie pochwaliony Jesus Christus). Работающему проходящій говоритъ: «помоги Боже», а сѣющему: «уроди Боже».

Въ обычаяхъ, связанныхъ съ извѣстными днями, выражается наиболѣе суевѣрный характеръ народа. Нѣкоторыя изъ нихъ до такой степени странны, что весьма трудно объяснить; другіе же носятъ на себѣ слѣды языческихъ вѣрованій. Такъ напр., приготовленіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Литовцы и жмудины стараются окончить всѣ работы предъ великимъ четвергомъ, опасаясь, въ противномъ случаѣ, встрево-

жить лежащаго во гробѣ Христа. Женщины, начиная съ этого дня до самаго праздника не прядутъ, полагая, что въ противномъ случаѣ будетъ течь слюна у скотины въ продолженіе цѣлаго года.

Въ день св. Георгія приносятъ въ костелъ, какъ жертву, домашнихъ животныхъ, считая этого святаго покровителемъ ихъ.

Чтобы и бѣдные могли участвовать въ приношеніяхъ въ день св. Георгія, настоятели нѣкоторыхъ костеловъ заказываютъ восковыя фигуры лошадей, коровъ, овецъ и т. п., которыя церковные сторожа продаютъ у входа въ костелъ. Каждый, купившій такую фигуру, обноситъ ее сначала нѣсколько разъ около костела съ молитвами и потомъ кладетъ на алтарь.

Вечеромъ наканунѣ св. Іоанна предпринимаютъ различныя предосторожности, чтобы колдуньи не похитили молока у коровъ.

Наканунѣ праздника св. Іоанна Крестителя отыскиваютъ въ завѣтныхъ мѣстахъ клады.

На Жмуди особенное чествованіе воздается св. Агаѳѣ и. Нѣтъ почти ни одного селенія, въ которомъ бы не было ея деревяннаго изображенія. Св. Агаѳія преимущественно спасаетъ отъ огня. Въ день ея освящается въ костелахъ хлѣбъ, который и хозяева тщательно сохраняютъ. Во время пожаровъ кусокъ такого хлѣба обносятъ около горящаго строенія, а потомъ бросаютъ въ огонь, отчего пожаръ долженъ прекратиться. Св. Агаѳія изображается обыкновенно съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Весну встрѣчаютъ въ день Благовѣщенія, причемъ въ каждомъ домѣ угощаютъ приходящихъ крупникомъ или водкою и пирогами.

Въ день св. Іоанна Крестителя народъ литовскій, подобно малороссіянамъ, полагаетъ, что вѣдьмы собираются въ одно мѣсто для пляски. Такимъ пунктомъ считается гора *Шатрія*, въ $2^3/_4$ верст. отъ м. Лукники въ Шавельскомъ уѣздѣ. Въ предостереженіе себя отъ вѣдьмъ употребляютъ различныя травы и святую воду. Въ тотъ же день имѣютъ обыкновеніе для очи-

щенія себя отъ грѣховъ перепрыгивать чрезъ разложенный огонь или купаться въ рѣкахъ.

Въ день св. Матѳея (21 сент.), который считается покровителемъ Литвы и Жмуди, имѣютъ обыкновеніе угощать приходящихъ въ домъ новымъ пивомъ, причемъ обыкновенно обливаютъ скатерть и поютъ пѣсни.

По совершенномъ окончаніи уборки хлѣба, крестьяне толпою идутъ къ своему помѣщику. Въ этомъ случаѣ, одна изъ дѣвицъ обыкновенно предшествуетъ, неся на тарелкѣ вѣнокъ изъ колосьевъ, покрытый бѣлою салфеткою; прочіе поютъ пѣсни. Принявъ вѣнокъ, помѣщикъ обыкновенно дѣлаетъ незначительные подарки крестьянамъ. Затѣмъ бываетъ угощеніе и пляски, продолжающіяся цѣлый день.

Общій характеръ страны представляетъ довольно часто расположенныя мѣстечки и деревни. Въ Литвѣ и на Жмуди часто можно видѣть предъ домами поселянъ небольшіе сады или цвѣтники, въ которыхъ растутъ фруктовыя деревья, разноцвѣтный шиповникъ, а иногда розы, маргаритки, настурція, желтыя лиліи, макъ, ароматическій горошекъ, рута, а также въ значительномъ количествѣ хмѣль, который разводитъ почти каждый хозяинъ. Все это обнесено плетнемъ. Деревянный высокій крестъ, эмблема народной набожности, находится на Жмуди и въ Литвѣ почти предъ каждымъ домомъ. Подобные же кресты или столбы съ рѣзнымъ изображеніемъ Іоанна Крестителя, какъ покровителя страны, ставятся такъ часто по дорогамъ, что иногда отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ шаговъ. Набожный жмудинъ предъ каждымъ изъ нихъ снимаетъ шапку и читаетъ молитву Господню.

Литовцы, а въ особенности жмудины, до такой степени привязаны къ домашней жизни, что никогда почти не пускаются въ отдаленныя мѣста, посѣщая только близлежащіе города: Вильну, Либаву, Митаву, Ригу, Тильзитъ, Кенигсбергъ и Ковно, куда они отправляются для продажи хлѣба и льна. Эта привязанность къ домашнему быту служитъ съ одной стороны причиною малаго развитія торговли въ этомъ краѣ, а съ другой

придаетъ особенный типъ самому характеру торговыхъ сдѣлокъ, отличающемуся недовѣрчивостью и уклончивостью.

Съ открытіемъ весны до окончанія уборки хлѣба, главное занятіе литовскихъ поселянъ составляютъ полевыя работы, а свободное время посвящается исправленію сбруи, упряжи, орудій и надворнаго строенія. Осенью и зимою занятіе крестьянъ составляютъ: молотьба хлѣба, отвозъ его на продажу, ухаживаніе за скотомъ, приготовленіе дровъ на топливо. Въ длинные осенніе и зимніе вечера они занимаются витьемъ веревокъ и починкою разныхъ хозяйственныхъ вещей. Между крестьянами встрѣчаются довольно искусные столяры, слесаря и кузнецы. Женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ ухаживаютъ за огородами, убираютъ сѣно, жнутъ и вяжутъ въ снопы хлѣбъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже боронятъ. Зимой онѣ прядутъ ленъ, пеньку, овечью шерстью и приготовляютъ изъ пряжи разныя ткани: полотна, скатерти, полотенца, *милась* (крестьянское сукно). Здѣшнія полотна отличаются своею тонкостію и добротою. Въ Россіенскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ женщины не безъ искусства ткутъ и красятъ шерстяныя матеріи, употребляемыя ими въ домашнемъ быту, и даже ткутъ ковры. Вмѣсто гаруса употребляютъ хорошо выкрашенныя нитки изъ тонкой шерсти. Въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, въ зимніе вечера жители также занимаются вязаніемъ сѣтей для рыбной ловли, продавая ихъ по 15 и 20 к. за сажень.

Вставая рано поутру и ложась поздно вечеромъ, поселяне удѣляютъ время для послѣобѣденнаго отдыха.

Поселяне въ лѣтнее время, носятъ *кумала*, кафтанъ сшитый изъ толстаго холста *дробе*, или изъ ткани льняной, смѣшанной съ шерстью и нерѣдко подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ; обыкновенный же ихъ костюмъ *сърменга*, кафтанъ изъ сѣраго домашняго сукна, называемаго *милась*. Зимою подъ кафтанъ надѣваютъ баранью шубу. Покрой платья отличается болѣе удобствомъ, нежели изящностью формы. Одежда эта, обыкновенно, напереди застегивается желѣзными или мѣд-

ными крючками и опоясывается, по большей части, зеленымъ или пестрымъ поясомъ и даже платкомъ. Холостые люди носятъ яркихъ цвѣтовъ пояса и фуражки или шапки съ козырьками и различной формы мѣховыя шапки, крытыя сукномъ. На Жмуди лѣтомъ употребительны еще шляпы (круглыя), валеныя изъ черной шерсти, а въ Литвѣ соломеныя, домашняго издѣлія. Обувь составляютъ сапоги и кожаные «ходаки», въ родѣ котовъ, которые привязываются къ ногамъ шнурками, охватывающими вмѣстѣ и онучи; но въ восточной части Ковенской губерніи, собственно у литовцевъ, употребляются и лапти. Сапоги же, — хотя ихъ имѣютъ почти всѣ поселяне, — надѣваются очень рѣдко, по большей части, только въ праздничные дни, исключая, разумѣется, зажиточныхъ, которые всегда ходятъ въ сапогахъ. Волосы въ Литвѣ и на Жмуди стригутъ обыкновенно въ кружекъ, а бороду брѣютъ. Всѣ почти литвины и жмудины носятъ усы.

Женщины покрываютъ головы бѣлыми или другаго цвѣта платками, а иногда чепцами. Дѣвушки обыкновенно не покрываютъ головы, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы, украшая концы ихъ лентами яркихъ цвѣтовъ. На шею надѣваютъ множество бисерныхъ, а дочери зажиточныхъ хозяевъ и коралловыхъ ожерельевъ. Платьемъ для женщинъ вообще служатъ разноцвѣтные фартуки, — кафтаны, похожіе на мужскіе, но гораздо короче. Обувь замужнихъ женщинъ составляетъ родъ ходаковъ, а дѣвушки носятъ башмаки, особенно по праздникамъ.

Нельзя не замѣтить, что жмудины вообще, а преимущественно жители уѣздовъ, прилегающихъ къ Пруссіи и Курляндіи, будучи болѣе зажиточны, чѣмъ литовцы, такъ же далеко превосходятъ ихъ и опрятностію одежды.

Одежда мужчинъ довольно однообразна во всѣхъ уѣздахъ губерніи, но тѣмъ разительнѣе представляется разнообразіе въ нарядахъ женщинъ, состоящее не столько въ измѣненіи формы, сколько въ цѣнности ихъ. Особеннымъ богатствомъ одежды отличаются приходы Свядостскій и Купишскій Вилькомирскаго уѣзда и нѣкоторые Новоалександровскаго. Здѣсь, даже въ будни, жен-

щины носятъ юпки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а въ праздники и шелковыя съ множествомъ складокъ назади. Онѣ надѣваютъ также атласныя и бархатныя «шнуровки» (корсеты), безъ рукавовъ, обложенныя галунами. Шнуровки эти застегиваются серебряною цѣпочкою или крючками. Всѣ носятъ башмаки. Въ Вилькомирскомъ уѣздѣ замужнія женщины покрываютъ головы большими платками, свернутыми наподобіе чалмы. Дѣвицы, въ разныхъ частяхъ губерніи, убираютъ голову множествомъ ленточекъ и натуральныхъ цвѣтовъ. Старухи поверхъ платковъ надѣваютъ бархатныя шапочки, составляющія также и необходимую принадлежность свахи.

Дома въ Литвѣ нечисты и бѣдны, большею частію, безъ трубъ. Они построены изъ круглыхъ бревенъ. Окна весьма узкія, продолговатыя, прорубаются при соединеніи двухъ бревенъ; только зажиточные поселяне имѣютъ въ своихъ домахъ окна средней величины. Крыши соломенныя. Изба въ Ковенскомъ уѣздѣ и сопредѣльныхъ частяхъ другихъ уѣздовъ называется по-литовски *гивѐне*, въ Шавельскомъ, Поневѣжскомъ и части Новоалександровскаго—*гри́чай*, на Жмуди—*трбаба*). Она разграничивается сѣнями на двѣ части: въ одной помѣщается семейство хозяевъ и работники, въ другой кладовая. У богатыхъ поселянъ есть особая пріемная для гостей, называемая *секли́ча* или *секличѝва*. Предъ домомъ находится небольшой квадратный дворъ, по сторонамъ котораго расположены амбары и сараи. *Свѝрня* (небольшой амбаръ около 2-хъ кв. саж.)—необходимая принадлежность каждаго хозяйскаго двора, въ ней хранится хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, крупа и разныя огородныя овощи; у стѣны стоитъ чистая кровать съ пуховикомъ и нѣсколькими подушками, а на стѣнахъ наклеены изображенія на бумагѣ святыхъ, между которыми всегда есть ликъ св. Георгія Побѣдоносца — по мнѣнію литовцевъ, покровителя земледѣлія и скотоводства.

Въ окрестностяхъ м. Браслава, въ южной части Новоалександровскаго уѣзда, тамъ, гдѣ живутъ бѣлоруссы, смѣшанные съ литовцами, забывшими свой языкъ, встрѣчаются подобныя же жилища, раздѣленныя на двѣ части: въ одной живетъ семья—

это *хата;* въ другой, называемой *варуня*, стоятъ жернова, ступка для приготовленія крупъ и нѣкоторые жизненные припасы; въ соединеніи съ послѣднею устроена маленькая каморка для храненія платья. У каждаго хозяина есть *одрина*, съ низкими деревянными стѣнами и высокою соломенною крышею, для склада сѣна, и такой же формы *гумно* для храненія и молотьбы хлѣба.

Домы жмудиновъ, особенно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, по границѣ съ Пруссіею, превосходятъ жилища литовскія. Они вообще красивы довольно высоки, и имѣютъ трубы и большія окна. Всѣ строенія, составляющія дворъ, называются *нума;* собственно изба—*троаба;* послѣдняя состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: для хозяевъ, работниковъ, склада вещей и продуктовъ; у зажиточныхъ поселянъ имѣется особая комната для гостей, называемая *алькерисъ*. *Троаба* съ высокою соломенною крышею. Порогъ въ домѣ жмудина, какъ и уголъ у литвина, играютъ важную роль. Комнаты всегда опрятно убраны, имѣютъ полъ вымытый; потолки украшены воткнутыми за перекладину цвѣтами или душистою травою; полы посыпаны аиромъ или ёлкою. По стѣнамъ висятъ образа плохой малярной работы, — произведенія церковныхъ служекъ (zakrystianów), органистовъ и учениковъ *кальварійской* (мѣстечко въ Телышевскомъ уѣздѣ) малярской школы. На другой половинѣ, гдѣ помѣщается челядь, въ зимнюю пору находятся и животныя: котная овца или коза, новорожденный теленокъ, иногда и свинья съ поросятами.

Подобно расположенію литовскихъ строеній, у каждаго жмудина при домѣ находится *свирня*, гдѣ сложены, въ большомъ порядкѣ, хлѣбъ, ленъ, мука, крупа и отличной бѣлизны полотно, главнѣйшее издѣліе и нарядъ жмудинокъ; а также стоитъ въ лѣтнее время чистая постель. На памяти у старожиловъ въ свирняхъ хранили военную сбрую. Въ рѣдкой жмудской пѣснѣ не упоминается о ней. Въ свиронкѣ плачетъ невѣста, когда ее выдаютъ замужъ; въ свиронкѣ кроитъ она полотно для несносныхъ сватьевъ, въ свиронкѣ она обѣщается отцу и матери, сестрамъ и братьямъ, что чрезъ недѣлю послѣ свадьбы,

переодѣтая въ цвѣтной повойникъ, она воротится къ роднымъ, и т. д.

У литовцевъ постель составляетъ также важную особенность въ домашнемъ быту и служитъ доказательствомъ достатка и порядка хозяевъ. Богатые жмудины и литовцы спятъ на перинахъ и покрываются ими. Приданое невѣсты непремѣнно должно заключать нѣсколько перинъ и подушекъ.

Для освѣщенія въ бо́льшей части Литвы употребляютъ лучину; достаточные же жители приготовляютъ домашнія свѣчи или жгутъ конопляное масло въ лампахъ.

Для ѣзды литовцы, подобно бѣлоруссамъ, употребляютъ малыя одноконныя и двуконныя телѣги, которыя очень рѣдко смазываются. Для отправленія льна, льнянаго сѣмени и другаго рода хлѣбныхъ произведеній въ Ригу, Либаву, Митаву и Мемель, употребляются особаго рода телѣги, чрезвычайно длинныя съ высокими боками, въ которыя впрягаютъ по четыре и болѣе лошадей. Большія перевозочныя сани, называемыя *шлаями*, запрягаются двумя лошадьми. Онѣ имѣютъ очень высокія, мало загнутыя полозья и высокіе бока. Длина такихъ саней доходитъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саженъ. Для легкой ѣзды употребляются маленькія санки съ оглоблями или двуконныя съ дышломъ.

Литовцы и жмудины ѣдятъ три раза въ день — рано утромъ одно или два кушанья пѣсныхъ, въ обѣдъ и на ужинъ кислыя и мясныя блюда. Кромѣ обыкновеннаго кушанья, этотъ народъ имѣетъ еще исключительно ему принадлежащія блюда, изъ которыхъ иныя въ такомъ же употребленіи у высшаго класса, какъ и у низшаго. Такъ напр.

Холодникъ, приготовляемый на уксусѣ и водѣ изъ мелкоискрошенныхъ корней красной свеклы, сметаны, укропа, свѣжихъ огурцовъ, крутоваренныхъ яицъ, раковъ или телятины; ко всему этому прибавляется нѣсколько льда.

Ботвинка — кислый супъ изъ свеклы и ветчины, забѣленный сметаною; *верещака* — жареное на маслѣ свиное сало, приправленное соусомъ и лукомъ; *юшникъ* — кисловатый супъ, приготовляемый изъ гусиной и поросячьей крови и потроховъ

этихъ животныхъ. Здѣсь кстати сказать, что такой супъ у простаго народа служитъ символомъ отказа жениху, ищущему руки дочери хозяина. *Шупеня* — яичная каша съ горохомъ и свѣжимъ свинымъ саломъ, въ употребленіи только у простаго народа. Когда его подаютъ за обѣдомъ жениху, то это служитъ знакомъ, что онъ очень хорошо принятъ въ домѣ. Поросячій хвостъ, воткнутый посрединѣ миски, наполненной этой кашей, означаетъ, что родители согласны выдать свою дочь за того, кто за нее сватается.

Пенсакъ — постоянное кушанье, приготовляемое изъ толченыхъ въ ступѣ ячменныхъ зеренъ и гороха. *Конопляники*, или конопляные пироги пекутся изъ ячменной муки, смѣшанной на половину съ толчеными конопляными зернами. *Скабепутра* приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ очищенный жареный картофель, свеклу, лѣсныя груши, ячную или гречневую крупу, посыпаютъ все это перцемъ и другими пряностями, потомъ варятъ и заливаютъ кислымъ молокомъ. Затѣмъ кушанье это, слитое въ особую посуду, стоитъ нѣсколько дней для того, чтобы лучше окисло. Лѣтомъ, крестьяне носятъ въ поле скабепутру въ пузыряхъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Хозяйственныя принадлежности литовцевъ и жмудиновъ удовлетворяютъ только необходимымъ нуждамъ. Кухонный приборъ ихъ составляютъ: большой мѣдный котелъ, нѣсколько глиняныхъ горшковъ, желѣзная сковорода, большая глиняная эллиптической формы миска, употребляемая для жареной баранины, телятины или поросятины. Столовый приборъ состоитъ изъ глиняныхъ, деревянныхъ и оловянныхъ мисъ и тарелокъ, ножей и вилокъ, съ костяными и деревянными черенками; вилки употребляются въ домахъ зажиточныхъ поселянъ и то при посѣщеніи гостей. Складные ножи составляютъ постоянную принадлежность мужчинъ и женщинъ въ дорогѣ, при полевыхъ работахъ и въ лѣсу.

Въ Ковенской губерніи находится весьма много селеній, называемыхъ «околицами», въ которыхъ живутъ мелкопомѣстные дворяне (шляхта), вмѣстѣ съ своими бывшими крестьянами, и

однодворцы, владѣя чрезполосно землею и лѣсомъ. Каждый изъ нихъ живетъ про себя и весьма рѣдко видитъ своихъ сосѣдей, исключая случайной встрѣчи при полевыхъ работахъ. Хаты крестьянъ въ околицахъ тѣ же, что и въ другихъ деревняхъ: курныя, бѣдныя, неопрятныя, но раздѣленныя между собою плетнями, окружающими небольшіе дворики и огороды. Домы шляхтичей мало чѣмъ лучше крестьянскихъ избъ; они отличаются величиною, большими окнами и особенно фруктовымъ садикомъ, въ которомъ между яблоновыхъ, грушевыхъ и вишневыхъ деревъ, попадаются иногда горизонтальные пчелиные ульи, числомъ рѣдко свыше дюжины. Сараи для скота, сѣнникъ, овинъ, свирня и складъ дерева и дровъ принадлежатъ также къ отличительнымъ признакамъ панскаго дома. Дворы, хотя обнесены плетнями для защиты луговъ и огородовъ отъ домашнихъ животныхъ, но воротъ нигдѣ не видно; въѣздъ во дворъ есть продолженіе кривой, грязной улицы и едва доступенъ за грязью въ дождливую пору даже лѣтомъ, не говоря уже о веснѣ и осени. Домы пановъ состоятъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ посрединѣ сѣнями, и кухни съ очагомъ. Одна половина, свѣтелка для пановъ съ печью и трубою; другая курная хата для людей. Здѣсь, какъ въ крестьянскихъ избахъ, держатъ и животныхъ: гусей, куръ, телятъ, кроликовъ и т. п. Здѣсь же, во время жатвы накрывается столъ для рабочихъ, которые обыкновенно собираются только разъ въ день на ужинъ, по окончаніи дневнаго труда. Обѣдъ берутъ они съ собою въ поле.

Бытъ околичной шляхты имѣетъ разительное сходство съ житьемъ-бытьемъ мелкопомѣстныхъ господъ въ Малороссіи и даже въ Харьковской губерніи. Простота нравовъ такая же, какъ тамъ. Паненки (барышни), нерѣдко совсѣмъ босыя и почти всегда безъ чулковъ, выходятъ на лугъ, въ росу и на грязный дворъ и даже до хлѣвовъ, неприступныхъ за грязью въ самую лучшую сухую пору года. Встаютъ по околицамъ съ восходомъ солнца, часа въ три лѣтомъ, завтракаютъ около 9 часовъ утра и послѣ или даже предъ обѣдомъ отдыхаютъ. Ужины у старыхъ пановъ не въ обычаѣ. Чай съ хлѣбомъ и сыромъ

замѣняетъ ихъ по бо́льшей части, но для рѣдкихъ гостей дѣлаютъ исключеніе. Набожность жителей достойна всякой похвалы и служитъ вѣрнымъ свидѣтелемъ хорошей ихъ нравственности.

Въ заключеніе небезъинтересно узнать о нѣкоторыхъ способахъ леченія, употребляемыхъ литовцами.

Главное средство леченія всѣхъ почти болѣзней у здѣшняго простаго народа составляетъ кровопусканіе, которое употребляется безъ разбора и оттого причиняетъ много вреда.

Послабляющія горячки обыкновенно предоставляются силѣ природы, причемъ не соблюдаютъ никакой діэты: всѣ требованія больнаго удовлетворяются, потому что вѣрятъ въ инстинктивныя желанія.

Въ перемежающейся лихорадкѣ употребляютъ: корень горечавки въ спиртномъ настоѣ, имбирный чай въ періодѣ озноба и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ножныя ванны, съ цѣлью возбудить потъ и избѣгнуть жара, наступающаго обыкновенно послѣ озноба; даютъ передъ пароксизмомъ по двѣ ложки, за одинъ пріемъ, смѣси крѣпкаго уксуса съ водкою, два миндальныя зерна, предварительно омоченныя въ обыкновенныя чернила и послѣ пережженныя.

Въ кровавомъ поносѣ даютъ больному выпить стаканъ теплаго, растопленнаго коровьяго масла, а потомъ отваръ ягодъ черники (Vaccinium Myrtyllus) или отваръ завязнаго корня (Tormentilla rad.) и довольно часто съ успѣхомъ.

При воспаленіи горла кладутъ на шею теплыя припарки изъ собачьяго кала и употребляютъ отваръ изъ него же, для полосканія.

Въ рожѣ прикладываютъ свинцовую окись (Blejwes) на синей оберточной бумагѣ (отъ сахара) и тѣмъ часто причиняютъ переносы болѣзни на внутренніе органы.

Въ падучей болѣзни употребляютъ порошекъ изъ корня чернобыльника (Artemisia vulg. rad.), съ половинною пропорціею порошка піоннаго корня (rad. paeonia), иногда съ большимъ успѣхомъ.

Слабительнымъ средствомъ служитъ александрійскій листъ и сабуръ.

При нервной желудочной боли, которая лѣтомъ случается между рабочимъ классомъ, даютъ выпить рюмку водки-березовки или перцовки.

Въ кори, для способствованія сыпи, даютъ пить теплаго меда.

Разнородныя язвы приписываютъ волоснику (falaria), котораго стараются разными средствами выгнать изъ раны долгимъ обливаніемъ холодною водою съ высокаго мѣста или вытягиваніемъ посредствомъ корпіи и тонкой соломки; для перевязки употребляютъ мазь изъ жира и еловой смолы, сверхъ которой кладутъ сырые листья капусты, лопушника и попутника.

Въ колтунномъ худосочіи всѣми средствами стараются сосредоточить болѣзненную матерію на волосахъ, которые оттого склеиваются въ отдѣльныя пряди или въ одну сплошную массу. Къ этому способствуетъ отваръ изъ листьевъ барвинка, сассапарель и плаунъ (Lycopodium clavatum); также смачиваютъ волосы отваромъ изъ солода или конопляным молокомъ.

Водобоязнь лечатъ порошкомъ чистой мѣди съ свинцовою окисью и съ медомъ, который даютъ людямъ и собакамъ.

Въ обжогѣ прикладываютъ пивныя дрожди съ большимъ успѣхомъ.

Вообще же мѣстные жители бо́льшею частію прибѣгаютъ къ заговорамъ болѣзней посредствомъ воды и масла. Во многихъ селеніяхъ живутъ старики и старухи, пользующіеся большимъ довѣріемъ своихъ паціентовъ.

4. Цыганы.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ инородцевъ, населяющихъ Россію, нѣтъ, кажется, народа болѣе оригинальнаго, болѣе своеобразнаго, какъ цыганы. Много было предположеній о происхожденіи этого народа. Различныя названія, даваемыя цыганамъ въ разныхъ государствахъ, были какъ бы указаніемъ на ихъ происхожденіе. Такъ напр., во Франціи ихъ называли Bohemiens, потому что они вошли туда изъ Богеміи. Въ Венг-

ріи Pharao-Nepo или народъ Фараона, — намекъ на выселеніе цыганъ изъ Египта. Сами цыгане какъ бы даютъ понятіе о своемъ происхожденіи, причисляя себя къ народу *Синте*, котораго они постоянно называютъ въ своихъ преданіяхъ. Извѣстный ученый Краусе доказываетъ, что р. Индъ называется поиндѣйски *Синде*, а часть земли при впаденіи р. Инда называется *Синды*, а между собою индійцы называютъ себя *Синте*. Вотъ почему Краусе предполагалъ, что устье р. Инда и есть родина цыганъ. Окончательно убѣдились въ индѣйскомъ происхожденіи цыганъ, когда ученый Чацкій, съ индѣйской грамматикой въ рукахъ, бесѣдовалъ съ цыганами и нашелъ, что изъ 100 индѣйскихъ словъ, цыганы понимали 80. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что цыганы индѣйскаго происхожденія. По мнѣнію ученыхъ, они принадлежали къ древней индѣйской кастѣ *Сударсъ*, самой нечистой и воровской, презираемой прочими кастами. Преслѣдуемые и гонимые различными ханами, принуждавшими ихъ къ исламизму, цыганы, какъ нелюбившіе никакого опредѣленнаго вѣроученія, бросили родныя пепелища Индіи и бѣжали въ Аравію. Но и въ Аравіи имъ не посчастливилось; и вотъ они перешли въ Египетъ, а оттуда прибыли въ европейскую Турцію, изъ Турціи перешли въ Богемію, Молдавію, Валахію, Галицію и, наконецъ, въ XV вѣкѣ — въ Польшу, а изъ нея въ западныя и южныя губерніи Россіи (въ началѣ XVIII вѣка).

Поселившись въ западно-русскомъ краѣ, цыганы образовали изъ себя особую касту и, не смотря на кочевую жизнь, имѣли главное убѣжище и нѣкотораго рода отдѣльное управленіе. Этимъ убѣжищемъ было мѣстечко Миръ, принадлежавшее князьямъ Радзивилламъ и существующее нынѣ (въ Минской губерніи) съ развалинами древняго замка. Главный управитель назывался старшиною, а впослѣдствіи даже королемъ. Выборъ старшины производился на Мирскомъ полѣ, куда обыкновенно сходились цыганы цѣлыми кочевьями со всѣхъ концовъ западной Россіи. Въ старшины выбирали цыгана среднихъ лѣтъ, статнаго и богатаго; новоизбраннаго и (если была) его сожи-

тельницу три раза поднимали на рукахъ вверхъ съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши всего общества, послѣ чего у ногъ ихъ складывали разные подарки. Старшина отличался отъ прочихъ цыганъ тѣмъ, что носилъ жупанъ съ откладнымъ, краснымъ воротникомъ и сверху жупана перекинутое черезъ плечо *джупло*, т. е. нагайку, или плеть, съ серебряною рукояткою; кромѣ того, у него была высокая мѣховая шапка изъ краснаго сукна, съ разными, шитыми канителью значками. Власть старшины была обширна: онъ дѣладъ приговоры надъ виновными, безъ участія общества и только наказывалъ ихъ въ присутствіи избранныхъ стариковъ или *подстаршинъ*. И такъ какъ главнымъ и постояннымъ преступленіемъ цыганъ было воровство и особенно конокрадство, то это преступленіе и было собственно предметомъ расправы старшины. Если кто-нибудь попадался въ воровствѣ, то старшина вмѣстѣ съ нѣсколькими подстаршинами отправлялся въ шатеръ виновнаго и, взявъ у него похищенную вещь или лошадь, собственноручно наказывалъ его жестоко джупломъ не за то собственно, что онъ уворовалъ, а за то, что не умѣлъ хорошо спрятать украденную вещь.

Такое управленіе у цыганъ существовало до половины XVIII вѣка, когда въ царствованіе Екатерины Великой изданы были два указа, изъ которыхъ первымъ велѣно цыганамъ избрать опредѣленный образъ жизни, а вторымъ назначенъ имъ срокъ приписаться въ городахъ къ мѣщанскому сословію и разстаться съ шатрами. Кто не исполнялъ высочайшей воли, съ тѣмъ поступали, какъ съ бродягою. Ведя прежде кочевую жизнь, цыганы, очевидно, похожи были на дикарей: они жили въ лѣсахъ, земляпкахъ и даже ямахъ. Въ настоящее время они принуждены жить осѣдло, нѣсколько оцивилизованы, живутъ семействами и занимаются какимъ-нибудь ремесломъ. Многіе богатые цыганы записались въ купечество и сдѣлались непослѣдними дѣятелями въ мірѣ торговомъ. И все-таки есть очень много такихъ, которые, хотя и приписались къ какому-нибудь городу или мѣстечку, но, по старой привычкѣ, все еще продолжаютъ вести переходную, кочевую жизнь. Такимъ образомъ,

большинство цыганъ, въ продолженіе уже многихъ лѣтъ, не смотря на всѣ успѣхи цивилизаціи, ни на шагъ не подвинулось впередъ и остается, по-прежнему, кочующимъ, полудикимъ племенемъ.

Тѣ изъ цыганъ, которые и въ настоящее время продолжаютъ вести кочевую жизнь, зиму проводятъ въ городахъ или большихъ селахъ, гдѣ нанимаютъ избы, въ которыхъ помѣщается человѣкъ по 30 вмѣстѣ. Но едва только наступаетъ весна и снѣгъ сойдетъ съ полей, они запрягаютъ въ кибитки лошадей, складываютъ на нихъ свои шатры, весь домашній незатѣйливый скарбъ, состоящій изъ котомокъ, мѣшковъ, чугунныхъ горшковъ, деревянныхъ ложекъ и жестяныхъ сковородъ, забираютъ женъ, дѣтей, собакъ и неизбѣжныхъ медвѣдей и отправляются странствовать. Прикочевавши куда-нибудь къ большой деревнѣ, они отряжаютъ человѣкъ двухъ-трехъ и отправляютъ ихъ къ помѣщику или вообще къ мѣстному начальству просить позволенія остановиться таборомъ. Если въ такомъ позволеніи имъ отказываютъ, они преспокойно ѣдутъ дальше до слѣдующей деревни, гдѣ опять повторяютъ ту же просьбу. Когда же, наконецъ, имъ разрѣшаютъ остановиться, они въ нѣсколько минутъ устроиваютъ свой походный лагерь. Останавливаются цыганы, обыкновенно, поближе къ рѣкѣ и подальше отъ строеній, чтобы и вода была подъ руками, и съ огнемъ можно было обращаться посвободнѣе. Шатры стащутъ съ телѣгъ, разобьютъ ихъ на землѣ, наскоро устроятъ походную наковальню, котлы повѣсятъ на треногахъ, — и лагерь, по-цыгански таборъ, готовъ, а населеніе его, какъ мужеское, такъ и женское, сейчасъ же принимается за дѣло.

Цыганы промышляютъ, по большей части, обманомъ; но само собою разумѣется, прикрываютъ такого рода промышленость занятіями весьма невинными. Главная дѣятельность ихъ есть барышничество лошадьми: продать, купить, вымѣнять лошадь — на это цыганъ большой мастеръ. Кривую, старую, беззубую лошадь-калѣку цыганъ умѣетъ передѣлать въ статнаго, огненнаго и рѣзваго бѣгуна. Вколачиваніе въ лошадиную

спину булавокъ, зажженная губка подъ хвостомъ и подниманіе кожи животнаго черезъ сдѣланное въ ней отверстіе—вотъ обыкновенныя средства, употребляемыя цыганами для обмана покупщиковъ. Многословный цыганъ, кромѣ способности скрывать недостатки своей лошади, имѣетъ еще удивительную ловкость сваливать съ ногъ самаго сильнаго коня и выказывать недостатки предлагаемаго ему на мѣну. Страсть къ мѣнѣ лошадей въ высшей степени развита въ цыганахъ. Кромѣ этого, цыганы занимаются еще коновальствомъ, причемъ, само собою разумѣется, представляется также удобный случай надуть крестьянина. Въ деревнѣ гдѣ взять ветеринара? а лошадь на бѣду захворала. Цыганъ тутъ какъ тутъ: кровь ей пуститъ, чего-то въ горло вольетъ, и стянетъ съ мужика кровный полтинникъ. Затѣмъ промышленость ихъ ограничивается кузнечествомъ и дѣланіемъ рѣшетъ, для которыхъ они сбираютъ по деревнямъ кожи съ палыхъ телятъ, пріобрѣтая этотъ матеріалъ не на деньги, а на собственный трудъ, какъ-то: починку какого-нибудь желѣзнаго хозяйственнаго снаряда, ковку лошади и т. п.

Профессія женщинъ еще ограниченнѣе: тѣ уже ничего не работаютъ, а только ворожатъ и просятъ милостыню. Едва только таборъ устроится на новомъ мѣстѣ, и мужчины разбредутся за работой, цыганки тоже забираютъ всѣхъ своихъ ребятишекъ, всегда грязныхъ и оборванныхъ, а иногда и совсѣмъ голыхъ и разсыпаются по деревнѣ. Въ таборѣ остаются только совсѣмъ немощные старики и старухи. Давно уже въ народѣ цыганки пріобрѣли репутацію обманщицъ и воровокъ, но, не смотря на это, ни одна баба, въ особенности молодая, не откажетъ себѣ въ удовольствіи погадать у цыганки. Чего, чего не посулитъ та ей! И счастья-то, и богатства, и всего, чего бѣдной бабѣ и во снѣ не увидать! Разнѣжится баба и рада-радехонька отдать цыганкѣ и рубашку новую — трудъ не одной ночи, и муки, и крупъ, и всякой домашней всячины; цыганка все возьметъ да еще постарается стянуть, что лежитъ плохо. Собравши посильную дань со всей деревни, цыганки спѣшатъ

къ табору, раскладываютъ огонь и готовятъ неприхотливый ужинъ. Какую оригинальную картину представляетъ тогда таборъ!

Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь, семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.

Вокругъ разложеннаго костра сидятъ смуглые, съ черными огненными глазами цыганы и цыганки и хлебаютъ изъ общаго, грязнаго котла сѣрую, непривлекательную кашицу. Тутъ же копошатся полунагія дѣти, жадно ожидая подачки. Но вотъ ужинъ кончился, посуда убрана, дѣти кое-какъ уложены спать, но таборъ долго еще не угомонится. Ему весело, день прошелъ хорошо, пожива была знатная. И вотъ старый цыганъ беретъ бубенъ; вотъ онъ звякнулъ, затянулъ пѣсню, и вся ватага точно встрепенулась. Начинается пляска, разгульная, удалая, дикая, нестройная. Вотъ изъ толпы отдѣлилась молодая цыганка: на ней изорванныя лохмотья, остатки когда-то выпрошеннаго у деревенской барыни платья, черезъ плечо перекинутъ ярко — красный платокъ, чорныя косы, какъ змѣи, вьются ниже колѣнъ, на смуглой шеѣ горитъ рядъ нанизанныхъ на снурокъ червонцевъ, перемѣшанныхъ съ крупными кораллами. Это украшеніе передается у нихъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери. Какъ хороша она въ этой дикой необузданной пляскѣ! Глаза горятъ, изъ полуоткрытаго рта виднѣется рядъ бѣлыхъ, какъ слоновья кость, зубовъ, движенія становятся все быстрѣе и быстрѣе; она то кружится, какъ изступленная, то будто вся изнеможетъ и снова понесется, какъ вѣтеръ. Все въ ней жизнь, страсть, воля, широкая воля. Между тѣмъ, кто-нибудь изъ шатра дастъ знать объ этомъ разгулѣ окружнымъ помѣщикамъ или горожанамъ (если городъ близко), и вотъ собираются зрители: сначала сыплются мелкія, мѣдныя монеты; потомъ являются любители всего дикаго, бурнаго, неистоваго,

и цыганкамъ бросается серебро и даже золото. Цыгане, между тѣмъ, поютъ хоромъ пѣсню, въ которой музыкантъ не найдетъ, пожалуй, ни смысла, ни стройной гармоніи, но которая интересна по своей оригинальности, по своей первобытной простотѣ, по той жизненной силѣ, которая слышится въ каждой нотѣ ея... Но краснѣетъ уже зоря, близокъ разсвѣтъ. Мало-по-малу усталость беретъ свое, пѣсни смолкаютъ, и кочующая семья, размѣстившись гдѣ и какъ попало, засыпаетъ глубокимъ сномъ.

Вотъ на выдержку одинъ день изъ жизни табора. Всѣ другіе мало чѣмъ отличаются отъ этого. Развѣ пойдетъ дождь и загонитъ цыганъ подъ шатры. Тутъ ужъ сидятъ они, закутавшись въ свои лохмотья, забившись въ пуховики, которыхъ у нихъ всегда множество. Только мужчины постукиваютъ молотами по импровизированной наковальнѣ. Женщины же никогда ничего не работаютъ да и не умѣютъ работать. Платье и бѣлье ихъ никогда не моется и не чинится и сбрасывается тогда, когда отъ него остаются однѣ тряпки. Неопрятность ихъ чудовищна. Только дождевая вода касается ихъ тѣла: смочитъ дождикъ, обсушитъ солнце — вотъ и весь процесъ умовенія цыганки.

Интересно также посмотрѣть на прогулку цыганъ по деревнѣ съ медвѣдями. Медвѣдей въ таборѣ всегда не менѣе 5, а иногда и до 12, смотря по многочисленности населенія табора. Забравши медвѣдей, цыганы отправляются въ деревню, гдѣ появленіе такого общества производитъ всегда большое волненіе. Все населеніе деревни высыпаетъ изъ избъ, собаки выходятъ изъ себя отъ ярости, и тутъ же, на улицѣ, начинается представленіе. Медвѣди показываютъ все свое искусство: ѣздятъ верхомъ на палкѣ, пляшутъ, кланяются въ землю и выдѣлываютъ вообще уморительныя штуки, вызывающія неподдѣльный восторгъ зрителей. Цыганы-вожаки возбуждаютъ энергію медвѣдей отчасти громкимъ причитаніемъ нараспѣвъ, а отчасти ударомъ и подергиваньемъ за цѣпь, продѣтую въ ноздри медвѣдя. Представленіе заканчивается возгласомъ цыгана: «кланяйся,

Гаврило Романовичъ (или какое другое имя — медвѣди всѣ имѣютъ имена и отчества) проси на водочку!» Медвѣдь валится на землю и реветъ, сколько есть мочи; публика усердно бросаетъ ему гроши и копѣйки, бабы выносятъ ломти хлѣба, а очень часто поднесутъ и рюмку водки, до которой и цыганы, и медвѣди большіе охотники. Отпивши полрюмки, цыганъ отдаетъ остальное медвѣдю. Этимъ еще не оканчивается его визитъ въ деревню: многіе изъ мужиковъ приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости вмѣстѣ съ медвѣдями, причемъ имѣется въ виду собственно медвѣдь, ибо думаютъ, что онъ, входя въ избу, приноситъ съ собою большое счастіе. Случается иногда, медвѣдь заупрямится и не идетъ въ двери: тутъ уже хозяева, въ совершенномъ отчаяніи, просятъ его, кланяются, потчуютъ, и потомъ недѣли двѣ вся деревня толкуетъ, что молъ медвѣдь не пошелъ къ такому-то. Этого еще мало: если у кого изъ стариковъ болитъ спина, онъ ложится на полъ и проситъ цыгана позволить медвѣдю *потоптать* его, въ твердой увѣренности въ цѣлебную силу такого средства. Нечего и говорить, что эта медицинская помощь, равно и посѣщеніе медвѣдя на дому, не обходится безъ денежнаго возмездія, и такимъ образомъ нашествіе цыганъ на деревню, обходится жителямъ ея весьма не дешево.

Обобравъ такимъ образомъ бѣдныхъ мужичковъ, цыганскій таборъ собирается въ путь къ сосѣднему городу или сосѣдней деревнѣ.

Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось, и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Мужья и братья, жены, дѣвы
И старъ, и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,

Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, неспокойно...

Кажется, что можетъ быть привлекательнаго въ этой грязной, скитальческой жизни, ничѣмъ не обезпеченной, зависящей отъ случайнаго подаянія, отъ умѣнья обмануть, не представляющей даже тѣхъ жалкихъ удобствъ, которыми пользуются наши крестьяне. А между тѣмъ предложите цыгану чистое, удобное помѣщеніе, одѣньте его, обезпечьте всѣмъ необходимымъ и, въ замѣнъ этого, потребуйте, чтобъ онъ подчинился всѣмъ обязанностямъ осѣдлаго человѣка, — онъ откажется отъ всего.

Лѣнивый по природѣ, онъ въ то же время довольствуется малымъ. Онъ поэтъ по природѣ: ему прежде всего нужны голубое небо, солнце, пѣсни и свобода. И за эти блага онъ не возьметъ всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ осѣдлою жизнью. Но ни небо, ни солнце, ни пѣсни не дадутъ ему хлѣба, и вотъ почему онъ, для добыванія себѣ пропитанія, вынужденъ плутовать. Въ этомъ плутовствѣ цыганъ находитъ своего рода удовольствіе: онъ волнуется, напрягаетъ всѣ свои мыслительныя способности, чтобы обойти человѣка, чтобы выманить у него деньги, безъ которыхъ ему, цыгану, прожить нельзя. Онъ ежеминутно подвергается опасности быть пойманнымъ въ обманѣ; но для его неспокойной, страстной натуры эти вѣчныя волненія все-таки болѣе похожи на жизнь, чѣмъ то спокойное ожиданіе, въ которомъ проводитъ свой вѣкъ человѣкъ одинаковаго съ нимъ развитія, но осѣдлый.

Въ старыя времена, религіи у цыганъ, собственно говоря, не было никакой. Если бы спросили у цыгана: «Какой ты вѣры?» Онъ отвѣтилъ бы: «Какой хочешь, батю.» Они не исполняли ни браковъ, ни крестинъ, ни другихъ религіозныхъ обрядовъ. Нынѣ, войдя въ общій составъ народонаселенія имперіи, цыганы подчинены всѣмъ условіямъ государственныхъ законовъ и правиламъ церкви; теперь они христіане, соблюдаютъ только

необходимые обряды, какъ-то: вѣнчаніе, похороны, крещеніе дѣтей; а церковь все-таки не посѣщаютъ и не соблюдаютъ постовъ. Вообще цыганы не обнаруживаютъ религіозныхъ наклонностей. Семейныя отношенія соблюдаются у нихъ свято. Почтеніе къ родителямъ и вообще къ старшимъ не нарушается никогда.

5. Эсты.

Древнѣйшими обитателями Балтійскаго поморья были *эсты*— народъ финскаго племени. Впослѣдствіи являются здѣсь литовцы, оттѣснявшіе эстовъ далѣе къ сѣверу — въ нынѣшнюю Эстляндію. Эсты хотя издревле и занимались хлѣбопашествомъ, но предпочитали ему рыбную и звѣриную ловлю, любимые промыслы финна, наслѣдіе его прежней отчизны — пустынь Сибири. Миѳологія эстовъ похожа на Скандинавскую. Въ священныхъ рощахъ своихъ, на камняхъ, приносили они жертву *Юмалѣ*, верховному творцу, *Тору*, — богу войны, *Ваннемуне*, — богу пѣсенъ.

Сосѣднее и болѣе даровитое славянское племя изстари начинаетъ оказывать свое вліяніе на поморянъ. Эсты тѣмъ охотнѣе перенимали русскіе нравы и обычаи, что славяне не имѣли обыкновенія стѣснять подвластные имъ народы; довольствуясь только данью, они не мѣняли у нихъ управленія, не навязывали своего языка и религіи, а потому эсты охотно вступали съ ними въ родство. Такимъ образомъ, платя славянамъ дань шкурами, эсты были хотя бѣднымъ, но свободнымъ народомъ. Они управлялись своими старшинами, а дѣла общественныя рѣшались у нихъ на мірскихъ сходкахъ. Жившіе по окраинамъ земли эстовъ, кривичи, псковитяне и новогородцы иногда переселялись къ нимъ, а князья славянскіе имѣли въ землѣ эстовъ даже собственные города. Такъ Ярославъ князь новгородскій уже въ 1030 году имѣлъ тамъ городъ *Юрьевъ*, впослѣдствіи переименованный нѣмцами въ *Дерптъ*. Подобно сѣверо-восточнымъ

финнамъ, эсты примкнули бы къ Руси и слились бы съ славянами въ одинъ народъ, но мѣстныя обстоятельства и историческія событія помѣшали этому.

Въ исходѣ XII вѣка нѣмецкій монахъ Мейнгардъ, съ дозволенія полоцкаго князя Владиміра, построилъ близъ устья Двины католическую церковь и сталъ волею и неволею обращать туземцевъ въ латинство. За эти подвиги папа далъ ему санъ епископа и обѣщалъ распространителямъ католической вѣры на берегахъ Двины отпущеніе грѣховъ. Такое обѣщаніе привлекло сюда толпы нѣмцевъ, — искателей приключеній, которые образовали здѣсь подъ властію епископа рижскаго религіозный орденъ Меченосцевъ, огнемъ и мечемъ обратившій живших тамъ латышей въ христіанскую вѣру и завладѣвшій ихъ землями. Распространяя свои завоеванія на сѣверъ, меченосцы встрѣтили со стороны эстовъ сильное сопротивленіе, вынудившее ихъ просить помощи у датчанъ. Король датскій, Вольдемаръ VI, напалъ на Эстонію съ моря, покорилъ большую часть и, основавши въ 1218 году г. Ревель, отправился обратно въ Данію. Орденъ, воспользовавшись завоеваніями Вольдемара, раздѣлилъ всѣ земли эстонцевъ на три части: $^1/_3$ земель была назначена для рыцарей, а $^2/_3$ для духовенства. Духовенство и рыцарство, отдѣливъ количество земли необходимое для себя, раздавали остальную землю нѣмецкимъ выходцамъ. Получившіе земли образовали дворянство *Ливоніи*, какъ стало съ этихъ поръ называться все Балтійское поморье отъ Ливонскаго ордена. Отдѣльныя же части Ливоніи нѣмцы назвали *Эстляндіей*, *Лифляндіей* и *Курляндіей*, по имени жителей, обитавшихъ тамъ.

Постройкою укрѣпленныхъ городовъ и замковъ съ нѣмецкимъ населеніемъ меченосцы положили прочное основаніе своему господству. Многолюдныя деревни были выселены въ отдѣльные хутора и мызы для разъединенія силы туземцевъ. Эсты, тѣснимые и съ суши, и съ моря, подвергаясь жестокимъ преслѣдованіямъ и безчеловѣчнымъ истязаніямъ побѣдителей и не видя конца своимъ бѣдствіямъ, наконецъ, возстали. Поселяне въ Фелинѣ, Дерптѣ и Оденнѣ перерѣзали рыцарей, патеровъ и

купцевъ. Между тѣмъ какъ другіе эстонцы, подстрекаемые новгородцами, разрушили церкви, отреклись отъ латинства и послали сказать епископу рижскому, что возвратились къ вѣрѣ отцевъ и болѣе не оставятъ ея. Это возстаніе, а также распри съ датчанами и безпрерывные набѣги русскихъ, желавшихъ возвратить похищенныя у нихъ области, принудили меченосцевъ соединиться съ прусскимъ орденомъ *Тевтонцевъ*.

Меченосцы, усиленные тевтонцами, сдѣлали новыя пріобрѣтенія въ Ливоніи и окончательно покорили все поморье. Изнеможенные безплоднымъ сопротивленіемъ, разсѣянные въ своихъ хуторахъ туземцы прекратили, наконецъ, всякія попытки къ освобожденію.

Между тѣмъ въ началѣ XVI столѣтія въ Ригу проникло Лютерово ученіе и вскорѣ распространилось по всей Ливоніи. Эсты охотно принимали новое ученіе, потому что имъ отрадно было слушать проповѣдь на родномъ языкѣ и притомъ направленную противъ враговъ ихъ, католиковъ.

Съ этого времени начинаются внутреннія междоусобія католическаго духовенства съ рыцарствомъ, принявшимъ Лютерово ученіе, и Ливонія была покоряема то русскими, то поляками, то шведами, пока, наконецъ, Императоръ Петръ I по ништадтскому миру не присоединилъ къ Россіи Эстляндіи и Лифляндіи. Курляндія же, оставаясь ленною областію и имѣя своихъ герцоговъ, окончательно вошла въ составъ Россіи только при Екатеринѣ II.

Такимъ образомъ, Балтійское поморье, послѣ шестивѣковаго отчужденія, опять возвратилось въ составъ Русскаго государства.

Въ Эстляндіи, съ самаго покоренія ея нѣмцами, образовалось только два сословія — привилегированныхъ-побѣдителей — иностранцевъ, и безправныхъ побѣжденныхъ — туземцевъ. Но гордые побѣдители не хотѣли слиться въ одинъ народъ съ побѣжденными и сдѣлались совершенно чуждыми народу, а потому въ Эстляндіи и до настоящаго времени поземельное дворянство, все безъ исключенія, состоитъ изъ нѣмцевъ, а низшій классъ, крестьяне — изъ эстовъ.

Только подъ русскимъ владычествомъ участь эстовъ облегчена. Такъ, въ царствованіи Императора Александра I были точно опредѣлены права помѣщиковъ, а крестьянамъ дарована личная свобода; въ настоящее царствованіе, положеніемъ 1856 года окончательно устроенъ бытъ крестьянскаго сословія. По этому положенію всѣ земли Эстляндіи дѣлятся на *мызныя*, т. е. собственно помѣщичьи, и *крестьянскія арендныя*, которыя хотя и считаются также собственностью помѣщика, но находятся въ вѣчномъ пользованіи крестьянъ и не могутъ быть присоединены къ мызнымъ. Часть арендныхъ земель уже выкуплена крестьянами и, такимъ образомъ, въ Эстляндіи образуется классъ крестьянъ-собственниковъ.

Долголѣтнее рабство не могло не отозваться на характерѣ эстовъ, а въ слѣдствіе отчужденія ихъ отъ другихъ сословій, они въ большей чистотѣ сохранили первоначальный типъ, языкъ, преданія и обычаи древней чуди.

Языкъ эстовъ, какъ нарѣчіе финскаго языка, отличается обиліемъ гласныхъ и бѣдностію согласныхъ звуковъ. Двѣ согласныя рядомъ составляютъ камень преткновенія для произношенія эста. Русскіе слова: *сквозной*, *хватаетъ*, или нѣмецкія: *Schwan Schreien*, эсть произноситъ: *возной*, *ватаетъ*, *wan*, *reien*. Многихъ буквъ: ф, з, ц, ч, щ и другихъ, а также родовъ въ ихъ языкѣ вовсе нѣтъ. Когда эсту приходится произносить иностранное слово, то онъ замѣняетъ недостающія въ его языкѣ буквы другими — соотвѣтствующими или совсѣмъ выпускаетъ. Фамилій долгое время эсты не имѣли и назывались только именами; фамилію замѣняло названіе мѣста жительства, чего при малочисленности и разрозненности эстскихъ жилищъ было вполнѣ достаточно, но съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, имъ приказано было избрать себѣ фамилію; и теперь, при помощи ученыхъ пасторовъ, многіе изъ нихъ имѣютъ чрезвычайно оригинальныя фамиліи. Такъ, между ними можно встрѣтить: *Домиціановъ*, *Веспасьяновъ*, *Ликурговъ*, прозванія, которыхъ простодушный эстъ никакъ не можетъ запомнить и на вопросъ объ

его фамиліи, или показываетъ свой паспортъ, или проситъ справиться въ церковной книгѣ.

Наружность эста также доказываетъ чудское происхожденіе и сродство съ монголами. Волосы у нихъ свѣтло-русые или черные, длинные, постоянно распущенные по плечамъ и нерѣдко растрепанные, складъ лица овальный, глазныя полости четыреугольныя, скулы выдавшіяся, борода рѣдкая и почти всегда бритая. Ростомъ эсты невелики и сложенія довольно слабаго; исключеніе составляютъ только жители прибрежьевъ и острововъ Балтійскаго моря: тѣ довольно высоки ростомъ, стройны и мужественны. Здѣсь дѣятельная жизнь моряка и рыболова измѣнила природный типъ къ лучшему.

Мрачный, угрюмый характеръ эста вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивъ и спокоенъ, несклоненъ къ грабежамъ и убійствамъ, но мстителенъ въ высочайшей степени. Эстъ чувствуетъ врожденную ненависть къ своимъ бывшимъ притѣснителямъ, нѣмцамъ, которыхъ называетъ саксонцами и до сихъ поръ смотритъ на нихъ, какъ на пришельцевъ и похитителей его собственности. Мать-эстонка, если желаетъ усмирить своего ребенка, то говоритъ «Saks tuleb» (нѣмецъ идетъ). Чѣмъ провинились предки, тѣмъ должны нынѣ страдать ихъ потомки. Впрочемъ, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, эта ненависть уменьшается и современемъ, вѣроятно, пропадетъ совершенно. Характеръ эста есть слѣдствіе долговременнаго рабства, которое привило къ нему и другіе пороки и недостатки: онъ капризенъ, коваренъ, упрямъ, лѣнивъ и склоненъ къ пьянству. Эстъ не отличается изобрѣтательностію и смѣтливостію, но и не страдаетъ врожденною глупостью, какъ увѣряютъ нѣмцы. Когда дѣло идетъ о достиженіи какой-нибудь цѣли, онъ къ упрямству присоединяетъ и большой запасъ хитрости. Тѣ изъ эстовъ, которымъ удалось получить порядочное образованіе и выбиться изъ колеи рыбачьей и земледѣльческой жизни, по дарованіямъ едва ли уступаютъ своимъ учителямъ-нѣмцамъ.

Одежда эстовъ незатѣйлива и отличается преобладаніемъ чернаго цвѣта у мужчинъ и пестротою у женщинъ. У первыхъ чер-

ный кафтанъ, рѣдко подпоясанный краснымъ кушакомъ и черная шляпа составляютъ необходимую принадлежность костюма. Женщины носятъ цвѣтные чулки, тиковые или шерстяные сарафаны, отличающіеся необыкновенной пестротой и яркостію красокъ, и суконные кафтаны. На голову замужнія женщины надѣваютъ коническіе колпаки, украшенные сзади бантами, а дѣвушки покрываются платками, изъ которыхъ выбиваются и падаютъ на плеча нечесанные волосы. Любимымъ украшеніемъ женщинъ считаются серебряныя цѣпочки и ожерелья изъ бусъ, также разныя металлическія побрякушки и бляшки, нашитыя на платье.

Домы эстовъ, всѣ безъ исключенія, деревянные, рѣдко на каменномъ фундаментѣ, большею частію безъ трубъ и крыты соломой. Въ каждой хижинѣ находится дымовое окно, закрывающееся подвижною доской, дверь и два или три небольшія окна изъ цѣльнаго стекла, а чаще изъ осколковъ, склеенныхъ бумажными полосками. Вмѣсто русской печи, неизбѣжной въ каждой избѣ нашего крестьянина, у эстовъ въ отдаленной части хижины наложена куча камней, на которой они при помощи тагановъ варятъ свои незатѣйливыя кушанья. Бѣлые, деревянные столы, скамейки, сундуки и чрезвычайно короткія кровати, покрытыя вѣчной копотью и грязью, составляютъ всю обстановку ихъ хижинъ.

Домашній образъ жизни эста представляетъ царство нечистоты, лѣни и бѣдности, особенно поражающихъ путешественника зимою, когда въ черной, длинной избѣ, при свѣтѣ горящаго костра, лѣниво движется или покоится цѣлое семейство. Женщины прядутъ или пекутъ хлѣбы и готовятъ кушанья; а мужчины — одни дѣлаютъ деревянную посуду, корзины и пр., другіе беззаботно предаются лѣни, лежа передъ огнемъ, для котораго старики колютъ лучины. Возлѣ стариковъ валяется куча грязныхъ ребятишекъ. Лошадь у корыта съ овсомъ или сѣномъ и куры, важно расхаживающія по избѣ, довершаютъ семейную картину эста.

Любимая пища эстовъ — овощи, между которыми капуста,

въ особенности кислая, сдѣлалась народнымъ кушаньемъ. Чрезвычайно любятъ они также картофель и жидкую кашицу изъ крупъ; свинина считается лакомствомъ и подается только по большимъ праздникамъ и въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Таат, приготовляемый изъ ячменя съ примѣсью хмѣля, составляетъ любимый напитокъ эстовъ.

Земледѣліе, не смотря на то, что ему сильно неблагопріятствуютъ климатическія и другія мѣстныя условія, составляетъ главный предметъ продовольствія жителей. Болотистая и неплодородная почва, непостоянство погоды, непродолжительность лѣта и ранніе заморозки, кромѣ того, лѣнь и наклонность къ пьянству жителей сильно затрудняютъ развитіе сельскаго хозяйства въ странѣ. Не смотря на то, нѣмцы-помѣщики съ огромными пожертвованіями и упорствомъ, отличающимъ ихъ націю въ достиженіи цѣлей, въ сильной степени преодолѣли эти препятствія. Множество болотъ превращено въ плодородныя поля, луга искусственно орошаются водою, и вообще сельское хозяйство въ Эстляндіи, при помощи плуга и сельско-хозяйственныхъ машинъ, стоитъ на болѣе высокой степени, нежели наше русское хозяйство.

Рыболовство, послѣ земледѣлія, занимаетъ первое мѣсто въ промышлености эстовъ и представляетъ источникъ пропитанія обильный и вѣрный; поэтому-то приморскіе жители и жители острововъ, примыкающихъ къ Эстляндіи, исключительно посвятили себя рыболовству. Берега моря унизаны длинными рядами рыбачьихъ хижинъ, хижины обведены ветхими деревянными заборами, обвѣшанными сѣтями; весла, рули, челноки и прочія принадлежности домашняго быта рыболова разбросаны на берегу. Ловля производится преимущественно сѣтями и плетеными изъ прутьевъ корзинами. Кромѣ того, эсты употребляютъ удочки, гарпуны и другіе снаряды, съ которыми они, на своихъ легкихъ челнокахъ, отправляются часто верстъ за 20 отъ берега, гдѣ мореходамъ нерѣдко случается встрѣчать цѣлыя флотиліи такихъ челноковъ, спокойно плавающихъ по разнымъ направленіямъ, съ пылающими на нихъ смоляными бочками и кучками хво-

роста для привлеченія рыбы. Здѣсь ловятся преимущественно угри, минога, лещи, карпы, судаки и въ особенности салакушка, распространяемая отсюда во внутреннія губерніи Россіи и доставляющая жителямъ главный доходъ.

Скотоводство въ Эстляндіи развито не въ такой степени, какъ земледѣліе, хотя шерсть эстляндскихъ овецъ считается превосходною. Эстляндская лошадь, не смотря на малый ростъ, чрезвычайно сослива и отличается быстротою бѣга. Превосходныя качества ея были извѣстны еще древнимъ германцамъ. Эстонецъ любитъ свою лошадь, какъ бедуинъ, и часто дѣлитъ съ нею послѣдній кусокъ хлѣба, но при бѣдственномъ положеніи Эстляндіи, во время владычества нѣмцевъ, когда сами жители часто оставались безъ пищи, конечно, не могло быть хорошаго ухода за лошадьми, отчего порода ихъ все ухудшалась и ухудшалась. Къ тому же нѣмцы цѣлыми стадами продавали лучшихъ лошадей въ сосѣднія государства. Не смотря на то, эстляндскіе *клиперы* не вполнѣ утратили свои родовыя достоинства, а при хорошемъ уходѣ изъ этихъ лошадей выходятъ превосходные бѣгуны. Петръ Великій, покоривши Эстляндію, обратилъ вниманіе и на породистыхъ лошадей ея. По его повелѣнію, огромные табуны ихъ были отправлены на сочныя постбища Вятской и Пермской губ. для улучшенія тамошней породы, и отъ этихъ-то лошадей произошли знаменитыя нынѣ вятки и обвинки.

Лѣсоводство занимаетъ также довольно почетное мѣсто въ промышлености эстовъ, потому во-первыхъ, что не требуетъ за собою большаго ухода, а во 2-хъ потому, что эстляндскіе лѣса обильны не только ягодами, грибами и орѣхами, но и разнаго рода дичью. Охота одно изъ любимѣйшихъ занятій эста въ свободное отъ работъ время. Большими партіями отправляются они въ лѣсъ и часто по нѣскольку дней проводятъ на охотѣ. Набравъ въ большомъ количествѣ ягодъ, грибовъ, орѣховъ и настрѣлявъ дичи, охотники, наконецъ, возвращаются домой, къ своимъ семействамъ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидающимъ не такъ сильно самихъ охотниковъ, какъ результатовъ охоты, которые,

при искусствѣ эстовъ въ стрѣльбѣ, почти всегда бываютъ удачны.

Въ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ Эстляндіи водятся бѣлки, кролики, зайцы, выдры, барсуки, рыси, куницы, медвѣди и волки. Но воображеніе эста, кромѣ животныхъ, населяетъ ихъ лѣшими, русалками и другими духами. Въ слѣдствіе насильственнаго обращенія и жестокостей, которымъ подвергались эсты отъ проповѣдниковъ евангелія, христіанство не пустило глубокихъ корней въ душѣ эстовъ; суевѣріе развито между ними въ сильнѣйшей степени, а не такъ давно еще на островѣ Дагенъ приносились языческія жертвоприношенія. Дагенъ такъ и называется по эстляндски «Sa ma», т. е. земля языческихъ боговъ.

Эсты такъ же, какъ и финны, имѣютъ свои преданія, герои которыхъ почти одни и тѣ же. Въ народной поэмѣ *Калевалѣ* верховнымъ божествомъ является владѣтель сѣвера *Вейнемойнесъ*, а народнымъ героемъ — сынъ родоначальника великановъ *Калевы — Калева Поэгъ* или *Калевичъ*, сильно напоминающій своими подвигами нашего Илью Муромца, только еще популярнѣе его. Происхожденіе нѣкоторыхъ мѣстностей народное преданіе приписываетъ подвигамъ какъ его самого, такъ его коня и сестры (дѣвицы Калевовой). Разсказываютъ напр., что Калевичъ жилъ когда-то въ приходѣ св. Екатерины, близъ Везенберга. Однажды, разсердившись на жителей этой страны, рѣшился онъ испортить ихъ землю и съ этою цѣлью, перепахалъ ее своимъ конемъ-великаномъ, потомъ заклялъ ее, чтобы она впредь ничего не производила. Въ слѣдствіе этого-то прежде плодородная земля и обратилась въ болото. Совершивши свой подвигъ, Калевичъ пустилъ коня пастись, а самъ легъ отдохнуть. Во время сна его, на коня напало стадо волковъ. Конь поскакалъ отъ нихъ, и тамъ, гдѣ онъ ударялъ связанными ногами въ землю, образовались углубленія, промежуточныя же пространства выросли въ холмы. Поэтому-то возлѣ болота и тянется рядъ холмовъ. Въ Лайверре обезсиленный конь былъ растерзанъ волками: широко растекшаяся кровь его и дала названіе урочищу: lad-werre — что значитъ широкая кровь. Въ Си-

моновомъ приходѣ находится Печенкина гора (maksa maggi), образовавшаяся изъ печени коня-великана.

Похожденія Калевича относятся ко времени Ливонскаго рыцарства, но у эстовъ есть преданія болѣе древнія изъ временъ баснословныхъ. Вообще какъ тѣ, такъ и другія, состоятъ изъ поэтическихъ пѣсенъ безъ риѳмъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Пѣснь Ваннемуне.

У людей и звѣрей былъ одинъ языкъ. И до-сихъ поръ есть люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для будничнаго употребленія, для нуждъ жизни. Однажды же всѣ твари были созваны на общій сборъ, чтобы научиться праздничному языку, т. е. пѣснямъ — въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось у Дерпта, вокругъ Соборной горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздалось въ воздухѣ вѣяніе, умиляющее сердце, и спустился на землю Ваннемуне, богъ пѣнія. Онъ раскинулъ свои кудри, оправилъ одежду, разгладилъ бороду и ударилъ по струнамъ, сперва сыгралъ онъ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Все было въ восторгѣ, а самъ онъ больше всѣхъ. Тишина водворилась въ собраніи: все внимало пѣнію. Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость, деревья, звѣри и птицы напрягли слухъ, и любящее дразнить эхо притаилось за лѣсомъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья рощи почуяли вѣяніе при нисхожденіи бога, и если, идя по рощѣ, услышите вы шумъ, то знайте, что божество недалеко отъ васъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ его одежды, и весною, когда празднуетъ возвратъ юности, журчаніемъ своимъ старается подражать этому шелесту. Вѣтеръ поймалъ на свою долю самые рѣзкіе звуки; изъ звѣрей же однихъ поразилъ скрипъ колковъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды головы свои лишь по уши, они видѣли только движеніе

устъ Ваннемуне и научились подражать имъ, но остались нѣмы. Только человѣкъ понялъ все: оттого и пѣсни его доходятъ до глубины души и до жилища боговъ. И пѣлъ Ваннемуне о величіи неба, о великолѣпіи земли, о красотѣ береговъ Эмбаха, о томъ, что они лишатся нѣкогда своей очаровательности, о счастіи и несчастіи человѣческаго рода. И такъ онъ былъ растроганъ своимъ пѣніемъ, что плакалъ горючими слезами, отъ которыхъ промокли на немъ всѣ шесть кафтановъ и семь рубахъ. Потомъ отлетѣлъ онъ къ жилищу все-отца, чтобы пѣть и играть передъ нимъ; а посвященному слуху дано внимать иногда отголоскамъ, несущимся свыше. А чтобы люди не забыли пѣсней, отъ времени до времени онъ посылаетъ на землю своихъ вѣстниковъ. И самъ онъ опять придетъ къ намъ, когда на юдоль нашу снова взглянетъ око счастія.

6. Варшава.

Варшава раскинулась на горѣ лѣваго берега широкой, мутной Вислы. Въѣзжая съ предмѣстья Праги, расположеннаго на другомъ берегу рѣки, видишь почти весь городъ. Направо самый отдаленный пунктъ—цитадель, налѣво длинную аллею тополей и липъ, ведущую къ Бельведеру и Лазенкамъ. Надъ громадою высокихъ каменныхъ домовъ возвышаются готическія башни древняго собора св. Іоанна и куполъ св. Креста. Ясно видишь замокъ прежнихъ королей съ длинною террасою и висячимъ садомъ. Внизу, по лѣвую сторону Праги, зеленѣетъ на Вислѣ Саксонскій островъ съ своими группами высокихъ ивъ и тополей. Проѣхавъ новый, красивый мостъ черезъ Вислу, подымаешься въ гору на площадь по насыпи, устроенной на семи огромныхъ сводахъ. На площади замокъ, а передъ нимъ бронзовая статуя Сигизмунда III на высокой колоннѣ туземнаго мрамора. По правую сторону замка начинается старый городъ, по лѣвую новый.

Старый городъ представляетъ лабиринтъ узкихъ, кривыхъ,

сырыхъ и вонючихъ улицъ. Рынокъ стараго города сохранилъ болѣе всего характеръ прежней, старинной городской жизни. Домы, окружающіе его, громадны, высоки, узки, каждый въ три окна; ихъ высокія крыши готической формы, съ высокими трубами, почти совсѣмъ закрываютъ небо. На этихъ домахъ сохранились еще гербы ихъ давнившихъ владѣтелей, эмблемы торговыхъ конторъ, девизы католицизма, статуи, барельефы, изображенія ангеловъ и другіе символы, свидѣтельствующіе о когда-то бывшей здѣсь разнообразной жизни. Эти свидѣтели стараго времени держатся только другъ другомъ, стоитъ одному изъ нихъ развалиться, и весь союзъ рушится. Передъ ихъ глазами, на площади, у воротъ ратуши, происходили всѣ сцены городской жизни: собирались цехи со своими знаменами, выбирались бурмистры и войты, отправлялась церемонія королевской коронаціи, совершались, наконецъ, кровавыя казни преступниковъ. Словомъ всѣ общественныя драмы происходили здѣсь. Прежняя широкая, торговая жизнь удалилась отсюда въ новыя части города, и теперь здѣсь на рынкѣ кипитъ жизнь мелочная, повседневная, трещатъ только торговки, продающія овощи и всякую мелочь. Евреи, играющіе въ жизни Варшавы важную роль, поселились преимущественно въ старомъ городѣ, хотя ихъ и встрѣчаешь здѣсь на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ; даже въ самомъ центрѣ новаго города, за рѣшеткою Саксонскаго сада, они устроили свой гостиный дворъ и рынокъ (Желязна Брама). Мелочная торговля, какъ и во всей Польшѣ, преимущественно въ ихъ рукахъ. Когда пріѣдете въ Варшаву и остановитесь въ гостиницѣ, черезъ нѣсколько минутъ ваша дверь отворится, и непремѣнно явится еврей съ предложеніемъ своихъ услугъ или же съ товарами и билетами на лотерею, убѣдительно уговаривая попытать счастья. Для путешественника еврей въ Варшавѣ большая помощь. Черезъ него онъ все разузнаетъ, все отыщетъ, обо всемъ справится; онъ укажетъ, къ кому обратиться, гдѣ купить и т. д.; можно даже, не выходя изъ номера, получать отъ него все необходимое. И за всѣ свои хлопоты, за всю бѣготню еврей требуетъ самую ничтожную плату — три, четыре злотыхъ (злотый 15 к. с.).

Лучшія улицы новаго города: Краковское Предмѣстье, Новый Свѣтъ, Сенаторская и Медовая. Тутъ сгруппировано все лучшее въ Варшавѣ: богатые магазины, громадныя палаццо, церкви, сады, памятники. Тутъ мы встрѣчаемъ памятникъ геніальному поляку Копернику. На пьедесталѣ изъ сѣраго мрамора сидитъ онъ въ академической тогѣ на древнемъ креслѣ: въ одной рукѣ держитъ онъ шаръ, въ другой циркуль. На пьедесталѣ простая надпись на польскомъ и латинскомъ языкахъ: «Николаю Копернику — соотечественники». Улицы, впрочемъ, въ этихъ частяхъ узки и отчасти удержали за собою старинный характеръ, такъ напр. нерѣдко рядомъ съ великолѣпнымъ палаццо возвышается зданіе старинной архитектуры съ кровлей, крытой черепицей. Церквей много, но всѣ онѣ бѣдны хорошими произведеніями искусства. Изваянія, находящіяся въ нихъ, не отличаются особеннымъ вкусомъ, большая же часть образовъ рисована кистью польскихъ художниковъ. Католицизмъ съ своими символами встрѣчается въ Варшавѣ на каждомъ шагу, вездѣ присутствіе его очевидно и проникаетъ всюду. Въ углахъ каменныхъ домовъ высѣчены изваянія Богородицы, на площадяхъ стоятъ ея изображенія съ Іисусомъ на рукахъ, въ наружныхъ нишахъ церквей опять изваянія, и все это обвито вѣнками, цвѣтами, окружено лампадами, повѣшанными на сборныя деньги. Нерѣдко въ тихую ночь, идя по улицамъ Варшавы, слышишь протяжное религіозное пѣніе. Это соберется нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, они поютъ на колѣняхъ передъ изображеніями; въ этой пѣснѣ бѣдные рабочіе находятъ отраду и утѣшеніе послѣ тяжкаго дневнаго труда.

Жизнь Варшавы не походитъ на жизнь русскихъ городовъ. Въ нашихъ городахъ болѣе патріархальности, болѣе развита семейная жизнь, въ Варшавѣ же общественная. Русскій человѣкъ любитъ распивать чай семейно или одиноко, здѣсь же напротивъ мужчина, вставъ поутру, спѣшитъ пить кофе въ кофейную или цукерню (кандитерскую). Громадное множество находящихся въ Варшавѣ кофейныхъ, кухмистерскихъ, ресторановъ, кандитерскихъ всегда переполнено народомъ. Рѣдкій холостой чело-

вѣкъ держитъ столъ у себя дома; всѣ обѣдаютъ въ кухмистерскимъ, гдѣ за сравнительно дешевую цѣну можно получить очень порядочный обѣдъ изъ пяти блюдъ. На эти общіе обѣды являются и женщины и духовные. Лѣтомъ по утрамъ въ Саксонскомъ и Красинскомъ садахъ пьютъ менеральныя воды и простую свѣжую колодезную, и туда собирается чуть ли не вся Варшава. Особенно многолюденъ Саксонскій садъ, гдѣ каждое утро и вечеръ играетъ музыка. По утрамъ многочисленная толпа остается въ немъ и на кофе. Даже семейные люди, почтенные старики поддаются этому общему движенію и за чашкой кофе проводятъ здѣсь по нѣскольку часовъ. Днемъ садъ пустъ; въ немъ играютъ дѣти съ нянъками, мамками и гувернантками. Въ семь часовъ вечера снова раздаются въ немъ звуки оркестра, и садъ снова наполняется. Тутъ можно встрѣтить много красивыхъ женщинъ, которыми очень славится Варшава; но рѣзкія черты лица и излишняя полнота часто портятъ польку. Ни одна женщина въ мірѣ, исключая, конечно, француженки не одѣвается такъ къ лицу и такъ просто, какъ варшавянки. Къ сожалѣнію, хорошенькій нарядъ покупается днями тяжкой работы и составляетъ весь идеалъ, къ которому она стремится и о которомъ мечтаетъ. Вообще въ ихъ характерѣ проявляется много стремленія къ блеску. Замѣчателенъ также фактъ, что въ Варшавѣ численность женщинъ превосходитъ численность мужскаго населенія, въ слѣдствіе чего въ магазинахъ и общественныхъ зданіяхъ преимущественно служатъ женщины.

Кромѣ Саксонскаго и Красинскаго садовъ въ Варшавѣ существуетъ очень много небольшихъ садиковъ, такъ называемыхъ *огрудковъ*. Нѣсколько пыльныхъ деревъ, огороженныхъ заборомъ, небольшая тѣнь, два, три музыканта, совершенно достаточны для того, чтобы цѣлая толпа, болтая и смѣясь, готова была просидѣть до утра за пивомъ и сигарой. Особенно въ праздничный день эти огрудки совершенно полны, — такъ развита здѣсь общественная жизнь, и такъ любитъ народъ собираться. Любимое мѣсто для увеселенія простаго народа *Sasska Kepa* (Саксон-

скій островъ). Въ воскресенье по мосту и по болотистымъ берегамъ Вислы тянутся пестрыя, разнообразныя толпы. Сюда идутъ горничныя, швеи, лакеи, ремесленники, словомъ, рабочій людъ. На островѣ живутъ нѣмецкіе колонисты, у каждаго изъ нихъ есть свой домикъ, окруженный садикомъ и обращаемый въ бальную залу. Музыканты становятся на возвышеніи собирая плату съ каждой танцующей пары по $2^1/_2$ к. сер. Любимый простонародный танецъ *обертасъ*, т. е. вальсъ въ противоположную сторону. Собравшаяся публика весело вертится, хохочетъ, не обращая вниманія на жаръ и пыль, поднимающуюся клубами, для уничтоженія которой предупредительный хозяинъ, послѣ каждаго танца, вспрыскиваетъ полъ водою. Въ обращеніи мужчинъ и женщинъ проглядываетъ врожденное благородство и уваженіе, не услышишь крѣпкаго или грубаго словца; разгулъ не доходитъ до дикихъ размѣровъ, вино не доводитъ до одуренія, не слышно о запоѣ, и на улицѣ рѣдко встрѣтишь пьянаго. Общественныя удовольствія по своей дешевизнѣ доступны для каждаго, а потому народъ всегда находитъ мѣсто, гдѣ онъ можетъ пріятно провести время.

Изъ лѣтнихъ увеселеній Варшавы замѣчательны также *Лазенки*, находящіяся близъ Бельведерской заставы. Это огромный паркъ съ густыми деревьями и обширными прудами. Между темною зеленью тополей, каштановъ мелькаютъ бѣлыя мраморныя статуи; роскошные цвѣты, разсаженные въ клумбахъ, наполняютъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Въ разныхъ мѣстахъ парка разбросаны небольшіе, красивые домики, въ которыхъ жили придворные и родные Станислава Августа. Дворецъ Лазенковскій богатъ своими картинными галлереями, въ немъ сохраняются портреты королей Польши, ея великихъ людей и картины важныхъ моментовъ польской исторіи. Вообще во дворцѣ очень много памятниковъ минувшаго вѣка. Канделябры и часы во вкусѣ эпохи возрожденія, разные столы и стулья громко говорятъ объ иномъ вѣкѣ. Но еще болѣе памятниковъ старинной домашней жизни королей и вельможъ представляетъ Виллановъ, имѣніе Потоцкихъ, лучшая вилла въ окрестностяхъ Варшавы,

съ великолѣпнымъ садомъ и превосходнымъ мѣстоположеніемъ. Эту роскошную виллу выстроилъ себѣ Янъ III Собѣсскій, гдѣ онъ и умеръ. Дворецъ построенъ въ чисто итальянскомъ вкусѣ; онъ украшенъ живописью и скульптурою знаменитыхъ итальянскихъ художниковъ. Внутренность дворца замѣчательна убранствомъ комнатъ: древними статуями, египетскими рѣдкостями, этрусскими вазами и т. п. Кровать, мебель, посуда Яна III сохраняются до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Во дворцѣ также обращаютъ на себя вниманіе такъ называемыя китайскія комнаты, украшенныя разными издѣліями исключительно китайскими; въ устройствѣ комнатъ не упущено ни малѣйшей подробности изъ китайскаго быта.

Изъ другихъ окрестностей Варшавы слѣдуетъ замѣтить: *Бѣляны* — роща надъ Вислою, съ монастыремъ Камальдуловъ, гдѣ въ праздникъ Троицы бываетъ большое гулянье; *Воля* — обширная равнина, служившая прежде мѣстомъ избранія польскихъ королей; *Маримонтъ* (Marie mont)—дворецъ, построенный королевою Маріею Собѣсскою; *Мокатовъ* и другія.

Нельзя съ достовѣрностію опредѣлить времени основанія Варшавы и происхожденія ея названія; полагаютъ, что она основана въ XI столѣтіи. По преданію, на ея мѣстѣ были лѣса и пески. Князь мазовецкій Конрадъ, охотясь въ этихъ мѣстахъ, восхищенъ былъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и построилъ на берегу Вислы замокъ. Вокругъ этого замка сталъ возрастать городъ, въ слѣдствіе выгоднаго торговаго положенія; еще болѣе началъ онъ расширяться, когда одинъ изъ князей мазовецкихъ, Янушъ, основалъ отдѣльное Варшавское княжество и сдѣлалъ Варшаву своею столицею. Этотъ князь всѣми средствами старался улучшить ее, умножить ея доходы и расширить предѣлы; онъ приписалъ къ городу нѣсколько окрестныхъ селеній, такъ что въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій, Варшава уже раздѣлялась на старый и новый городъ. Въ царствованіи Ягелоновъ, Мазовія была присоединена къ коронѣ, и тогда Варшава сдѣла-

лась мѣстопребываніемъ намѣстника. Съ этого времени здѣсь стали происходить ежегодныя большія ярмарки. Когда же въ концѣ XVI ст. Сигизмундъ III, король польскій, перенесъ свою столицу изъ Кракова въ Варшаву, тогда переселившіеся сюда паны начали покупать земли, строить великолѣпныя палаццо; въ это время возникли новыя улицы, пустопорожнія мѣста заселились, явилось множество купцовъ, стала производиться обширная торговля, съ каждымъ годомъ увеличивалось богатство и роскошь города. Въ половинѣ XVII суждено было всему этому погибнуть. Варшаву заняли шведы, разрушили почти всѣ ея зданія, сожгли предмѣстья. Варшава опустѣла и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе полутора вѣка, она не могла подняться, не смотря ни на привилегіи, ни на особенную заботу королей. Только во времена Августа II, при внѣшнимъ спокойствіи, она снова начала обстроиваться и расширяться, а въ началѣ XIX стол., въ царствованіе Императора Александра I, Варшава достигла эпохи процвѣтанія. Площади были очищены, улицы вымощены, построено было много каменныхъ домовъ, общественныхъ зданій и церквей. Торговля и промышленость также подвинулись, возникло много фабрикъ, мануфактурныя произведенія могли равняться съ иностранными, и городъ сталъ многолюденъ и оживленъ.

Въ настоящее время въ Варшавѣ считается около 200,000 жителей. Изъ варшавскихъ издѣлій особенно отличаются прочностію и изящностію отдѣлки: экипажи, фортепіаны, ковры, сукна, вещи серебряныя, платиновыя и изъ новаго серебра. Замѣчательны также по чистотѣ отдѣлки: сѣдельныя, столярныя, перчаточныя, сапожныя работы и дамскіе уборы. Желѣзныя дороги, соединяющія Варшаву со всѣми концами Европы и внутреннею Россіею, много способствуютъ процвѣтанію ея торговли и промышлености.

7. Польскіе евреи.

Въ другихъ странахъ первобытный еврей почти исчезъ и слился съ туземцемъ наружностью, нравами и образомъ жизни; въ Россіи же, напротивъ, онъ сохранилъ свой типъ, свои обычаи: это человѣкъ другой части свѣта и другой расы въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Евреи разсѣялись у насъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ и въ особенности въ Польшѣ. Въ царствѣ Польскомъ вездѣ встрѣчаешь евреевъ, вездѣ они являются на первомъ планѣ. Проѣзжая по Польшѣ, безпрестанно попадаются большія еврейскія фуры съ полотняннымъ верхомъ, наполненныя перинами и ребятишками, запряженныя тощей тройкой или четверней. Каждое мѣстечко, каждый городъ наполненъ и кишитъ ими. Еврей здѣсь шинкарь, содержатель станціи, прасолъ, арендаторъ, портной, сапожникъ, музыкантъ; въ рукахъ евреевъ вся торговля мелочная и оптовая; всѣ банкиры — евреи; помѣщики и крестьяне вѣчно у нихъ въ долгу и безъ посредства ихъ не могутъ ничего ни продать, ни купить. Однимъ словомъ, все народонаселеніе Польши находится въ зависимости отъ евреевъ, такъ какъ вся торговля въ ихъ рукахъ, и промышленость цѣлаго края поддерживается ими одними. Произошло это въ слѣдствіе безденежья и бывшаго угнетенія крестьянъ, неразсчетливости и барской лѣности землевладѣльцевъ, въ слѣдствіе отвращенія прежнихъ поляковъ къ торговлѣ и обширнаго кредита, которымъ поляки постоянно пользовались у евреевъ. Вотъ эти-то причины вмѣстѣ и содѣйствовали къ полному господству евреевъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ.

Это подвижное племя вѣчно въ движеніи, вѣчно хлопочетъ, полъ-жизни проводитъ на улицѣ. Тощій, худой еврей то и дѣло что бѣгаетъ то въ ту, то въ другую сторону съ видомъ занятаго человѣка, разсматриваетъ съ величайшимъ вниманіемъ малѣйшую вещь, которая его поражаетъ, считаетъ непремѣннымъ

долгомъ побывать по нѣсколько разъ въ день на базарѣ, какъ бы онъ занятъ ни былъ. Тутъ, переговоривъ на лету съ однимъ, двумя собратами, онъ узнаетъ всѣ губернскія новости, о повышеніи и пониженіи цѣнъ, о пріѣхавшихъ въ городъ помѣщикахъ и чиновникахъ, о цѣли ихъ пріѣзда. Эту базарную толпу составляетъ средній и низшій классъ народа. Богачи, тѣ, конечно, не бѣгаютъ по базарамъ, они спокойно сидятъ въ своихъ конторахъ, но богачей очень мало между евреями; большая же часть такихъ, которые имѣютъ только насущный хлѣбъ, и огромное множество совершенныхъ бѣдняковъ. Къ богачамъ принадлежатъ купцы, подрядчики, коммиссіонеры, ростовщики, ко вторымъ — ремесленники, факторы и рабочіе люди.

Любимое занятіе евреевъ торговля, каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь торгуетъ, каждый что-нибудь несетъ. Евреевъ, занимающихся земледѣліемъ, самое малое число; такіе преимущественно живутъ въ Курляндіи и Малороссіи. Владѣльцамъ домовъ и недвижимаго имущества никогда и на умъ не приходитъ употребить свободный клочекъ земли на разведеніе сада или огорода. Даже къ пчеловодству они не имѣютъ ни малѣйшей охоты, хотя очень любятъ произведенія этихъ насѣкомыхъ. Занимаются они ремеслами, но не всѣми. Быть кузнецомъ, плотникомъ, каменьщикомъ, каменотесомъ — для этого еврей считаетъ себя слишкомъ слабымъ. Онъ готовъ сдѣлаться портнымъ, басонщикомъ, жестяникомъ, охотно торгуетъ мѣхами, кожами, полотнами, но вы не найдете между ними ни одного кожевника и весьма мало ткачей; напротивъ, много встрѣтишь золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мѣнялъ и контрабандистовъ, тутъ-то они въ кругу своей дѣятельности. Смѣлость ихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ превосходитъ всякое понятіе. Иной безъ капитала, не внушая наружностью своею ни малѣйшаго довѣрія къ себѣ, беретъ поставки на огромныя суммы. Кромѣ того они одни умѣютъ производить значительную торговлю предметами, которые, повидимому, не заслуживаютъ никакого вниманія. Есть напр. евреи, торгующіе исключительно гусиными перьями и старыми платьями. До этой способности къ торговлѣ, ко

всѣмъ ея пріемамъ и тонкостямъ еврей пріучается съ малолѣтства. Когда онъ еще едва въ состояніи объясняться съ иновѣрцемъ, отецъ или дѣдъ даетъ уже ему нѣсколько денегъ. Съ этою суммою маленькій еврей бѣгаетъ по улицамъ, подстерегая христіанъ, устремляетъ взоръ на каждаго проходящаго и если находитъ случай что-нибудь купить или продать, то никогда его не пропуститъ. Чѣмъ болѣе онъ приноситъ домой, за свои деньги, стараго платья, мѣди, олова, тѣмъ болѣе его хвалятъ. Его не спрашиваютъ, какія средства онъ употребилъ къ пріобрѣтенію вещей, и сообразны ли они съ правилами честности. Его прозорливость и искусство становятся предметомъ удивленія для всего семейства. Дитя, такъ поощряемое, пристращается къ торговлѣ, видитъ отъ нея прибыль и скоро распространяетъ свои дѣла до того, что въ нѣсколько лѣтъ, при счастіи, дѣлаетъ уже большіе обороты. Деньги становятся предметомъ его размышленій, цѣлью его дѣйствій, общимъ двигателемъ его побужденій; онъ терпитъ ругательства, безчестіе, даже побои, лишь бы получить деньги. Эта униженность явилась въ слѣдствіе исключительнаго положенія евреевъ. На нихъ кочти всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на отверженныхъ; у еврея нѣтъ родины; онъ вѣчный странникъ среди чуждаго ему народонаселенія, и чтобы высвободиться изъ-подъ этого гнета, тяготѣющаго надъ ними, они откупаются деньгами, прибѣгая ко всѣмъ возможнымъ позволительнымъ и непозволительнымъ средствамъ, дружно сомкнулись въ одну тѣсную массу, взаимно поддерживаютъ другъ друга, чтобы защитить себя отъ всякихъ притѣсненій.

Физіономія евреевъ до сихъ поръ вполнѣ сохранила свой восточный типъ. Рѣзкія, но правильныя черты лица, волоса или совершенно черные, курчавые, или рыжіе, глаза большіе и выразительные, цвѣтъ лица блѣдный и желтоватый. Между женщинами много красавицъ, кожа ихъ часто чрезвычайно нѣжна, и цвѣтъ лица превосходный. Мужчины ходятъ въ длинноломъ кафтанѣ съ закрученными на вискахъ пейсами, въ туфляхъ дома, а на улицѣ въ сапогахъ и въ картузѣ, въ суб-

боту же въ шляпѣ на затылкѣ и непремѣнно съ тростью въ рукѣ. Костюмъ женщинъ обыкновенный, замужнія только ходятъ въ чепчикахъ и парикахъ, которые дѣлаются или изъ волосъ или изъ гофрированнаго атласа. Впрочемъ евреи и еврейки достаточнаго состоянія начинаютъ одѣваться по-европейски. Какъ мужчины, такъ и женщины, не смотря на то, что законъ предписываетъ имъ частыя омовенія и передъ всякимъ праздникомъ всѣмъ безъ исключенія умываться въ банѣ, крайне неопрятны. Въ ихъ костюмѣ вѣчно что-нибудь изорвано, что-нибудь засалено, всѣ они издаютъ какой-то свой особенный запахъ. Дѣти въ грязныхъ лохмотьяхъ взяются по улицамъ; изъ сѣней домовъ еврейки поминутно выбрасываютъ всякую нечистоту прямо подъ ноги; балкончики ихъ, безъ которыхъ не строится почти ни одна лачуга, завѣшаны старою рухлядью; въ жилищахъ, въ лавкахъ грязь цѣлыми слоями; въ комнатахъ такой удушливый запахъ, что при входѣ трудно вздохнуть.

Въ отношеніи пищи евреи чрезвычайно умѣренны и воздержны. Они довольствуются и ѣдятъ съ неподражаемымъ удовольствіемъ рѣдьку, лукъ, чеснокъ, яйца въ крутую и хлѣбъ. Такъ какъ евреи весь день заняты своими дѣлами, то обѣдъ ихъ большею частью состоитъ изъ однихъ холодныхъ блюдъ; его приготовляютъ вечеромъ, незадолго передъ тѣмъ, какъ ложиться спать; развѣ для дѣтей или стариковъ изготовляется что нибудь горячее. Въ субботу же вовсе не стряпаютъ кушанья, все изготовляется въ пятницу, такъ какъ законъ запрещаетъ имъ работать въ праздничный день. Въ постные дни евреи ничего не ѣдятъ, не пьютъ, и никакая власть, никакая денежная выгода не въ состояніи нарушить ихъ постановленія. Въ такой день еврей не смѣетъ даже полоскать себѣ рта, и хотя нерѣдко во время постовъ люди слишкомъ молодые изнемогаютъ отъ слабости, но съѣсть что-либо или испить можетъ только разрѣшить раввинъ. Во время праздника Пасхи евреи не употребляютъ кислаго хлѣба, цѣлую недѣлю они ѣдятъ такъ называемую *мацу:* это тонко-раскатанное тѣсто, приготовленное изъ одной муки съ водою, безъ соли и дрожжей. Изъ живот-

ныхъ евреи могутъ употреблять въ пищу только жвачныхъ, какъ-то коровъ, воловъ, овецъ, козъ и проч.; изъ птицъ — однѣхъ домашнихъ, а изъ рыбъ—тѣхъ, которыя имѣютъ чешуйчатую кожу и плавники, напр. щуки, лещи, лососи. По законамъ Моисеевымъ евреямъ запрещаетъ бить или колоть скотину и птицъ, они должны мгновенно перерѣзать горло особеннаго вида острымъ и гладкимъ ножемъ, чтобы вся кровь вытекла. Ветхій Завѣтъ строжайше запрещаетъ употребленіе крови въ пищу, оттого евреи очищаютъ мясо отъ всѣхъ кровеносныхъ жилъ, мочатъ его въ водѣ и кладутъ въ соль. *Шохатъ*, т. е. рѣзникъ, по постановленіямъ раввиновъ, долженъ разсмотрѣть зарѣзанное животное и удостовѣриться, совершенно ли оно здорово; малѣйшее пятно, вередъ или волокно, почитаются уже признакомъ болѣзни, и такое мясо считается запрещеннымъ, *трефъ*, даже самая незначительная зазубрина въ ножѣ, употребленномъ при закланіи, есть трефъ. Мясо годное къ употребленію называется *каширнымъ*. Кухонной и столовой посуды у всякаго еврея больше, чѣмъ у христіанина. У нихъ отдѣльная посуда для мясной пищи и отдѣльная для молочной. Содержатели гостиницъ, корчемъ держатъ еще особую посуду для христіанъ, такъ какъ тарелка, употребленная ими, считается нечистою и не можетъ уже служить для еврея. Кромѣ того, къ празднику Пасхи покупается вся новая посуда.

Малопитательная пища, нечистота и тѣсныя жилища, въ которыхъ живутъ евреи одинъ надъ другимъ, большими семействами, главныя причины слабаго сложенія и болѣзненности евреевъ: харканье кровью, чахлость, глазныя, накожныя болѣзни весьма обыкновенны между ними. Большая часть повальныхъ болѣзней получаютъ свое начало въ еврейскихъ жилищахъ и оттуда уже распространяются между христіанами. Къ причинамъ слабаго сложенія можно отнести также ранніе браки. Нерѣдко 13-тилѣтняя еврейка и 16-тилѣтній мужчина женятся между собою, въ слѣдствіе чего дѣти и родители остаются навсегда слабыми и часто принуждены прибѣгать къ искусственному питанію

козьимъ молокомъ или даже нанимать кормилицу. Женясь такъ рано, очень часто молодая чета не можетъ сама собою существовать, а между тѣмъ ни одно племя такъ не плодовито, какъ евреи, и нигдѣ нельзя встрѣтить такого множества дѣтей, какъ въ еврейскихъ селеніяхъ и кварталахъ. Чтобы избавить молодую чету отъ угрожающей нищеты, евреи постановили между собою законъ, по которому отецъ новобрачной обязанъ содержать дочь и зятя своего въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, т. е. давать имъ столъ и квартиру; то же самое наблюдается и отцемъ новобрачнаго, если семейство молодой бѣдно. Если же родители съ обѣихъ сторонъ бѣдны, тогда, конечно, нищета и неудовольствіе поселяются въ семьѣ. Предоставленіе полнаго выбора родителямъ въ дѣлѣ брака дѣлаетъ то, что любовь почти никогда не предшествуетъ браку, и оттого между евреями бываютъ очень часто разводы; но зато у евреевъ въ сильной степени развита родительская любовь: не смотря на то, что они очень мало обращаютъ вниманія, какъ на физическое, такъ и на нравственное воспитаніе дѣтей, они ихъ очень любятъ и видятъ въ каждомъ своемъ ребенкѣ будущаго генія. Значительную часть сюжетовъ ихъ пѣсень, этихъ грустныхъ мелодій, составляетъ родительская любовь.

При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обычаи: наканунѣ вѣнчанія женихъ приглашается утромъ въ синагогу къ чтенію пятикнижія, а прійдя изъ синагоги, онъ принимаетъ поздравленія отъ друзей и подчуетъ ихъ. У невѣсты въ этотъ же день вечеромъ собираются замужнія женщины и дѣвушки: музыка играетъ, весельчакъ импровизируетъ стихи, каждая женщина танцуетъ съ невѣстой. У евреевъ вообще женщины не пляшутъ съ мужчинами. То же самое бываетъ у невѣсты и въ день вѣнчанія. Въ этотъ день женихъ получаетъ отъ нея подарки, состоящіе изъ шерстянаго покрывала и кителя; получивъ подарки женихъ отправляется съ гостями на квартиру невѣсты, находитъ ея сидящею среди комнаты, остриженную и плачущую, онъ закрываетъ лице ея бѣлымъ покрываломъ, присутствующіе при этомъ старики осыпаютъ новобрачныхъ горстью хмѣля или овса.

Шаферы надѣваютъ жениху китель, зажигаютъ два факела, выкликаютъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ съ обѣихъ сторонъ, каждый приглашенный возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты, благословляетъ ихъ, и затѣмъ всѣ съ музыкой отправляются къ мѣсту вѣнчанія. Обрядъ вѣнчанія совершается на дворѣ или на улицѣ. Надъ молодыми раскидывается балдахинъ, раввинъ читаетъ краткое наставленіе. Возвратясь оттуда, женихъ и невѣста, постившіеся цѣлый день, ѣдятъ съ одного блюда подкрѣпительный бульонъ. Для гостей приготовляется пиръ, по окончаніи котораго каждый подноситъ новобрачнымъ какой-либо подарокъ. На другой день въ первый разъ, (такъ какъ дѣвушки не посѣщаютъ синагоги) замужнія женщины вводятъ молодую въ синагогу.

Когда еврей опасно боленъ, и приближается послѣдняя его минута, тогда окружающіе зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ на этотъ случай стихи изъ св. писанія. Когда въ больномъ не замѣтно никакого движенія, тогда кладутъ перышко на губы мертваго, и если оно не шевелится, то это служитъ знакомъ, что дыханіе уже совершенно прекратилось. Послѣ того снимаютъ тѣло съ постели, раздѣваютъ его совершенно, стелютъ на полъ солому и кладутъ на нее покойника голымъ, прикрывъ его чернымъ покрываломъ, и ставятъ свѣчу въ изголовьѣ; плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду, чтобы тѣмъ извѣстить, что по близости есть покойникъ. Всѣ дальнѣйшія хлопоты лежатъ на членахъ братства погребателей, существующаго въ каждомъ обществѣ. По полученіи извѣстія о смерти какого-либо еврея, члены этого общества являются тотчасъ, омываютъ тѣло теплою водою, одѣваютъ трупъ въ смертную одежду и закутываютъ въ большое полотняное покрывало, кладутъ въ гробъ, сколоченный изъ нѣсколькихъ досокъ, и везутъ на кладбище. Впереди идетъ толпа мальчишекъ, которые кричатъ страшнѣйшимъ образомъ, выражая тѣмъ грусть о потерѣ хорошаго человѣка, женщины въ свою очередь также завываютъ на извѣстные мотивы. По обычаю евреевъ, все должно быть готово къ погребенію въ теченіе

6-ти или 7-ми часовъ. Возвратясь съ кладбища, родственники должны босикомъ просидѣть 7 дней гореванія, на постланномъ на землѣ тюфякѣ или на низенькой скамейкѣ. Горюющіе въ это время занимаются исключительно молитвою, чтеніемъ библіи и другихъ печальныхъ стиховъ. Во всѣ дни гореванія сосѣди, пріятели и родственники посѣщаютъ горюющихъ и утѣшаютъ ихъ.

Евреи исповѣдуютъ вѣру древняго завѣта; основаніе ея заключается въ моисеевомъ пятикнижіи. Образовъ у евреевъ нѣтъ и запрещены Моисеемъ. Но на восточной сторонѣ своихъ жилищъ они часто вѣшаютъ въ рамкѣ подъ стекломъ раскрашенный листъ бумаги, исписанный текстами изъ св. писанія, съ эмблемами щита Давида, съ изображеніемъ львовъ, столбовъ и коронъ для указанія, что во время молитвы надобно стать лицемъ къ восточной стѣнѣ. Синагога еврейская лишена всякихъ украшеній, только въ алтарѣ, отдѣленномъ рѣшеткою, стоитъ священный кивотъ, въ которомъ хранятся 10-ть заповѣдей и Моисеевъ законъ. Пятикнижіе Моисеево, написанное на пергаментномъ свиткѣ, составляетъ единственный предметъ внѣшняго поклоненія, единственную принадлежность богослуженія. Во время молитвы женатые евреи надѣваютъ бѣлое шерстяное покрывало съ полосами по краямъ и съ шерстяными повязками по концамъ; на голову и лѣвую руку повязываютъ *тефилинъ*, состоящій изъ маленькихъ четыреугольныхъ пергаментныхъ ковчеговъ, съ уложенными въ немъ полосками пергамента, на которыхъ написаны главы св. писанія объ исходѣ ихъ изъ Египта. Эти ковчеги укрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи.

Въ Польшѣ распространены двѣ секты евреевъ: *талмудисты* и *хозидимы*. Первые кромѣ Ветхаго завѣта, почитаютъ *Талмудъ*, а послѣдніе кромѣ того и *Согаръ*. Талмудъ есть позднѣйшее сочиненіе, состоящее изъ осьмнадцати частей, in folio. Эта книга написана на древнемъ еврейскомъ языкѣ и приведена къ окончанію въ шестомъ столѣтіи. Изъ нея евреи почерпаютъ всѣ свои науки, тамъ находятъ они свою исторію, хронологію, логику, свое богословіе и правовѣденіе, даже свою медицину. Согаръ — кабалистическая книга, наполненная все-

возможными суевѣріями и предразсудками. Евреи вообще отличаются сильною приверженностью къ своей религіи и на своихъ крещеныхъ единовѣрцевъ смотрятъ очень недоброжелательно. Выучиваются читать они по своимъ религіознымъ книгамъ. Ребенокъ едва можетъ лепетать нѣсколько словъ, какъ уже заставляютъ его вытверживать еврейскія молитвы и статьи изъ библіи. Въ школѣ едва онъ дойдетъ до складовъ, первая вещь, которую ему даютъ въ руки, это книги Моисеевы, послѣ нихъ объясняются остальныя части библіи, наконецъ исключительно занимаются талмудомъ. По окончаніи талмуда мальчикъ долженъ избрать занятіе, посвятить себя или торговлѣ, или ученому поприщу. Если мальчикъ назначается раввиномъ, то исключительно предается ученію, проводитъ цѣлые дни въ чтеніи или упражняется въ искусствѣ защищать свои мнѣнія. Такой еврей преисполненъ высокоумія, онъ увѣренъ, что понимаетъ все непостижимое, да и сами евреи смотрятъ на него, какъ на высшее существо.

Общественное устройство еврейскаго населенія представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ особенностей. Вся внутренняя администрація находится у нихъ въ рукахъ *кагала.* Кагалъ основывается съ согласія правительства, первоначальная и единственная цѣль его учрежденія была сборъ казенныхъ податей. Для этой цѣли установлены и такъ называемыя коробки, или общественные капиталы, составляющіеся изъ разныхъ пошлинъ и вносовъ. Подъ предлогомъ общей пользы, кагалъ мало-по-малу присвоилъ себѣ право замѣщать всѣ должности, налагать подати по своему произволу, не отдавая никому въ немъ отчета, и теперь члены кагала единственные судьи и старшины общества. Поборы, собираемые кагаломъ, очень обременительны для средняго сословія и ремесленниковъ. Еврей, кромѣ казенной подати, долженъ отдавать кагалу нѣсколько процентовъ съ приданаго, при совершеніи брака, при вторичномъ вступленіи, при рожденіи, при смерти, при продажѣ домовъ и земель, при заключеніи контрактовъ, при духовныхъ завѣщаніяхъ и т. д. Эти проценты взимаются кагаломъ по произволу, съ кого два, три

четыре и т. д. Кагалъ обладаетъ такими огромными суммами, что ихъ достаточно было бы на всѣ потребности общества, но, не отдавая никому въ нихъ отчета, онъ злоупотребляетъ ими. Члены кагала по большей части люди незначительные и трудно предположить, чтобы они сами рѣшались на такія огромныя утайки; сами евреи считаютъ ихъ за подставныхъ, которые служатъ изъ-за жалованья, а за ними строго присматриваютъ богатѣйшіе евреи, составляя такимъ образомъ невидимый кагалъ, который всѣмъ и управляетъ. При такомъ притѣсненіи, единственное утѣшеніе бѣдняковъ состоитъ въ увѣренности, что они народъ Божій, и что по пришествіи Мессіи, о которомъ они каждый день молятся и котораго съ часа на часъ ожидаютъ, страданія ихъ прекратятся, и всѣ кагальники будутъ превращены въ змѣй, а для нихъ, вмѣсто побоевъ и черстваго хлѣба, польются струями въ обѣтованной землѣ медъ и молоко.

По постановленіямъ талмуда и раввиновъ, ни общество, ни богослуженіе не могутъ существовать, если не соберется по крайней мѣрѣ десять человѣкъ мужескаго пола старѣе четырнадцатилѣтняго возраста; въ такомъ случаѣ это называется малымъ обществомъ, *ишибъ*. Эти малыя общества имѣютъ своего раввина, который въ то же время исправляетъ должность уставщика, рѣзника, служителя синагоги, глашатая при свадьбахъ, но они зависятъ отъ ближайшихъ большихъ обществъ относительно вноса казенныхъ и другихъ податей. Большое общество, въ которомъ считается отъ пятидесяти до тысячи душъ, носитъ названіе *кхило-кедоша*. Для внутренняго устройства оно имѣетъ слѣдующихъ лицъ: раввина—*раббанимъ*, судей—*дайонимъ*, уставщика—*хазонъ*, рѣзника—*шохатъ*, служителя синагоги—*шамашъ*, казначея—*габа*, сборщика—*гоба*, повѣренныхъ—*неэмонъ* и другихъ. Раввиномъ называется управляющій синагогою; слово это означаетъ ученый, и почти всѣ толкователи талмуда употребляютъ его въ видѣ почетнаго титула. Раввинъ вмѣстѣ съ судьями составляетъ родъ совѣта или судилища, *бетъ-динъ*—домъ закона, гдѣ подъ предсѣдательствомъ раввина рѣшаются дѣла совѣсти и споръ о собственности. Нѣкогда раввину

требовалось быть человѣкомъ весьма ученымъ, знающимъ въ совершенствѣ еврейскій языкъ, талмудъ и св. книги, быть кроткимъ, строгой нравственности и хорошей фамиліи. Кромѣ опредѣленнаго жалованья онъ получалъ добровольные подарки, такъ что не имѣлъ надобности заниматься посторонними дѣлами. Онъ обязанъ былъ защищать вдовъ и сиротъ, имѣлъ право слѣдить за назначеніемъ членовъ кагала и другихъ должностныхъ лицъ, за исполненіемъ духовныхъ завѣщаній; въ кагалѣ занималъ высшее мѣсто и потому не былъ обязанъ давать отчета, кромѣ главнаго раввина, имѣвшаго свое пребываніе въ Варшавѣ. Имѣя такую власть, раввины и дайонимы препятствовали кагалу въ самовольныхъ поступкахъ, тогда эти послѣдніе разными происками старались возбудить раздоры между обществомъ и раввиномъ, и сдѣлавшись такимъ образомъ посредникомъ, они овладѣли правомъ самимъ выбирать раввиновъ и дайонимовъ, не собирая голосовъ общества. На эти мѣста они стали назначать преданныхъ себѣ людей или своихъ должниковъ, которые совершенно зависѣли отъ одного или нѣсколькихъ членовъ кагала. Эти новые раввины, не смотря на свою подчиненность, не могли равнодушно смотрѣть на ужасы кагальнаго управленія и поэтому находились въ безпрерывной ссорѣ съ кагаломъ. Для устраненія и этихъ препятствій, кагалъ мало-по-малу уничтожилъ и самое названіе раввина, поставивъ вмѣсто ихъ подраввина. Теперь очень мало такихъ обществъ, въ которыхъ удержалось прежнее достоинство раввина, и нужно замѣтить, что въ такихъ обществахъ казенныя подати уплачиваются исправнѣе, и кагалъ не позволяетъ себѣ такихъ несправедливостей, какъ въ прочихъ мѣстахъ. Нынѣ весь кругъ дѣйствій раввина ограничивается обрядами синагоги, разрѣшеніемъ сомнительныхъ или темныхъ изрѣченій Моисеевыхъ и раввинскихъ постановленій и рѣшеніемъ дѣлъ совѣсти. Этого человѣка евреи съ утра до вечера безпокоятъ своими вздорными случаями совѣсти, и онъ долженъ разрѣшать сомнѣнія каждаго. Особенно женщины безпрерывно являются къ нему съ запросами о супружескихъ обязанностяхъ.

Жалованье раввинамъ весьма умѣренное, а потому дозволено имъ заниматься торговлею и промыслами.

Хазонъ, или уставщикъ, запѣваетъ молитвы при богослуженіи и для сохраненія порядка пѣснопѣнія по временамъ дико вскрикиваетъ. Для полнаго концерта ему даются помощники: теноръ, фистула, альтъ и басъ.

Шамашъ заботится объ освященіи, отопленіи и чистотѣ синагоги; также къ его обязанности относится приглашеніе на свадьбу и на похороны.

Габа, т. е. казначей, принимаетъ всѣ деньги по кагалу и по синагогѣ, хранитъ ихъ и отдаетъ въ нихъ отчетъ.

Гоба — сборщикъ податей и недоимокъ.

Шохатъ обязанъ разсмотрѣть каждое зарѣзанное животное; онъ получаетъ плату поштучно и обязанъ по чистой совѣсти, подъ опасеніемъ проклятія, отдать опредѣленную часть битаго животнаго въ кагальную коробку. *Неэмоны* должны наблюдать, чтобы не поступало въ продажу запрещеннаго мяса и чтобы не было никакого подлога въ вѣсѣ и установленной цѣнѣ. Всѣ служащіе при синагогѣ изъяты отъ платежа казенныхъ податей, а потому кагалъ, отъ котораго зависитъ назначеніе, нерѣдко раздаетъ эти должности тѣмъ, кто ему больше заплатитъ.

Есть еще общество странствующихъ евреевъ, родомъ изъ Іерусалима и другихъ восточныхъ странъ; они собираютъ подаяніе въ пользу тамошнихъ бѣдныхъ евреевъ, особенно для тѣхъ, которые проживаютъ въ Іерусалимѣ на пепелищѣ Соломонова храма и молятся о западныхъ евреяхъ. Эти странники продаютъ своимъ единовѣрцамъ такъ называемую «священную землю», взятую на мѣстѣ бывшаго храма. Обладая горстью этого песку, еврей надѣется избавиться послѣ смерти отъ наказанія страшнаго судилища.

Кромѣ того во всякомъ многолюдномъ еврейскомъ обществѣ добровольно составляется нѣсколько товариществъ, которыя учреждаются для разныхъ цѣлей, носятъ различныя названія и не зависятъ отъ кагаловъ. Между такими благотворительными учрежденіями, первое занимаетъ священное товарищество —

хебракадима, которое простираетъ свои дѣйствія на все, что по его мнѣнію относится ко благу человѣчества. Членами этого общества обыкновенно бываютъ знатнѣйшіе люди. Другія общества заботятся о обученіи закону Божію бѣдныхъ дѣтей, о воспитаніи, о судьбѣ сиротъ, о выдачѣ замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ, о вспоможеніи бѣдняковъ деньгами и квартирой, о больныхъ, о погребеніи бѣдныхъ, о содержаніи синагоги и т. д.

Нельзя съ точностью опредѣлить времени, когда евреи поселились въ Польшѣ. Судя по значительнымъ преимуществамъ, которыми они пользовались уже въ 1214 году, прибытіе ихъ должно отнести ко временамъ весьма древнимъ. Они, очевидно, пришли изъ Германіи, такъ какъ обыкновенный ихъ языкъ, есть одно изъ простонародныхъ нарѣчій германскихъ, перемѣшанное съ словами еврейскими и саксонскими. Главнымъ поводомъ выходовъ евреевъ изъ Германіи въ Польшу были преслѣдованія, которымъ они тамъ подвергались въ средніе вѣка. Ихъ обвиняли, будто они наводятъ моровую язву, отравляютъ колодцы и ключи, будто для отправленія пасхи имъ необходима кровь замученнаго христіанина и т. д. Они искали убѣжища у славянскихъ народовъ, которые приняли ихъ довольно хорошо, къ тому же польскіе короли, при неустройствѣ и смутахъ государства, часто нуждались въ большихъ капиталахъ, а евреи съ полною готовностью предлагали свои услуги, и такимъ образомъ Польша быстро наводнилась ими. Нынѣ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Россія, безъ сомнѣнія, заключаетъ наибольшее число евреевъ, можно полагать, что число ихъ въ настоящее время простирается до 2-хъ милліоновъ.

8. Поляки.

Славянскія племена, извѣстныя подъ названіемъ лехитовъ, ляховъ или поляковъ, издревле населявшія бассейны рѣкъ Одера и Вислы, тѣснимые съ запада нѣмцами, въ IX вѣкѣ сомкнулись подъ властію энергическихъ королей и образовали само-

стоятельное владѣніе. Коренные поляки, населявшіе по преимуществу пространство земли между рѣками Одеромъ и Вартою, соединившись съ родственными племенами *мазурами*, или *мазовшанами*, жившими на сѣверѣ, у низовьевъ рѣки Вислы, и *краковяками*, обитавшими на верховьяхъ этой же рѣки, образовали *польскій народъ*. Въ своемъ движеніи къ востоку отъ низовьевъ рѣки Нарева и отъ рѣки Вислы, они успѣли подчинить себѣ ближайшія отрасли литовскихъ и южно-русскихъ племенъ; изъ нихъ первыя, смѣшавшись съ поляками, образовали особую отрасль польскаго народа, извѣстную подъ мѣстнымъ названіемъ *курпиковъ;* вторые образовали смѣсь, подъ именемъ *подляховъ*. Южно-русскій народъ, обитавшій къ востоку отъ Вислы и Сала (въ нынѣшней Люблинской губерніи и въ восточной части Галиціи), успѣлъ отстоять свою національную самостоятельность, хотя часть его, ближайшая къ Вислѣ, и ополячилась.

До 1331 года Польша была раздѣлена на удѣлы въ династіи Пяста. Удѣльные князья враждовали между собою и, въ этой борьбѣ, цѣною уступокъ своихъ королевскихъ правъ, искали себѣ поддержки въ польскомъ дворянствѣ. Казимиръ Справедливый, въ 1180 году, на ленчицкомъ сеймѣ, подчинилъ свою королевскую власть ограниченію сената, который состоялъ сначала только изъ высшаго дворянства. Но въ 1331 году, когда вся Польша соединилась подъ скипетромъ Владислава Локетка, былъ созванъ сеймъ, на которомъ въ первый разъ засѣдали представители всего польскаго дворянства. Въ царствованіе Казимира Ягеллона, въ 1468 году, польскій сеймъ былъ раздѣленъ на провинціальные и государственные сеймы. Государственный сеймъ собирался разъ въ два года и раздѣлялся на двѣ палаты: на палату сенаторовъ, гдѣ засѣдали высшее духовенство и высшіе государственные сановники, и на палату депутатовъ, которая состояла изъ представителей остальнаго дворянства и представителей городовъ. Въ теченіе ста лѣтъ, польскій сеймъ значительно расширилъ свою власть.

Такъ, за нимъ утверждены были права: издавать законы, объявлять войну, заключать миръ, распоряжаться казною и государственными землями. Въ 1579 году, послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, польскій престолъ былъ объявленъ избирательнымъ, уничтожено было раздѣленіе дворянства на высшее и низшее, сеймъ состоялъ уже изъ одной палаты депутатовъ, и въ выборѣ короля участвовало все польское дворянство. Польша, допустивъ къ управленію всѣхъ безъ исключенія дворянъ и высшее духовенство, стала называть себя республикою. Право королей верховнаго суда перешло въ трибуналы, члены котораго назначались сеймомъ; избранный король почти ничего не могъ предпринять безъ согласія дворянскаго сейма, королевскій титулъ сталъ только наружнымъ покровомъ, необходимымъ для приданія государю значенія въ сношеніяхъ съ иноземными державами. Каждый шляхтичъ, т. е. человѣкъ вольный, могъ быть избранъ королемъ и каждый шляхтичъ могъ однимъ словомъ *veto* уничтожить рѣшеніе сейма. Гражданинъ Польши по доброй волѣ дѣлался солдатомъ, судьею, блюстителемъ закона, и обязанности эти онъ исполнялъ до тѣхъ поръ, пока этого хотѣлъ. Въ Польшѣ, въ то время, не было понятія о томъ, что всякій долженъ правильно вносить подати; онѣ назначались сеймомъ только на опредѣленное время: проходила надобность, и взиманіе прекращалось. Въ случаѣ нужды, республика обращалась къ своимъ богатѣйшимъ фамиліямъ. Когда сеймъ признавалъ справедливость войны, король, если онъ этого самъ желалъ, подымался съ своею свитою въ походъ и, объѣзжая дворы богатыхъ пановъ, извѣщалъ ихъ о рѣшеніи сейма. Такъ напр., мы имѣемъ описаніе, какъ король Стефанъ Баторій собиралъ войска для войны съ Москвою. Сначала онъ заѣхалъ къ одному изъ пановъ, у котораго надѣялся получить значительное подкрѣпленіе. Вельможа великолѣпно встрѣтилъ короля, но не видно было и признаковъ военныхъ сборовъ. На другой день король готовился уже покинуть замокъ, недовольный своею неудачею, какъ увидѣлъ на дворѣ гусарскій полкъ, готовый къ его услугамъ, и при немъ фургонъ съ казною на содержаніе

войска; не успѣлъ король отъѣхать нѣсколько верстъ, какъ къ нему присоединился новый, легко-конный полкъ съ казною, далѣе встрѣтилъ его полкъ пѣхоты, снабженный впередъ жалованьемъ и хорошо вооруженный. Все это было выставлено на счетъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, Баторій собралъ стотысячную армію. Цѣлью всѣхъ учрежденій, во времена республики, было заставить каждаго человѣка чувствовать свое достоинство и понимать свои обязанности. Но, при врученіи права избирательства милліону дворянъ, гораздо легче стало возбуждать несогласія, сѣять раздоры и поселять недовѣріе. Со смертію каждаго короля начинались волненія и смуты; каждая партія хотѣла возвести на престолъ своего избранника, и тутъ дѣло нерѣдко доходило до междоусобій. Управленіе, финансы и войско пришли въ такое разстройство, что поляки не могли уже защищать свою независимость. Екатерина II возвела на польскій престолъ одного вельможу, Станислава Понятовскаго; недовольные дворяне подняли противъ него оружіе, но были усмирены русскими войсками. Тогда сосѣднія державы, Россія, Австрія и Пруссія, согласились раздѣлить между собою нѣкоторыя польскія области (1772 г.). Спустя двадцать лѣтъ, они подвергли ее второму раздѣлу, но поляки произвели сильное возстаніе, подъ начальствомъ храбраго Костюшки. Костюшко былъ разбитъ русскими и попался въ плѣнъ. Варшава была взята. Тогда совершился третій, окончательный раздѣлъ, и Польское королевство перестало существовать (1794 г.). Россія пріобрѣла тогда отъ Польши Литву, Курляндію, Бѣлоруссію и Волынь. Въ 1809 году Наполеонъ I образовалъ было самостоятельное герцогство Варшавское, но оно подъ названіемъ Царства Польскаго также присоединено къ Россіи по вѣнскимъ трактатамъ 1815 года.

Польша составляетъ часть большой сѣверо-восточной европейской низменности. Равнина эта прерывается частыми холмами, которые, при преобладаніи песка, имѣютъ характеръ дюнъ. Въ южной части Люблинской губерніи встрѣчаются мѣловыя и известковыя горы, а въ серединѣ Радомской губерніи

лежитъ Сандомирская возвышенность, главный хребетъ которой имѣетъ около 3-хъ миль въ длину и заключаетъ въ себѣ наивысшую гору Царства Польскаго, *Лысую гору*, около 2,100 футовъ надъ поверхностью моря. Въ южной части той же губерніи проходятъ Краковскія горы, отроги Карпатовъ. Польша есть страна по преимуществу земледѣльческая, хотя въ ней господствуетъ песчаная почва, но качества ея весьма разнообразны; отъ сыпучаго песка доходитъ до самой плодородной почвы. Фабрики и ремесла занимаютъ только до 4% всего населенія.

Въ характерѣ почвы, ея плодородіи и обработанности, въ нравахъ народа, въ нарѣчіи его и образѣ, Польша представляетъ большое однообразіе. Веселость, беззаботность, увлеченіе минутою, любовь къ славѣ, гостепріимство, тщеславіе — вотъ общія черты всѣхъ поляковъ. Но, для лучшаго ознакомленія, мы сначала разсмотримъ отдѣльно каждое племя, населяющее Польшу.

Мазуры, или *мазовшане*, коренное польское населеніе, живутъ въ странѣ, извѣстной подъ названіемъ *Мазовіи*. Они занимаютъ Плоцкую губернію, за исключеніемъ ея восточной части, сѣверную часть Варшавской, по берегу Вислы, и восточную, составляющую окрестность города Варшавы, и распространяются далѣе на востокъ и югъ, въ сѣверныхъ частяхъ Люблинской (по преимуществу въ Луковскомъ уѣздѣ) и въ сѣверной же половинѣ Радомской губерніи.

Мазуры отличаются своимъ говоромъ, составляющимъ особое мазовецкое нарѣчіе. Всѣ они пришепетываютъ; вмѣсто *ша*, *ча*, *ще* и *ж*, говорятъ *са*, *ца*, *сце* и *з*; *е* и *а* передѣлываютъ въ *о* или *ё*. Вмѣсто паненка (барышня) говорятъ панёнка. По внѣшности мазуры отличаются большимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; они, какъ и всѣ вообще поляки, брѣютъ бороду, отпускаютъ усы, волосы носятъ длинные, ровно подрѣзывая ихъ на лбу. Шапки низкія изъ черныхъ барашковъ, а лѣтомъ соломенныя или бѣлыя суконныя. Черная, сѣрая или бѣлая *сукмана* (кафтанъ), обшитая по швамъ разноцвѣтною тесьмою, составляетъ верхнее платье; рубашку выпускаютъ

сверхъ панталонъ, подвязывая ее гаруснымъ поясомъ; въ праздники ходятъ въ сапогахъ, въ будень — на босую ногу. Женщины носятъ юпку, суконный кафтанчикъ, въ родѣ кофточки, и особаго рода чепецъ; дѣвушки повязываютъ голову платочками, поверхъ распущенныхъ или заплетенныхъ въ косу волосъ.

Мазуры любятъ погулять и покутить; они всегда славились веселымъ характеромъ, беззаботностью, откровенностью и храбростью. Ихъ національные танцы *обертасъ* (родъ вальса) и *мазурка*, извѣстная цѣлому міру, которую они танцуютъ съ большимъ увлеченіемъ, съ различными подпрыгиваніями и прихлопываніями, вполнѣ выражаютъ ихъ веселый нравъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они чрезвычайно настойчивы и мстительны, такъ что нерѣдко говорятъ: «упрямый мазуръ», или «слѣпой мазуръ», желая этимъ охарактеризовать чье-либо крайнее упорство. Мазуры весьма набожны и сильно привязаны къ церковнымъ постановленіямъ; за религіозность ихъ даже называютъ *правовѣрными*. Не отличаясь особеннымъ трудолюбіемъ, они въ то же время крайне ограничены въ своихъ потребностяхъ. Пища ихъ весьма умѣренна, преимущественно состоитъ изъ хлѣба и овощей, мясо и даже молоко довольно рѣдкія кушанья у простаго народа. Не смотря, однако, на то, что ихъ блюда далеко незатѣйливы, они умѣютъ приготовлять очень вкусное тѣсто съ различными пряностями, называемое *мазурекъ*, пирожное, хорошо извѣстное всѣмъ полякамъ и въ особенности полькамъ. Мазуры живутъ въ деревянныхъ домахъ, крытыхъ бо́льшею частію соломою, съ земляными полами, но внутренность избы чиста.

Краковяки говорятъ на хорошемъ польскомъ языкѣ, рѣчь ихъ всегда проста, говорятъ громко и медленно. По внѣшности своей, они отличаются отъ другихъ поляковъ темными волосами, свѣжестью и чистотою лица, носятъ длинные волосы до плечъ; брѣютъ не только бороду, но и усы, которые отпускаютъ лишь немногіе. Праздничная одежда краковяковъ чрезвычайно своеобразна и оригинальна. Шапка четыреугольной формы, получившая названіе конфедератки, темнаго цвѣта или

же краснаго, опушенная барашкомъ, а лѣтомъ отдѣланная лентами и перьями. Поверхъ бѣлой рубашки, съ ленточными завязками, надѣвается сукмана, преимущественно цвѣтовъ: синяго, коричневаго или бѣлаго, съ стоячимъ воротникомъ и откладнымъ *краганомъ*, въ видѣ пелеринки, ниспадающей до половины спины. Сукмана и откидная пелеринка по краямъ обшиваются красными, желтыми и другихъ цвѣтовъ шнурками. Кромѣ того, краковяки подпоясываются ремнями, украшенными разнообразной формы мѣдными гвоздиками и колечками, которыми нерѣдко украшается и самая сукмана. Сапоги подбиваются желѣзными подковками, которыми они весьма ловко отбиваютъ тактъ въ танцахъ, и на которыхъ очень удобно взбираться на горы. Женщины носятъ спензеры, изъ-подъ которыхъ видна рубашка, завязанная лентами; воротникъ, наплечники и рукава рубашки украшаются красными вышивками; юпки довольно короткія, немного ниже колѣнъ. Замужнія женщины повязываютъ голову платками или же одѣваютъ чепчики и сѣтки. У дѣвушекъ висятъ косы съ лентами, а въ праздникъ надѣвается особаго рода повязка, въ родѣ малороссійскихъ. Обувь состоитъ изъ полусапожекъ съ высокими каблучками, обитыми жестью. Домашній бытъ краковяковъ отличается довольствомъ, чему, безъ сомнѣнія, способствуютъ мѣстныя условія занимаемой ими части Польши, отличающейся плодородіемъ, красотою мѣстности, лучшими климатическими особенностями и другими благопріятными условіями. Краковяки занимаютъ верховье р. Вислы, гдѣ проходятъ отроги Карпатскихъ горъ. Живутъ въ хорошихъ, чистыхъ домикахъ, преимущественно деревянныхъ, и отчасти въ плетневыхъ мазанкахъ, крытыхъ соломой и выбѣленныхъ внутри и снаружи; при домикахъ устроиваютъ цвѣтники и фруктовые садики. Болѣе обезпеченный бытъ краковяковъ отразился какъ въ ихъ домашней жизни, такъ и въ складѣ ихъ характера. Это народъ здоровый, веселый и трезвый. Въ страшнѣйшую непогоду, слякоть, вѣтеръ и морозъ, краковякъ, легко одѣтый, идетъ такъ спокойно, что невольно ему удивляешься. Весь измокши, бросится онъ на неприхотливое ложе постоя-

лаго двора, отдохнетъ и, затянувъ пѣсню, опять продолжаетъ свой путь. Распѣвая — пашетъ онъ землю, распѣвая — сражается за нее, и только одна война можетъ заставить его покинуть свою родину. Они всегда охотно поступали въ военную службу, особенно въ кавалерію, ибо очень любятъ верховую ѣзду. Между ними всякій мальчишка отлично умѣетъ править лошадью. Поработавши цѣлую недѣлю, краковяки любятъ въ воскресенье собраться въ корчму и тамъ, за пивомъ, трубкой, или же рюмкой водки, поболтать о своихъ дѣлахъ, о помѣщикахъ, объ управляющихъ, вспомнить былое время и т. д. Къ нимъ подсѣдаютъ дѣвушки, кружокъ постепенно увеличивается, наконецъ раздаются звуки скрипки, разговоръ прекращается, и начинаются танцы. Сначала танцуютъ польскій, потомъ мазурку; когда же веселье въ полномъ разгарѣ — *краковяка*. Становятся пары, кавалеры импровизируютъ куплеты, относящіеся къ его дамѣ или къ извѣстному случаю. Цѣль этихъ куплетовъ — разсмѣшить все общество. Вообще страсть къ танцамъ присуща всѣмъ истымъ полякамъ; стоитъ зайти въ любую сельскую корчму или шинокъ, въ особенности въ праздникъ, чтобы видѣть въ полномъ разгарѣ пляски мѣстныхъ обывателей, съ наслажденіемъ предающихся этому развлеченію. Наши балы всѣ отличаются какою-то натянутостью, мы всѣ танцуемъ точно по приказанію, у поляковъ же этого нѣтъ. Вы видите, что они дѣйствительно веселятся отъ души, что пляска увлекла ихъ и заставила позабыть всѣ невзгоды. У поляковъ танцы носятъ вполнѣ національный характеръ, такъ какъ польскій, полька, обертасъ, мазурка, краковякъ—все это чисто польскіе танцы. Перейдемъ къ краковякамъ. Въ несчастіи краковякъ никогда не теряетъ присутствія духа, напротивъ, онъ всегда сумѣетъ помочь въ своей бѣдѣ. Это народъ смышленый, способный, легко поддающійся просвѣщенію, и оттого между ними гораздо меньше предразсудковъ, чѣмъ у остальныхъ поляковъ. За нанесенныя обиды краковяки любятъ, однако, отомстить такъ, чтобы окончательно уничтожить своего врага, хотя для этого и прибѣгаютъ иногда къ совершенно своеобразнымъ средствамъ. Такъ напр., разсказы-

ваютъ, что одинъ староста былъ тяжелъ для своихъ крестьянъ. Случился у него пожаръ, пламя охватило его усадьбу. Крестьяне не шли на помощь. Наконецъ одинъ изъ нихъ, Іонекъ, выступилъ впередъ и говоритъ: «Братья, пойдемъ на помощь къ нашему угнетателю, пусть узнаетъ, что мы краковяки!» Всѣ бросились; выхватили изъ пламя семейство старосты и спасли часть хлѣбовъ. Іонекъ былъ во главѣ. На другой день разчувствовавшійся староста назначилъ своему избавителю большую награду. «Пане», сказалъ ему Іонекъ, «спрячь деньги, вы узнали теперь, что такое бѣда, такъ будьте же сострадательны и добрымъ паномъ для насъ». «У краковяка ласковымъ и добрымъ обхожденіемъ вы получите больше, чѣмъ суровостью». Эта черта также свойственна всѣмъ полякамъ. Съ ними надобно обращаться ласково, и тогда они повернутся къ вамъ своею хорошею стороною. Разспрашивая напр., о дорогѣ, назовите перваго оборванца «пане», и онъ не только вѣжливо укажетъ вамъ дорогу, но объяснитъ, какъ ближе пройти, даже проводитъ васъ; но на грубое слово онъ ничего не отвѣтитъ, или же такъ взглянетъ, точно кипяткомъ обваритъ.

Куявцы — жители сѣверо-восточной части Варшавской губерніи, во многомъ сходны съ краковяками, такъ что они самихъ себя характеризуютъ слѣдующими словами: «краковякъ и куявецъ хорошіе хлопцы: шесть дней работаютъ, а седьмой протанцовываютъ въ корчмѣ».

Одну семью съ краковяками составляютъ также *сандомержцы* (сандомиры) — жители юго-восточной части Радомской губерніи. Они во многомъ совершенно похожи на краковяковъ, хотя и отличаются нѣкоторыми замѣтными особенностями. Сандомержцы рослѣе и крѣпче краковяковъ, характеръ ихъ серьезнѣе, съ мрачнымъ оттѣнкомъ, и непоколебимо вѣрны даваемому слову, что даже характеризуется польскою поговоркою: «надѣйся на него, какъ на сандомержца». Въ одеждѣ ихъ также замѣтна разница: сукмана безъ пелеринокъ и безъ бляхъ, шапка высокая, баранья. У женщинъ рубашки другаго покроя.

Вообще же сандомержцы, по своему быту, напоминаютъ малороссовъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о *курпикахъ* и *подляхахъ*, племенахъ, напоминающихъ другія національности, но усвоившихъ себѣ много общаго съ поляками.

Курпики, или, какъ ихъ многіе называютъ, просто поляки, составляютъ смѣсь мазуровъ съ остатками ятвяговъ, родственныхъ литовскому племени. Народъ этотъ съ древнихъ временъ поселился въ нынѣ занимаемыхъ имъ мѣстахъ, весьма лѣсистыхъ, а въ прежнее время славившихся непроходимыми лѣсными дебрями. Курпики, получившіе это народное прозваніе отъ обуви, которую они носятъ (курпе — лапти, курпики — лапотники), населяютъ сѣверо-восточную часть Плоцкой губерніи и южную, наибольшую половину Августовской губерніи. Въ прежнія времена они славились необыкновеннымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ, что обусловливалось бытомъ этого народа, занимавшагося охотою въ обширныхъ лѣсахъ. Объ искусствѣ курпиковъ въ стрѣльбѣ, польскіе историки разсказываютъ множество характеристическихъ случаевъ, между прочимъ объ одномъ знаменитомъ стрѣлкѣ царствованія Станислава-Августа. Этотъ стрѣлокъ, въ путешествіи самого короля, на разстояніи 400 шаговъ, выбилъ пулями на щитѣ шифръ: S. A. R., т. е. *Stanislaus-Augustus Rex*.

Курпики, во время различныхъ польскихъ войнъ, постоянно доставляли ополченія изъ превосходныхъ стрѣлковъ и прославились своими партизанскими дѣйствіями во время сѣверной войны и другихъ событій, волновавшихъ Польшу. Такъ въ 1708 году, когда Карлъ XII, въ сопровожденіи Станислава Лещинскаго, шелъ на Россію, онъ, по пути изъ Торна въ Гродно, дошелъ до Мышеницъ; тутъ курпики устроили въ своихъ лѣсахъ засѣки, окопались валомъ и, пользуясь болотистою мѣстностью, преградили шведамъ дорогу, предложивъ имъ условія для свободнаго пропуска. Карлъ XII не согласился на ихъ условія, пошелъ на проломъ и жестоко поступилъ съ курпиками, заставивъ плѣнныхъ вѣшать другъ друга. Ожесточенные

курпики собрались съ силами и нанесли такой сильный ударъ шведамъ, что Карлъ принужденъ былъ бѣжать съ однимъ только драбантомъ къ преданному ему, литовскому подканцлеру Щукѣ.

Хотя въ настоящее время курпики значительно утратили свою воинственность, но и до сихъ поръ дремучій лѣсъ, хорошее ружье и охотничья сума составляютъ драгоцѣннѣйшіе предметы для каждаго курпика. Домашній бытъ ихъ не отличается особеннымъ довольствомъ, чему много препятствуетъ страсть ихъ къ водкѣ. Народъ ихъ сходенъ съ литовцами. Они носятъ бѣлыя рубашки и бѣлые жилеты и панталоны изъ полотна или сукна въ обтяжку, небольшія круглыя шляпы, коричневые кафтаны и лапти — курпе.

Подляхи произошли, какъ полагаютъ, отъ смѣси бѣлоруссовъ съ поляками, чему служитъ доказательствомъ подляхское нарѣчіе, состоящее изъ смѣси бѣлорусскихъ и польскихъ словъ, съ особыми удареніями, придающими говору особый характеръ. Подляхи населяютъ сѣверо-восточную часть Люблинской губерніи. Страна эта называлась Подлясіею (т. е. находящеюся подъ лѣсомъ) или Подляхіею (т. е. находящеюся подъ властію ляховъ); эти названія перешли и на массу сельскаго населенія. Подляхи, или подлясяки, смуглы, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, медленны, неповоротливы, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, съ густыми висячими усами. Ходятъ въ низенькой шапкѣ, съ околышемъ изъ барашка, въ темно-коричневой сукманѣ, подвязанной шерстянымъ кушакомъ и въ холщевыхъ панталонахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, съ огромными каблуками, подбитыми подковами. На работахъ и въ будни они носятъ лапти, которые называются у нихъ *постолы*, изъ липовой коры, а иногда изъ кожи, поверхъ онучь, перевязанныхъ бичевками. Женщины также ходятъ въ лаптяхъ и сукманѣ, и въ коротенькой шерстяной юпкѣ. На голову одѣвается особаго рода чепецъ, обвитый *платомъ*, т. е. кускомъ бѣлаго полотна, концы котораго спускаются на плеча, ниже пояса. Музыка и пѣсни подляховъ отличаются заунывнымъ характе-

ромъ; наиболѣе употребительные между ними танцы, это: *заверуха*, *гайдукъ* и *казачекъ*, или *казакъ*. Бытъ ихъ бѣденъ; живутъ они въ курныхъ избахъ, крытыхъ соломою; ненавидятъ шляхту и сосѣдей своихъ, мазуровъ, населяющихъ Луковскій уѣздъ. Нравами своими и обычаями напоминаютъ бѣлоруссовъ.

Познакомившись съ отдѣльными племенами польскаго народа, укажемъ на нѣкоторыя черты нравовъ, свойственныхъ вообще всему населенію края.

Поляки такъ же, какъ и русскіе, заражены предразсудками, вѣрятъ въ домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ, водяныхъ, въ порчу, колдовство, заговоры и т. п. Разсказываютъ, какъ одна колдунья, выбравъ мѣсто на виду, выкопала яму, положила туда гусиныхъ яицъ и сѣла на нихъ. Крестьяне, увидя ее въ такомъ положеніи, перепугались, стали спрашивать, что будетъ? Она и говоритъ имъ: «я посыплю на васъ такой градъ, какъ эти яйца». Что тутъ дѣлать, какъ помочь бѣдѣ и умилостивить разгнѣванную колдунью? Вотъ стали ей сносить дары, несли все, чего она только хотѣла. Ну, колдунья и смиловалась, прошла бѣда, не затронувъ ихъ. Этотъ разсказъ женщины-крестьянки передаютъ съ такою наивностью, такъ вѣрятъ въ его правдивость, что, слушая ихъ, невольно расхохочешься. Чорта представляютъ обыкновенно въ нѣмецкомъ платьѣ, т. е. во фракѣ, и того мнѣнія, что его любимое мѣстопребываніе — старая печь; называютъ его *дьябеломъ*, *шатаномъ*, *кусицелемъ*, *покусой* и *кадукомъ*. Между народомъ особенно распространено повѣрье, какъ одинъ шляхтичъ, Твардовскій — польскій Фаустъ, продалъ себя чорту.

Твардовскій былъ хоть куда шляхтичъ, и по отвагѣ, и по происхожденію. Хотѣлось ему имѣть больше ума-разума, чѣмъ у другихъ честныхъ людей и сыскать лекарство отъ смерти, которой боялся онъ не на шутку. Вычиталъ онъ одинъ разъ въ какой-то старой книгѣ о томъ, какъ вызвать дьявола. Вотъ ровно въ полночь, тихонько вышелъ онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и, придя на подгорье (часть города), начи-

наетъ громко звать къ себѣ бѣса. Недолго дожидался онъ званаго: сталъ онъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Они, какъ водилось въ то время, и заключили между собою контрактъ. Дьяволъ, тутъ же, на колѣняхъ написалъ условіе, которое Твардовскій и подписалъ собственною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Между условіями было одно, главное: что до тѣхъ поръ чортъ не будетъ имѣть никакого права на душу и тѣло Твардовскаго, пока не поймаетъ его въ Римѣ. Велѣлъ Твардовскій дьяволу, какъ собственному слугѣ своему, прежде всего снести со всей Польши серебро въ одно мѣсто и засыпать его хорошенько пескомъ. Мѣстомъ для этого назначилъ онъ Олькушъ. Послушный слуга исполнилъ его приказаніе, а изъ этого-то серебра открылись главные серебряные рудники въ Олькушѣ. Все, о чемъ бы онъ ни задумалъ и чего бы ни пожелалъ, все это являлось по его призыву: ѣздилъ онъ на рисованномъ конѣ, леталъ безъ крыльевъ по воздуху, пускался въ далекій путь верхомъ на пѣтухѣ и ѣхалъ на немъ скорѣе, чѣмъ на лошади; плавалъ противъ воды безъ веселъ и паруса и зажигалъ стекломъ деревни, на разстояніи ста миль. Золота было у него, что песку, потому что дьяволъ носилъ ему, сколько душѣ угодно. Зашелъ было разъ Твардовскій въ темный лѣсъ и забылъ съ собой свои чернокнижничьи снадобья. Задумалъ онъ думу крѣпкую, какъ вдругъ откуда ни возьмись передъ нимъ дьяволъ, — сталъ и требуетъ, чтобы онъ безъ всякихъ отговорокъ отправился прямо въ Римъ. Разгнѣванный Твардовскій силою своихъ заклятій принудилъ бѣса бѣжать; скрежеща зубами со злости, выдернулъ бѣсъ сосну съ корнемъ и такъ ударилъ Твардовскаго по ногамъ, что одну ногу разбилъ въ дребезги. Съ тѣхъ поръ сталъ Твардовскій хромать и стали его звать колченогимъ. Наскучивъ, наконецъ, такъ долго ждать душу шляхтича, дьяволъ принялъ на себя образъ дворецкаго и пришелъ просить Твардовскаго, какъ искуснаго лекаря, будто бы на помощь къ своему господину. Твардовскій согласился и поспѣшилъ за посланнымъ въ сосѣднюю деревню, вовсе не зная, что въ ней господскій домъ на-

зывался *Римомъ*. Едва переступилъ онъ черезъ порогъ, какъ множество вороновъ, совъ и филиновъ налетѣло со всѣхъ сторонъ на крышу дома и начали наполнять воздухъ своими зловѣщими криками. Увидѣлъ тутъ Твардовскій, что дѣло плохо; взялъ къ себѣ на руки изъ колыбели маленькаго ребенка, только-что окрещеннаго, какъ вдругъ откуда ни возьмись въ избу дьяволъ, въ собственномъ своемъ видѣ. Хоть онъ и былъ разодѣтъ въ пухъ, въ треугольной шляпѣ, во фракѣ, съ длиннымъ камзоломъ на брюхѣ, узкіе и короткіе панталоны и башмаки съ пряжками и бантами, однако-жъ, всѣ его тотчасъ узнали, потому что рога выглядывали изъ-подъ шляпы, когти сквозь башмаки, а сзади виднѣлся хвостъ. Онъ хотѣлъ было уже схватить Твардовскаго, но, увидѣвъ въ рукахъ его дитя, отшатнулся. Но бѣсъ таки нашелся, подошелъ къ нему и сказалъ: «ты честный шляхтичъ, а потому *verbum nobile debet esse stabile*», что соотвѣтствуетъ русской пословицѣ: «не давши слова крѣпись, а давши слово держись». Видя, что нельзя измѣнить честному слову шляхтича, Твардовскій положилъ дитя и, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ, вылетѣлъ черезъ трубу изъ дома. Поднялся онъ такъ высоко, что большіе города казались уже ему мухами; сжалось у него сердце; собравъ послѣднія силы, запѣлъ онъ церковную пѣснь. Пропѣвъ, онъ замѣчаетъ, что уже не летитъ выше, что повисъ на мѣстѣ. Оглянулся кругомъ — дьявола нѣтъ, а изъ синей тучи прогремѣлъ громкій голосъ: «будешь висѣть такъ до самаго суднаго дня».

Свадебные обряды у всѣхъ поляковъ одни и тѣ же, съ маленькими измѣненіями. Всякой свадьбѣ предшествуетъ сватовство, которое происходитъ черезъ сватовъ, свахъ, или же молодые люди лично сватаются, какъ, напр., мазуры. Пріѣзжаетъ сватъ съ женихомъ или одинъ, привозитъ съ собою водку и, поздоровавшись, проситъ одолжить рюмку. Дѣвушка прячется за печь, а не то убѣгаетъ къ сосѣдямъ. Когда мать ея скоро и охотно подаетъ рюмку, это означаетъ согласіе, если же долго ищетъ и никакъ не можетъ найти — отказъ. Выпивъ за здоровье,

сватъ, будто невзначай, спрашиваетъ о дочери; ее приводятъ. Онъ начинаетъ восхвалять ея красоту, говоритъ, какая изъ нея была бы хорошая хозяйка и жена, предлагаетъ ей рюмку водки, та выпиваетъ нѣсколько капель, тогда онъ проситъ руку. Получивъ согласіе, женихъ даетъ денегъ въ церковь и покупаетъ невѣстѣ подарки. На крышѣ того дома, гдѣ предполагается свадьба, развѣвается маленькій флагъ; всякій, кто его увидитъ, можетъ смѣло войти въ избу: всякому гостю будутъ рады. Въ домѣ невѣсты замужнія женщины помогаютъ печь булки, дѣвушки плетутъ вѣнки, вяжутъ букеты. Передъ вѣнцомъ невѣсту сажаютъ на квашню, расчесываютъ ей волосы, убирая въ цвѣты и ленты. Все время, пока одѣвается невѣста, чтобы ѣхать въ церковь, дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни. Когда она одѣнется, родители ее благословляютъ; затѣмъ, рыдая, прощается она со всѣми родными и знакомыми. Пріѣзжаетъ женихъ со свитой, его благословляютъ, наконецъ съ музыкой ѣдутъ въ косцёлъ. Молодая и подружки ея садятся въ телѣги, а женихъ и шаферы сопровождаютъ ихъ верхомъ; каждый изъ шаферовъ въ одной рукѣ держитъ кнутъ, а въ другой — флагъ. По дорогѣ иногда молодежь зажигаетъ костры изъ хвороста и на коняхъ перепрыгиваетъ черезъ нихъ. Отъ вѣнца невѣсту уже сопровождаютъ не дѣвушки, а замужнія женщины. У порога дома молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью, осыпаютъ всѣхъ овсомъ или же затворяютъ избу; они должны нѣсколько разъ постучаться, просить отворить, и только послѣ убѣдительныхъ просьбъ ихъ впускаютъ. Выпивъ за здоровье молодой четы, при возгласѣ: *niech żyją Państwo młodzi* (да здравствуетъ молодая чета, или за здоровье молодыхъ), садятся за столъ; подаются куличи пшеничные и ржаные, масло, сыръ, гуси, поросята, жаркое, солонина, водка, пиво, орѣхи и яблоки. Послѣ обѣда, сначала старики протанцуютъ польскій, а потомъ уже начинаетъ молодежь танцовать. Наконецъ наступаетъ минута *очепины*, т. е. невѣстѣ надѣваютъ чепецъ; у однихъ ей немного подстригаютъ косу, у другихъ совсѣмъ обрѣзаютъ, какъ ненужное украшеніе для замужней женщины,

у третьихъ же, наконецъ, просто надѣвается чепецъ. Этотъ обрядъ также сопровождается пѣснями. Послѣ очепинъ слѣдуетъ ужинъ, потомъ опять пляски до поздней ночи. Наконецъ дѣдъ беретъ молодую за руку, танцуетъ съ нею *вольное* (польскій), за ними идутъ старики и старухи, и этимъ оканчивается свадьба или, какъ говорятъ мужики, *весе*.

Канунъ Рождества и Пасхи у мужиковъ празднуется нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Наканунѣ Рождества дѣлаютъ такъ называемую *кутью*, къ сей приготовляется множество постныхъ блюдъ, различныхъ сортовъ рыба, приготовленная различными способами, пирожки, каши и непремѣнно должна быть самая кутья, т. е. разварной рисъ съ изюмомъ и постныя галушки изъ тѣста, подаваемыя съ медомъ, разбавленнымъ водою. Въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, столъ застилается сѣномъ; садятся очень поздно, послѣ появленія первой звѣзды. Хозяйка прежде всего раздаетъ оплатки (частицы просфоры), въ видѣ разноцвѣтныхъ маленькихъ, тоненькихъ лепешекъ, потомъ ѣдятъ кутью. За столомъ обыкновенно сидятъ долго, такъ какъ блюдъ очень много.

Рождественскія святки крестьяне посвящаютъ гаданью о замужествѣ. Дѣлаютъ изъ льна двѣ фигуры и разомъ зажигаютъ ихъ: если оба пламя сходятся — это означаетъ свадьбу; льютъ воскъ, цинкъ, бросаютъ башмаки, кольца въ воду, слушаютъ подъ окнами и т. д.

Предъ Пасхой, начиная съ великаго четверга, или же со среды, вплоть до перваго дня праздника, въ каждомъ домѣ происходитъ страшнѣйшая суетня и бѣготня. Хозяйка заготовляютъ *свенцоне*, т. е. пасхальный столъ, въ эти дни всѣмъ находится работа — и слугамъ, и господамъ, и дѣтямъ. Идя по улицѣ, то и дѣло слышишь, какъ со всѣхъ сторонъ раздаются удары пестика: то толкутъ сахаръ, миндаль, мушкатные орѣхи и разныя пряности для знаменитыхъ *бабъ*, *пляцекъ* и *мазурекъ*. Всякой хозяйкѣ такъ много дѣла, что она нерѣдко заболѣваетъ къ празднику, да и неудивительно. Нужно заготовить всего на первые четыре дня не только для своей семьи,

но и для всѣхъ знакомыхъ, приходящихъ съ визитомъ. Къ тому же, поляки очень гостепріимный народъ, не выпустятъ гостя, чтобы онъ чего либо не отвѣдалъ, по крайней мѣрѣ, кусочекъ бабки или мазурка съ виномъ, которыми хозяйки очень любятъ прихвастнуть и которыхъ умѣютъ приготовлять такое множество, что трудно перечислить. Бабы миндальныя, шекелатныя, ванильныя, лимонныя, хлѣбныя, обыкновенныя, необыкновенныя, сквозныя, прозрачныя, маленькія, большія, вышиною аршина въ полтора, словомъ, глазъ разбѣгается, не знаешь, которую попробовать, которая лучше — всѣ хороши. Столъ гнется подъ тяжестью этихъ бабъ, окороковъ, дичи, жаркихъ, сыровъ, яицъ и т. д. Въ этотъ праздникъ всѣ ѣдятъ такъ много, что къ концу многіе страдаютъ разстройствомъ желудка. Самый бѣдный шляхтичъ, убогій крестьянинъ копитъ деньгу къ этому дню, чтобы сдѣлать хотя маленькое свенцоне и разговѣться съ семьею, какъ требуетъ того польскій обычай.

Приведемъ для образца описаніе *свенцонаго* прежнихъ временъ. Въ одномъ сочиненіи говорится, что воевода Сапѣга сдѣлалъ такое свенцоне, на которое съѣхалось множество пановъ съ Литвы и Короны. Посреди круглаго стола, за которымъ могло помѣститься человѣкъ сто, стоялъ великолѣпный барашекъ, сдѣланный изъ масла въ настоящую величину овечки; на мѣсто глазъ были вдѣланы два огромные брилліанта, въ черной оправѣ. На заднемъ планѣ стола, на серебряныхъ блюдахъ, лежало четыре огромные кабана, т. е. столько, сколько временъ года. Каждый кабанъ уложенъ былъ *шинками* (окороками), колбасами и поросятами. Тутъ же стояло 12 оленей, съ золотистыми рогами, цѣликомъ зажаренные и начиненные разною дичью: зайцами, тетеревами, куропатками, рябчиками и т. п. Эти олени изображали 12 мѣсяцевъ. Кругомъ всего стола разложены были саженныя печенья: пляцки, мазурки, жмудскіе пироги, куличи и т. д.; ихъ было столько, сколько недѣль въ году, т. е. 52 штуки, за ними слѣдовали 365 бабъ. Вокругъ главнаго кулича, величиною въ 8 локтей (6 арш.), стояло 12 апостоловъ, среди ихъ Іисусъ Христосъ съ хо-

ругвью, а надъ нимъ возносился ангелъ. Эти фигуры хотя были сдѣланы изъ тѣста, но весьма живо. Нѣкоторыя изъ пляцекъ также изображали разныя явленія. Напримѣръ, въ срединѣ одного пляцека былъ сдѣланъ прудокъ изъ бѣлаго меда, а оттуда выглядывали рыбки и купающіяся нимфы. Были также фигурки и юмористическаго содержанія; напримѣръ, Пилатъ вытаскивалъ колбасу изъ кармана Магомета. Венгерское, любимое вино поляковъ, было разлито въ 365 бутылкахъ, старыя, дорогія вина стояли въ 12 серебряныхъ кувшинахъ, вина средней цѣны — въ 52 серебряныхъ боченкахъ, а меду для челяди было приготовлено 8,760 квартъ, по числу часовъ въ году.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ общественномъ положеніи польскихъ крестьянъ.

Пока Польша была самостоятельнымъ государствомъ, крестьяне не пользовались никакими правами; это были рабы, надъ которыми владычествовалъ произволъ шляхетства. Назвавъ ихъ хлопами, впослѣдствіи оно нашло это недостаточнымъ и дало имъ прозвище отверженнаго племени Хама, осужденнаго на вѣчное рабство. Освобожденіе крестьянъ въ областяхъ, составлявшихъ Варшавское герцогство, принадлежитъ Наполеону: уставомъ конституціи 1807 года было отмѣнено рабство, и всѣ обыватели были признаны равноправными. Сверхъ того, герцогъ Варшавскій, король Саксонскій, предоставилъ крестьянамъ право свободнаго выхода изъ имѣній. Но ни личное освобожденіе, ни право перехода не могли способствовать благосостоянію сословія крестьянъ. Они не были собственниками, а потому постоянно находились въ большой зависимости отъ владѣльца земли или его арендатора. Что дѣлать было крестьянину съ личной свободой, когда средства для его существованія все-таки оставались въ рукахъ шляхты. Для него, во что бы то ни было, необходимъ былъ помѣщикъ съ его землею, ему нуженъ былъ насущный кусокъ хлѣба, надъ нимъ висѣла нужда: могъ ли онъ спокойно выжидать и заключать выгодныя для себя сдѣлки? Въ слѣдствіе такого положенія, неравенство не

сглаживалось, отношенія крестьянъ и помѣщиковъ оставались тѣ же, что и прежде съ барщиной, оброкомъ и разными повинностями. Только 19-го февраля 1864 года крестьяне Царства Польскаго были надѣлены землею такъ же, какъ и русскіе, объявлены собственниками и полноправными гражданами, получивъ въ то же время самоуправленіе, основанное на организаціи сельскихъ гминъ и сельскихъ обществъ. Сельская *гмина*, т. е. община, состоитъ изъ деревень, колоній и фольварковъ, или мызъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ. Одне деревни и колоніи, безъ фольварковъ, образуютъ общество, т. е. волость. Какъ въ гминахъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ завѣдываніе общественными дѣлами поручается общественнымъ сходкамъ, называемымъ у нихъ *громадами*, и лицамъ, избираемымъ этими сходками. Въ гминахъ сходки выбираютъ по одному *войту* (головѣ) и отъ двухъ до трехъ помощниковъ *(лавниковъ)* всѣхъ сословій и изъ лицъ, владѣющихъ не менѣе 6-ю моргами земли *); на сходкѣ же сельскихъ обществъ выбирается *солтысъ*, т. е. староста.

Польскіе магнаты XVII—XVIII ст.

Польскіе магнаты XVII—XVIII столѣтій жили богато и роскошно, вели жизнь разгульную и беззаботную. Тогда въ Польшѣ въ модѣ было гостепріимство, пированье, щегольство, оттого много было такихъ, что проѣдались, пропивались, проигрывались и искали средствъ поправиться рыцарскими трудами, хотя бы обыкновеннымъ разбоемъ; по тогдашнимъ понятіямъ, честнѣе было шляхетному человѣку разбойничать, чѣмъ жить съ разсчетомъ, трудами ремеслъ и торговли.

При каждомъ панскомъ домѣ находилось много деревянныхъ

*) Въ Польшѣ земля дѣлится не на десятины, а на морги; одинъ моргъ = 0,512 десятины.

строеній, гдѣ помѣщались службы, и находились пріюты для гостей, которые то и дѣло, что пріѣзжали на дворъ и съѣзжали со двора знатнаго пана; былъ тамъ садъ, а за садомъ гумна, оборы, шпихлеры, пивоварня, скотня и проч. Посреди, во дворѣ, возвышался деревянный костелъ, а близъ него домъ или палацъ, гдѣ проживалъ самъ магнатъ. Палацъ часто былъ деревянный. Тогда богатые паны не гнушались домами, построенными изъ лиственицы: это не мѣшало украшать ихъ великолѣпно и снаружи и внутри. На верху очень высокой, въ два уступа, гонтовой крыши, со множествомъ слуховыхъ оконъ, была средняя вышка съ золоченой маковкой: по угламъ стояли вышки поменьше. Панскіе домы обыкновенно строились тогда въ два жилья, съ заворотами и угольниками, на глубокомъ подвалѣ. Наружное разнообразіе постройки увеличивалось многими входами съ крыльцами подъ навѣсами. Съ пріѣзда на дворъ бросался въ глаза главный входъ подъ фронтономъ на колоннахъ, украшенныхъ гербомъ владѣтеля. Съ главнаго крыльца входили въ огромныя сѣни, гдѣ всегда было множество прислуги. Изъ сѣней былъ входъ въ столовую залу, обычное мѣсто сборища гостей; за ней анфиладою шли двѣ или три залы, убранныя нарядно. Потолки разрисовывались, раззолочивались узорами, рѣзныя створки дверей блистали позолотою; на дверяхъ и на окнахъ, съ разноцвѣтными стеклами и лѣпными карнизами, висѣли золототканные или бархатные занавѣсы съ широкою бахромою; стѣны, столы и скамьи, а во многихъ комнатахъ и полы, укрыты были ковровыми тканями съ затѣйливыми изображеніями охоты, сраженій, семейныхъ сценъ, миѳическихъ и историческихъ событій и проч. На стѣнахъ висѣли картины, и въ одной изъ залъ по стѣнамъ красовались въ золоченыхъ рамкахъ портреты королей и предковъ хозяина. У стѣнъ стояли лавки съ откосами, а кресла, которыхъ было немного, дѣлались на золоченыхъ ногахъ, съ золочеными рукоятками, въ видѣ вычурныхъ фигуръ. Кромѣ этихъ парадныхъ комнатъ, панскій домъ наполняли жилыя комнаты въ различныхъ направленіяхъ, отличавшіяся тѣмъ, что въ стѣнахъ были

выемки и шкапы съ полками и дверцами для храненія всякаго рода домашнихъ вещей. Таковъ былъ общій видъ панскаго дома XVII вѣка.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большіе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворянами, были шляхетнаго происхожденія, занимали ближайшія къ панской особѣ должности; изъ нихъ то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвью. Кромѣ того, «дворяне» должны были исполнять всѣ приказанія своего пана: сопровождать его вездѣ, ѣздить по его дѣламъ, подавать голоса въ пользу его или избраннаго имъ кандидата на выборную должность во время «сеймовъ», или выборныхъ съѣздовъ, причемъ часто приходилось драться за мнѣнія своего пана или дѣйствовать силой въ пользу его плановъ, такъ что нерѣдко на этихъ сеймикахъ многіе дворяне какого-нибудь магната гибли, «посѣченные» дворянами другаго вельможи.

У пана, какъ у независимаго владѣтельнаго лица, были свои придворные чины. Первое мѣсто между ними занималъ маршалокъ двора (дворецкій): онъ завѣдывалъ порядкомъ службы, творилъ судъ и расправу надъ слугами, принималъ ихъ въ службу и увольнялъ. За нимъ слѣдовали панскій докторъ, правникъ, т. е. ходатай по судебнымъ дѣламъ, коморникъ, крайчій, старосты, ключники, писаря; наконецъ, у пановъ были шуты или забавники, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы веселить пана и гостей его, когда понадобится. Вся эта огромная толпа панскихъ слугъ шляхетнаго званія жила на счетъ мѣщанъ, жителей города или мѣстечка, даннаго пану; мѣщане обязаны были давать имъ *станціи* на продовольствіе — хлѣбомъ, мукою, рыбою, мясомъ, а подчасъ шляхтичъ-слуга и насильно бралъ, что хотѣлъ, у мѣщанина. Когда пану нужно было что-нибудь для дома, то это покупалось у подвластныхъ мѣщанъ; имъ вмѣсто чистыхъ денегъ давались карточки, которыя ходили между ними, какъ ассигнаціи, и, разумѣется, падали въ цѣнѣ при сношеніяхъ съ чужими. Кромѣ обычныхъ по уставу поборовъ, панъ вымогалъ

отъ мѣщанъ упоминки, особенно когда случалось ему дѣлать пиръ. Тогда у пана веселились, а мѣщане терпѣли лишенія, втайнѣ проклиная панскую веселость. Другой разрядъ слугъ, подъ общимъ названіемъ либеріи, составлялъ дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. Большая же часть слугъ не имѣла опредѣленнаго занятія. Эти слуги назывались еще юргельтниками, оттого что получали *юргельтъ* — жалованье; но такихъ было немного, да и то жалованье обыкновенно давалось въ скудномъ количествѣ; остальные тѣмъ довольствовались, что получали помѣщеніе и пищу, ничего не дѣлая. Не имѣя средствъ къ хорошему содержанію, слуги панскіе нерѣдко дѣлали всякаго рода своевольства и разбойничали. Многолюдство прислуги во дворѣ знатнаго вельможи увеличивалось оттого, что съ дворянами, т. е. слугами шляхетнаго происхожденія, проживали у пановъ собственные пахолки этихъ дворянъ.

Польскіе паны ѣздили пышно и медленно; ихъ сопровождало множество экипажей и множество слугъ; за ними везли чуть не все хозяйство; а ѣдучи, если не было къ спѣху, они заѣзжали къ роднѣ и друзьямъ, гдѣ пріѣздъ гостей давалъ поводъ къ празднествамъ и угощеніямъ.

Польскій пиръ въ тѣ времена такъ отправлялся. Въ два часа пополудни ударялъ колоколъ между палацомъ и офицыною. Гости собирались въ столовую, гдѣ полъ былъ усыпанъ пахучими травами, а въ воздухѣ носились облака благовонныхъ куреній; въ одномъ углу за перилами блистала пирамида серебряной и золотой посуды, а въ противоположномъ, также за перилами, сидѣлъ оркестръ музыкантовъ, въ которомъ преобладали духовые инструменты.

Маршалокъ, стоя у дверей столовой, впускалъ гостей по реестру. Четыре служителя подходили къ гостямъ по очереди; одинъ держалъ тазъ, другой изъ серебрянаго сосуда лилъ на руки гостю благовонную воду, третій и четвертый подавали ему вышитое по краямъ полотенце утереть руки.

Гости садились за столъ, обыкновенно разставленный въ видѣ буквъ П или Т, смотря по количеству гостей, накрытый

тремя скатертями, одна сверху другой, и установленный множествомъ серебряныхъ и позолоченныхъ кубковъ, чарокъ, ростругановъ и серебряныхъ судковъ съ филигранными корзинами наверху для плодовъ. Дамы садились поперемѣнно съ мужчинами для веселости бесѣды. Музыканты играли въ продолженіе всего обѣда. Подстолій, крайчій и подчашій распоряжались слугами: множество послѣднихъ, въ цвѣтныхъ платьяхъ бѣгали взадъ и впередъ, ставили на столъ и снимали со стола кушанья, которыхъ у поляковъ было обыкновенно четыре перемѣны, и на каждую перемѣну ставилось разомъ на столъ блюдъ 50 и болѣе, какъ можно позатѣйливѣе изготовленныхъ, какъ по выбору матеріала, такъ и по способу приготовленія: тутъ подавались чижи, воробьи, коноплянки, жаворонки, чечетки, кукушки, козьи хвосты, пѣтушьи гребенки, бобровые хвосты, медвѣжьи лапки, какой-нибудь соусъ въ видѣ барана съ позолоченными рогами, налитаго жидкостью, пропитанною шафраномъ; но особенно художническое дарованіе поваровъ выказывалось въ концѣ обѣда на цукрахъ, когда, снявши верхнія скатерти, слуги устанавливали столъ сахарными изображеніями городовъ, деревъ, животныхъ, людей, и проч., и проч. Такъ напр., когда обѣдалъ Димитрій Самозванецъ у Мнишка, то видѣлъ на столѣ двуглавые орлы, московскій Кремль съ позолоченными крышами церквей и свое собственное подобіе на тронѣ въ Мономаховой шапкѣ; ибо польская вѣжливость требовала представить изображенія, имѣющія отношенія къ почетному гостю. Изъ кубковъ вычурной работы, которые Польшѣ доставляли во множествѣ Нюренбергъ и Генуа, пили заздравныя чаши стараго венгерскаго, и тутъ было раздолье всевозможному краснословію, тутъ слышались фразы изъ св. писанія, изъ латинскихъ классиковъ, изъ греческихъ философовъ, часто въ искаженномъ видѣ, уподобленія изъ миѳологіи, примѣры изъ древней исторіи, диѳирамбы католичеству, восхваленія доблести польскихъ героевъ, угрозы невѣрію.

Еще гости сидѣли и толковали за кубками венгерскаго, а уже блескъ польскаго пира смѣнялся другою стороною поль-

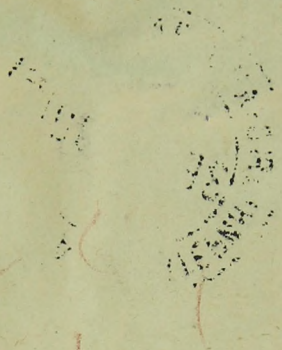
скаго веселья. Музыка играла полонезъ. Дамы, вышедшія изъ-за стола заранѣе, входили попарно въ танцовальныхъ нарядахъ, сверкая множествомъ цѣпей, украшавшихъ ихъ грудь, затѣйливыми филиграновыми кружевами около шеи, дорогими перстнями на пальцахъ, въ тѣ времена незакрываемыхъ перчатками. Онѣ плавно подходили къ пирующимъ и кланялись; мужчины, покручивая усы, побрякивая корабелями и поправляя на головахъ расшитыя золотомъ могерки, молодецки выступали за ними и попарно шли по разнымъ покоямъ дома. Эта процесія открывала рядъ туземныхъ и иноземныхъ танцевъ въ сосѣдней залѣ: ихъ никто не въ состояніи былъ описать; фигуры вымышлялись по вдохновенію. Эти танцы сопровождались хорами, криками, стуками, хлопаньемъ въ ладоши, ударами металлическихъ подковъ до появленія искръ. Вліяніе западно-европейской образованности ввело въ польское общество и иноземные танцы; въ знатныхъ домахъ они свидѣтельствовали о хорошемъ тонѣ, но и тамъ не изгнали они еще народныхъ забавъ, и на балѣ польско-русскаго пана можно было рядомъ съ туземными танцами увидѣть нѣжно-разбитную горлицу, или удалаго казака, танцуемаго подъ меланхолическую украинскую пѣсню, которую пѣлъ посрединѣ залы съ лютнею какой-нибудь шляхтичъ, и притомъ забавлялъ гостей передразниваньемъ степныхъ пріемовъ запорожцевъ.

Не меньше приманчивая сторона польской жизни высказывалась на охотѣ. Послѣ танцевъ это была любимая забава. Знатный панъ, открывая свой домъ для гостей, считалъ долгомъ угостить ихъ охотою на своихъ поляхъ, пощеголять своими собаками, соколами, кречетами. Тутъ было гдѣ развернуться шляхетскому молодцу, показать свою ловкость и мужество, красоту своей лошади, блескъ конскаго убора, на который поляки тратили чуть не столько, сколько на посуду. Тутъ молодыя панни и панны показывали свою удаль наравнѣ съ мужчинами.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ УѢЗДНАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА
ЗЕМСТВО

Ер 35К
пер 75



91(4)
С-30